ISSN-0132-862X

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

11/12
1992

МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ ФИЛАРЕТ (ДРОЗДОВ; 1782—1867)

Портрет конца XIX века

1992 • 11–12

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

Журнал выходит ежемесячно на русском и английском языках

Адрес редакции: 119435 Москва, Погодинская ул., 20

Главный редактор - председатель Издательского отдела Московского Патриархата МИТРОПОЛИТ ВОЛОКОЛАМСКИЙ И ЮРЬЕВСКИЙ ПИТИРИМ

СОДЕРЖАНИЕ

Святейший Патриарх Тихон. Новогоднее слово 2

Церковная жизнь

Архимандрит Сергий (Соколов). Перенесение Благодатного Огня от Гроба Господня в Москву 3

Из истории Церкви

Михаил Вострышев. Восстановление патриаршества 11

А. Ч. Козаржевский. Церковноприходская жизнь Москвы 1920—1930-х годов. *Воспоминания прихожанина* 21

В России издана впервые 28

К 125-летию со дня преставления митрополита Московского Филарета

Священник Максим Козлов. Святитель Московский Филарет (Дроздов) 29

Митрополит Филарет (Дроздов). О догматическом достоинстве и охранительном употреблении греческого семидесяти толковников и славянского переводов Священного Писания 37

Церковь и общество

Александр Яковлев. Храм за колючей проволокой 47

Венок Преподобному Сергию

Н. Борисов. Преподобный Сергий Радонежский и духовные традиции Владимиро-Суздальской Руси 48

Проповедь

Архиепископ Фаддей (Успенский). Помощница в скорбях 50

Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). О духах злобы и наших сердцах 52

Священник Сергий Поляков. Собор Честных Небесных Сил бесплотных 54

Из духовного опыта

Архимандрит Иоанн (Маслов). Милосердие в деле спасения 55

Церковь и государство

Диакон Андрей Лоргус. Кесарю кесарево. *Историческая апология* 57

А. Буевский. Несколько слов о статье отца Андрея Лоргуса 62

Е. С. Полищук. Капитуляция или компромисс?. 63

Игумен Иннокентий Павлов. О декларации Митрополита Сергия 70

Вечная память

Схиархимандрит Иоанн (Маслов) 75

Церковное право

Митрополит Николай (Ярушевич). Роль мирян в управлении церковным имуществом с точки зрения канонов Древней Вселенской Церкви *(историко-канонический очерк)* 77

Новогоднее слово

Минувший год был годом строительства Российской державы. Но увы! Не напоминает ли он нам печальный опыт вавилонского строительства?

На всей земле был один язык и одно наречие. И сказали они: построим себе город и башню, высотою до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли. И сошел Господь посмотреть город и башню, которую строили сыны человеческие. И сказал Господь: ...сойдем и смешаем там языки их так, чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле (Быт. 11, 1, 4—5, 7—8). Не угодно было Господу строительство вавилонское, противно планам Божественного домостроительства. *Сделаем себе имя* — не напоминает ли это желание наших прародителей быть *яко боги* (Быт. 3, 5); и единый дотоле язык смешался в разных наречиях, и единый народ разделился на разные племена, враждебные друг другу и истребляющие одно другое.

Аще Господь не созиждет дом, всуе трудишася зиждущие (его), *напрасно вы рано встаете, поздно просиживаете* (Пс. 126, 1—2). Это исполнилось в древности на вавилонских строителях. Сбывается днесь и воочию нашею. И наши строители желают сотворить себе имя, своими реформами и декретами облагодетельствовать не только несчастный наш русский народ, но и весь мир, и даже народы гораздо более нас культурные. И эту высокомерную затею их постигает та же участь, что и замыслы вавилонян: вместо блага приносится горькое разочарование. Желая сделать нас богатыми и ни в чем не имеющими нужды, они на самом деле превращают нас в *несчастных, жалких, нищих и нагих* (Откр. 3, 17). Вместо так еще недавно великой, могучей, страшной врагам и сильной России они сделали из нее жалкое имя, пустое место, разбив ее на части, пожирающие в междоусобной войне одна другую. Когда читаешь Плач Иеремии, невольно оплакиваешь словами пророка и нашу дорогую Родину.

Как Господь поверг на землю красу нашу, как разрушил укрепления, как отверг царей и князей наших. Страна, некогда многолюдная, стала, как вдова, великий между народами, князь над областями делается данником. Горько плачет он ночью, и слезы на ланитах его, и нет у него утешителя. Враги его стали во главе, неприятели благоденствуют, и враг простер руку на самое драгоценное у него. Воззри, Господи, и посмотри, как мы унижены... и есть ли болезнь, как наша, какая постигла нас. Ведь народ вздыхает, ища хлеба, отдает драгоценности свои за пищу, дрова достает за большие деньги и наследие наше переходит к чужим. Дети просят хлеба и никто не подает им. Евшие сладкое истаевают на улицах и воспитанные на багрянице жмутся к навозу (см.: Плач. 1, 1—2, 5, 10—12; 4, 4—5; 5, 2, 4). И это в стране, бывшей житницею целой Европы и славнейшей своими богатствами.

И вся эта разруха и недостатки от того, что без Бога строится ныне русское государство. Разве слышали мы из уст наших правителей святое Имя Господне в наших многочисленных советах, парламентах, предпарламентах? Нет, они полагаются только на свои силы, желают сделать имя себе, а не так, как наши благочестивые предки, которые не себе, а Имени Господню воздавали славу. Оттого Вышний посмеется планам нашим и разрушит советы наши. Подлинно праведен Ты, Господи, ибо мы не покорны были слову Твоему (ср. Плач. 1, 18).

Забыли мы Господа! Бросились за новым счастьем, стали бегать за обманчивыми тенями, прильнули к земле, к деньгам, упились вином свободы — и так, чтобы всего этого достать как можно больше, взять именно себе, чтобы другим не оставалось. Заботимся о том, что преходит, прилежати же о душе вещи бессмертной совсем забываем. Оттого и наши заботы о создании храмин и житниц (ср. Лк. 12, 13—20) постигает неудача. Церковь осуждает такое наше строительство, и мы решительно предупреждаем, что успеха у нас не будет никакого до тех пор, пока не вспомним о Боге, без Которого ничего доброго не может быть сделано (ср. Ин. 15, 5), пока не обратимся к Нему *всем сердцем* и *всем помышлением своим* (Мф. 22, 38). Теперь все чаще раздаются голоса, что не наши замыслы и строительные потуги, которыми мы были так богаты в мимошедшее лето, спасут Россию, а только чудо, если мы будем достойны этого.

Будем же молить Господа, чтобы Он благословил венец наступающего лета Своего благостию, и да будет оно для России *лето Господне, благоприятное* (Ис. 61, 2).

Москва, 1 января 1918 года

Патриарх ТИХОН

Перенесение Благодатного Огня от Гроба Господня в Москву

На масленице позвонил епископ Истринский Арсений и сказал, что есть благословение Святейшего Патриарха Алексия включить меня, инспектора Московской Духовной Академии архимандрита Сергия, и эконома Троице-Сергиевой Лавры архимандрита Панкратия в паломническую группу, направляющуюся на Пасху в Иерусалим. Паломникам предстояло в Великую Субботу стать свидетелями чудесного возгорания Благодатного Огня на Гробе Господнем и с этим Огнем пройти по местам проповеди святых братьев, равноапостольных Кирилла и Мефодия.

На первой неделе Великого поста, когда Его Святейшество был в Лавре, от него я узнал подробности предстоящей поездки. На меня возлагалась обязанность духовного окормления группы, состоящей из людей разных профессий и неодинакового духовного опыта, но которые все объединены одной идеей: пронеся Благодатный Огонь по славянским странам, засвидетельствовать этим единство всех православных народов и верность их принятому некогда спасительному Христову учению. Инициатором этого паломничества выступил Международный фонд славянской письменности и культуры, включив его в программу празднования Дней славянской письменности, начало которых открывалось праздничным богослужением в Успенском соборе Московского Кремля 24 мая 1992 года, торжественным крестным ходом на Славянскую площадь к открываемому в этот день памятнику равноапостольным братьям — просветителям славян.

В нише постамента памятника перед образом Нерукотворенного Спаса должна быть возжжена неугасимая лампада от привезенного нами Благодатного Огня. Таким образом, на наше паломническое путешествие отводился месячный срок — с 24 апреля по 24 мая. За эти дни мы должны были посетить Святую Землю, прилетев туда самолетом, далее с Огнем прилететь в Константинополь, а оттуда автобусом проехать через Грецию, Болгарию, Югославию, Венгрию, Чехо-Словакию, Польшу, Украину, Белоруссию, через Троице-Сергиеву Лавру и наконец внести Огонь в Московский Кремль. Слов нет, поездка предполагалась уникальная, но и трудностей на пути могло возникнуть множество.

У благочестивых православных христиан есть традиция приносить домой после страстной службы Великого Четверга огонек и сохранять его сколько возможно. Приспособления для этого делают самые разные — от примитивных пакетов и бутылок с отбитым донышком до специальных светильников. Перед нами задача была более сложная — путешествовать с Огнем в течение месяца и главное — провезти его в самолете, что требовало специального разрешения, но где и у кого его брать — никто не знал. Скоро я понял, что заниматься этим мне предстоит самому.

Светильники помог мне изготовить студент нашей Семинарии. Один из них, более простой, я сделал сам за три часа, использовав круглую пластмассовую коробку из-под ладана и вмонтировав внутрь пузырек из-под вазелина с фитилем. Второй, как мне казалось, более надежный, состоял из двух футляров, входивших один в другой, масло же заливалось во флакон из-под духов и его хватало на трое суток. Один футляр был из плексигласа: прозрачный, с иконой Воскресения Христа; его я позже во время богослужений ставил на святой престол, второй, внешний, был из пенопласта. Снаружи я оклеил светильники специальной бумагой с золотым рисунком. После испытания, а для этого я съездил с огнем в Москву и обратно, пришлось кое-где вставить металлические прокладки.

По пути следования с Огнем предполагалось делать визиты Святейшим Патриархам — Иерусалимскому, Константинопольскому, Болгарскому, Сербскому. Я решил, что лучшим подарком для них будет Огонь от Гроба Господня, для чего заказал у мастеров Сергиева Посада, изготавливающих матрешки, специальные светильники в форме пасхального яйца, расписанные под лампаду.

Скоро некоторые газеты поместили информацию о предстоящей поездке и даже схему предполагаемых остановок. Так как святые братья Кирилл и Мефодий посещали Рим, где Папа Адриан благосклонно принял их, благословив совершать богослужение на славянском языке, а после смерти в Риме святого Кирилла рукоположил во епископа Мефодия, то был разговор о возможности посещения и этого древнего города.

Состав нашей группы был, как я уже сказал, разноликий. Официально группу возглавлял Александр Николаевич Крутов — бывший депутат Союза и телеобозреватель. Он собрал нас накануне вылета: днем 23 апреля (был Великий Четверг), представил друг другу. Научную программу поездки разработал археолог Сергей Алексеевич Беляев, писатель Дмитрий Жуков — сопредседатель Общества русско-сербской дружбы позаботился о программе пребывания в Югославии, афганец Юрий Срывков — поэт, преподаватель Военно-гуманитарной академии обеспечил нас автобусом с чехословацким экипажем, который без проблем провез нас по всем странам. Кроме того, была киногруппа студии «Отечество», снимавшая документальный фильм «Всему миру свет», был фотокорреспондент Юрий Кавер, был телеоператор с прекрасной японской камерой Александр Учинин и, наконец, трое представителей из администрации Президента России Б. Н. Ельцина. В поездке должна была участвовать дочь маршала Г. К. Жукова Мария, но в по-

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II у стен Успенского собора Московского Кремля встречает Благодатный Огонь от Гроба Господня, 24 мая 1992 года

следний момент она отказалась и вместо нее в группу вошел известный православному миру и нашим телезрителям своими беседами и проповедями епископ Василий (Родзянко). Конечно, для нашей группы это было Божие благословение, так как он стал духовным стержнем всей нашей программы. В поездке ему исполнилось 70 лет, но его бодрости и, главное, неиссякаемой духовной энергии могли позавидовать многие из нас. Мне Владыка Василий оказал неоценимую услугу, приняв на себя обязанность духовника паломнической группы — для многих из нас исповедь у Владыки стала новым откровением благодатной силы Божией. Со своей стороны я лишь предупредил членов группы, что паломничество непременно предполагает исповедь и причащение в святых местах, для чего были розданы каждому «Троицкие листки» с изложением чинопоследования общей исповеди. Все спутники написали и передали мне записки с именами их близких живых и усопших, что позволило мне поименно поминать их у Гроба Господня и на Святой Горе Афон.

Вечером в Великий Четверг, после чтения 12 Евангелий в Богоявленском кафедральном соборе большинство из нас в алтаре собора получили благословение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, который, как бы предвидя многие наши трудности, пожелал нам доброго пути и призвал не смущаться, если что-то будет не отвечать нашим запросам и представлениям о паломническом путешествии. Это были мудрые слова!

Отлет группы был назначен на 24 апреля, Великую Пятницу Страстной недели по православному календарю. Рано утром мы с архимандритом Панкратием, помолившись в Троицком соборе у раки святых мощей Преподобного Сергия и взяв благословение у нашего духовника отца Кирилла, на лаврском автомобиле выехали в Шереметьево.

Международный аэропорт. Посадка на рейс Москва — Каир. Увы, до Тель-Авива билетов взять не смогли, поэтому впереди выстраиваются новые проблемы. Летим самолетом «Аэрофлота». Салон полон, места у всех разные. Светильник пришлось поставить под сиденье. Становится ясно, что в таких условиях огонь провезти невозможно.

В Каир прилетели около 2-х часов дня. Встречают работники посольства и частной туристической фирмы, предоставляющей нам гостиницу и автобус до Иерусалима. Отсюда еще 10 часов езды по Синайской пустыне. Но проблема в том, что граница

между Египтом и Израилем ночью закрыта. Решаем осмотреть Каир, ночью выехать к границе, чтобы утром ее пересечь как можно быстрее. От границы до Иерусалима 2 часа езды. Если учитывать, что чудесное сошествие Огня происходит где-то около часу дня в Великую Субботу, то можно успеть.

На окраине Каира по другую сторону Нила возвышаются всему миру известные пирамиды Хеопса и сфинкс. Толпы туристов... Вечером возле гостиницы слышим колокольный благовест. Рядом — коптский храм. Народу великое множество, идет богослужение Великой Пятницы. Крестный ход с иконой «Положение во гроб Спасителя» сопровождается громким пением. Мелодия ритмичная, в микрофон поют несколько певцов под аккомпанимент бубна. Нас с отцом Панкратием встречают очень дружелюбно, приводят к алтарю, дают в руки кадильницу, и мы кадим икону и престол, на котором стопки белой материи. Ее перекладывают и сбрызгивают благовониями, вспоминая положение во гроб тела Христа Спасителя. Мы поклонились Святой Плащанице.

После нескольких часов сна в 2 часа ночи мы выехали на автобусе в сторону Палестины. Нам предстояло проделать путь, по которому некогда путешествовал израильский народ, возвращаясь из египетского плена под водительством Моисея. Этим путем из Вифлеема в Египет путешествовало и Святое Семейство, спасая Младенца Иисуса от царя Ирода. Когда рассвело, мы уже ехали по безлюдной песчаной пустыне, кое-где виднелись ветхие хижины бедуинов, паслись стада верблюдов. Около пяти часов утра подъехали к паромной переправе через Суэцкий канал. По нему беспрерывно следуют с дистанцией примерно в два километра океанские суда. Это огромные корабли, которые можно сравнить с многоэтажными домами, медленно скользящими по песчаной пустыне. Канал по ширине, как мне показалось, около пятисот метров, так что подъезжающим к нему со стороны пустыни воды не видно. Быстро переправившись на пароме вместе с навьюченными ослами и груженными зеленым тростником грузовиками, мы направились по Синайскому полуострову. Солнце уже припекало, когда мы подъехали к еще закрытой границе. Скоро подъехала машина со служащими границы, которые не спеша стали оформлять наши документы. Оформление выезда из Египта заняло полтора часа. Израильские пограничные службы работают четко и слаженно. Внезапно замечаешь, что пустыня сменилась вдруг цветами и зеленью. Ухожен каждый клочок земли. За пограничным пунктом нас ждут три темно-синих «Мерседеса», предусмотрительно заказанных турфирмой. Но как мы ни спешили, и эта граница отняла у нас час времени. Было уже начало двенадцатого, когда мы стали грузиться на машины.

Кортеж из трех автомобилей мчит нас в сторону Иерусалима. Время — час дня, и мы уже опоздали. Но какая-то надежда еще теплится. Стоп. У одной машины прокол в колесе. Заменяем его в рекордно быстрое время — в пять минут. Мчимся дальше. Дорога мне знакома: два года назад, при первом паломническом посещении Святой Земли, я проезжал этими же прекрасными трассами среди гор Палестины. Решаем ехать прямо в Русскую Духовную Миссию.

Наша Миссия расположена рядом со Старым Городом в пятнадцати минутах ходьбы от храма Гроба Господня. Благодатный Огонь возгорелся в этот день за час до нашего приезда, но если бы даже и приехали мы несколькими часами раньше, все равно вряд ли смогли бы попасть в храм на богослужение из-за многотысячной толпы, перекрывающей подход ко Гробу Господню.

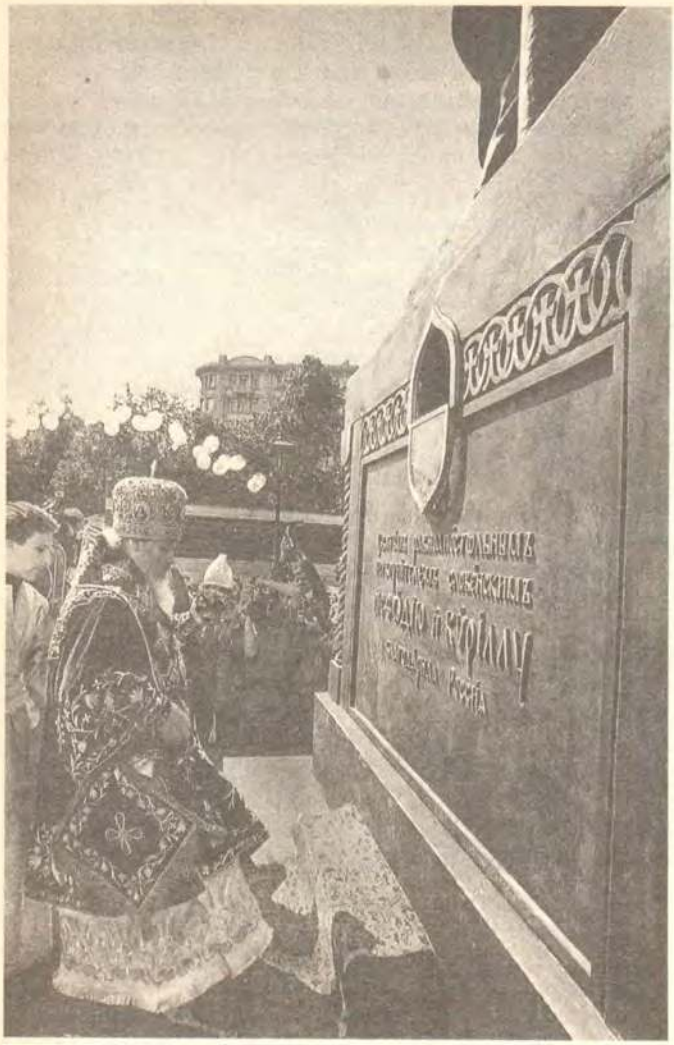
Русские монахини из Горненского монастыря, неоднократные свидетельницы сошествия Благодатного Огня, чтобы быть в непосредственной близости от святыни, заранее занимают места в храме. От них мы узнали, что в этом году Огонь сошел быстро и всполохи под куполом храма, напоминающие разряды статического электричества, появились уже во время крестного хода вокруг Кувуклии. Так бывает не всегда, иногда Иерусалимский Патриарх остается в пещере Гроба Господня довольно продолжительное время, до тех пор, пока возгорится сама собой вата, разложенная на плите Святого Гроба. Этот Огонь мгновенно раздается всем людям, ожидающим этого момента с приготовленными пучками свеч. Такая свечечка, возжженная у Гроба Господня, всегда была и остается лучшим памятным подарком, привозимым со Святой Земли.

Переступив порог Миссии, мы отслужили традиционный благодарственный молебен, после чего направились поклониться Гробу Господню. Было около шести вечера. В храме еще довольно много паломников, так что в саму Кувуклию мы не попали. Поклонились Камню помазания, подножию Креста на Голгофе, прошли крестным ходом по Старому Городу. Как-то быстро стемнело, и мы долго не могли найти выхода из лабиринта узких улиц Старого Города.

В девять вечера в храме Миссии я совершил чин общей исповеди, и Владыка Василий, прежде чем прочесть разрешительную молитву, подолгу беседовал с каждым кающимся. После пасхальной полунощницы мы все направились на ночное пасхальное богослужение ко Гробу Господню, намереваясь до этого представиться Его Блаженству Патриарху Иерусалимскому Диодору I.

В Иерусалимской Патриархии — празднично и оживленно. Кавасы — представители службы порядка — в специальных золотом расшитых мундирах с кривыми саблями в филигранных ножнах и специальным жезлом. Представляюсь Его Блаженству и передаю официальное письмо от Святейшего Патриарха Алексия. Блаженнейший Патриарх Диодор тепло приветствует епископа Василия, которого лично знает.

Мы спускаемся торжественной процессией, воз-

Святейший Патриарх Алексий ставит неугасимую лампаду с Благодатным Огнем в нишу памятника святым Кириллу и Мефодию на Славянской площади в Москве, 24 мая 1992 года

главляемой Блаженнейшим Патриархом Диодором, по узким ступенчатым улицам к храму Гроба Господня. За ночной службой Блаженнейшему Патриарху Диодору сослужили архиереи Иерусалимской Церкви и митрополит Ставропольский и Бакинский Гедеон, прибывший на праздник в Иерусалим ранее нас с паломниками из Ставропольской епархии. Выдали облачение и мне с отцом Панкратием. После литургии мы поздравили Его Блаженство с Пасхой, преподнесли ему расписанное красное яйцо и поблагодарили за благословение молиться у Гроба Господня.

В четыре часа утра начальник Русской Духовной Миссии архимандрит Никита устроил прием. Кроме гостей и паломников — представители Российского посольства. В шестом часу утра легли отдыхать. В воскресенье несколько часов ушло, чтобы найти гостиницу, где нам были забронированы номера. Осматривали Старый Город. Обедали в Миссии, а на ужин договорились поехать в Русский Горненский женский монастырь, куда матушка игумения Георгия нас любезно пригласила.

В евангельские времена местечко, где ныне расположен монастырь, было самостоятельным селением в земле колена Иудина. Туда поспешно, «со тщанием», путешествовала сама Пресвятая Дева Мария. Ныне это окраина Иерусалима, куда можно добраться автобусом минут за тридцать. Точного адреса мы не знали, но в автобусе пожилая женщина, жившая раньше в России, любезно подсказала нам, как найти монастырь. Было темно, когда мы вышли на указанной ею остановке, где нас ждали монахини. Мы были тепло приняты и приглашены на ночную службу ко Гробу Господню.

Пришли мы за час до богослужения. Народу мало. Тишина. Можно было неспешно помолиться и приложиться ко всем святыням. В эту ночь мы возжгли свои светильники от Благодатного Огня, который с Божией помощью довезли до России. Богослужение совершал митрополит Гедеон с паломниками, пели наши монахини. Вернулись в гостиницу в 4 утра. Наутро был заказан автобус, чтобы посетить Вифлеем, храм у гроба Богородицы, гору Елеон и другие святые места.

Особенно отрадно вспомнить посещение обители святой Марии Магдалины, принадлежащей Русской Зарубежной Церкви. Попасть туда можно не всегда. Мы позвонили. Открыл привратник, и вдруг раздался колокольный праздничный звон. Поднялись вверх по горе к храму, построенному в классическом русском стиле. Храм пуст — все вышли на пасхальный крестный ход. Справа и слева от алтаря — две белые мраморные гробницы. Это места погребения только что канонизованных Поместным Собором Русской Церкви мучениц за веру — Великой княгини Елизаветы Феодоровны и ее келейницы монахини Варвары. Мы молились у раки святых мощей, поклонились им и лобызали их. Присоединились к крестному ходу. Народу немного, монахини — в белых апостольниках. В такой одежде запечатлена на фотографиях Великая княгиня, такой ее теперь пишут и на иконах. Представляемся священнику и игумении. Рассказываем о своей миссии. Узнаем, что одна из молодых послушниц недавно прибыла из Москвы. Спросили ее, почему же выбрала эту обитель, а не Горненскую. Улыбается и молчит...

Во вторник Светлой седмицы были взяты билеты на самолет Тель-Авив — Стамбул. Надо готовиться к этому перелету.

Едем в аэропорт Тель-Авива. Огонь везем в двух светильниках. В аэропорту — приятная встреча: домой улетает паломническая группа митрополита Гедеона, ее провожают игумения Георгия и сотрудники Миссии.

Стоим в очереди на оформление отлета. Служба безопасности Израиля досконально проверяет документы.

У меня же в голове одна мысль: как провезти Огонь? Службе безопасности я не сказал ничего.

А они не спросили. Днем Огня не видно, а светильники мы держим в руках.

Наконец нам предлагают сдать багаж и получить посадочные талоны. Подхожу к спецконтролю. Предлагают просветить мой дипломат и светильник спецаппаратом. Ставлю его на транспортер. Служащий смотрит на экран и, указывая на светильник, спрашивает, что это. Огонь он почему-то не видит. Я показываю на небо и говорю, что это святыня, благодать. Говорю, естественно, по-русски. Конечно, он ничего не понимает, но времени на выяснение нет. Жестом показывает — проходите. Архимандрит Панкратий свой светильник (он поменьше) вообще пронес в руках. Буквально бегом направляемся к самолету. В салоне «Боинга» просторно, есть свободные места. Удобно располагаемся и даже не верится, что мы пронесли Благодатный Огонь.

В Константинополе нас встретил сотрудник российского консульства и гид «Интуриста». Здесь нас ждал посол России, по случаю оказавшийся в Стамбуле, и был извещен о нашей группе Вселенский Патриарх. «Интурист» готов обсудить программу пребывания в Турции. Но у нас новая проблема: мы не видим обещанного нам чехами автобуса, который должен нас везти далее по всему маршруту. Созвонившись с Прагой, узнали, что автобус наш сломался в дороге и что срочно высылают другой. Но из-за этой неполадки в Константинополе пришлось пробыть на двое суток дольше запланированного.

Следующий день мы посвятили осмотру достопримечательностей Царьграда. Автобус «Интуриста» провез нас вдоль «Золотого рога», поднял на самую высокую точку города, откуда мы долго любовались панорамой. С особым благоговением мы посетили Влахернский храм, где в X веке было знамение Покрова Богоматери. Храм бедный, нас встретил лишь привратник и напоил водой из источника, находящегося внутри храма. Мы пропели величание и тропарь праздника Покрова. При посещении древних храмов-музеев с бесценными фресками и мозаиками постоянно возникала проблема с нашей профессиональной телекамерой. Снимать разрешается только любительской аппаратурой, что доставило нам немалое огорчение. Так было и при посещении Великой Софии.

На третий день нам был назначен прием у Вселенского Патриарха Варфоломея I, который принял нас в 11 часов в своем кабинете. Предварительно мы прошли по Патриархии и осмотрели залы. Представив Его Святейшеству членов паломнической группы и пропев «Христос воскресе», мы вручили Патриарху сувенирное яйцо с Огнем от Гроба Господня и памятные медали. Рассказав о нашем путешествии, попросили благословения на посещение Святой Горы Афон. Благосклонно встретил Вселенский Патриарх и Владыку Василия и через него передал Предстоятелю Американской Православной Церкви Митрополиту Феодосию приглашение посетить Вселенского Патриарха.

Четвертый день мы посвятили посещению могил русских воинов в Гелиболу (Гелиополь). Местечко это находится на берегу Мраморного моря примерно в 250 километрах от Константинополя и печально известно как последняя стоянка войск Врангеля. Когда волна беженцев и добровольных войск достигла Турции, в Царьграде разрешили сойти с кораблей только женщинам и детям, а военных отправили дальше. Их высадили здесь, на пустынном берегу, где был разбит лагерь. Это поселение стало для многих последним пристанищем в этой жизни. Некоторое время до второй мировой войны здесь было русское кладбище, но сейчас мы не нашли ни одного креста, ни даже холмика.

Приехав в Гелиболу во второй половине дня, мы довольно быстро нашли место возможного захоронения наших воинов рядом с мусульманским кладбищем. Местные жители привели нас к девяностолетней старушке, которая оказалась очень бодрой и с прекрасной памятью. Она рассказала нам о русских поселенцах, мирно живших здесь в дни ее юности. На месте бывшего кладбища, где сейчас разбит яблоневый сад и земля постепенно застраивается домами, мы отслужили панихиду по пасхальному чину.

Утром, прежде чем покинуть Стамбул, заезжаем в русскоязычный приход. Окормляется он болгарским священником, находится в юрисдикции Вселенского Патриарха. Провожает нас туда супруга генерального консула, это рядом с портом в здании бывшего афонского Андреевского подворья. Ужасная беднота, обшарпанные лестницы, храм на пятом этаже городской многоэтажки. Нас встречают ветхие старички, которые живут здесь только молитвой и памятью о России. Славим Воскресение Христа — поем Пасху, возжигаем от Огня свечи, раздаем иконочки, освященные на Гробе Господнем. Приход малочисленный и явно бедствует, но нас крайне растрогал живой интерес к судьбе сегодняшней России и даже вопрос, как приход может послать страждущим соотечественникам помощь. Видя их бедность, понимаешь, что это проявление подлинно христианского нестяжания и чувства братства. Помолившись перед дорогой, направляемся в сторону греческой границы.

Переезд до Фессалоник был утомительным. К гостинице подъехали в час ночи, рано утром следовало выехать на Святой Афон, это от Фессалоник 90 км на автобусе до Уранополиса, а далее на катере, отплывающем в 9 утра до Русского Пантелеимонова монастыря. Около часа дня нас радушно встретил старец-игумен архимандрит Иеремия. Братия устроили торжественную встречу у святых ворот обители. Почти все монахи — бывшие насельники Троице-Сергиевой Лавры, Данилова и Псково-Печерского монастырей. Есть что вспомнить, о чем поговорить. Осматривая монастырь, возжигаем свечи от огня у святых мощей и чудотворных икон. После трапезы садимся в монастырский «Газик», и отец Корнилий везет нас в управление Святой Афонской Горы — Прот. Поклоняем-

ся чудотворной иконе «Достойно есть». Едем далее к Иверской иконе Богоматери. Сказать «едем» можно лишь условно. Дороги в нашем европейском смысле на Афоне нет: это горная каменистая тропа.

Вечером из Российского посольства в Афинах сообщили, что архимандрит Сергий должен быть 6 мая, то есть через два дня, в Риме с Благодатным Огнем на открытии мемориальной доски у места погребения святого равноапостольного Кирилла.

На следующий день служили литургию. Богослужение началось в 3 часа ночи. Уставное афонское богослужение, без сокращений, неспешно поет братия на два клироса. За литургией Владыка Василий сказал проповедь. Утром за трапезой мы рассказали братии о новостях на Родине, попросили молитв. Осмотрели библиотеку, колокольню. В 12 часов дня мы покинули Афон.

В Фессалониках, приготовив все необходимое для поездки в Рим, я остался в номере: был сильно простужен и поэтому не мог участвовать в местной программе.

6 мая рано утром мне предстояло два перелета: до Афин, а оттуда в Рим. Первый перелет — это внутренний рейс, и строгого контроля не было. Огонь я пронес в руках. Перелетая из Афин в Рим, я заметил, что Огонь начинает меркнуть и вот-вот погаснет. Придется рисковать. Достаю из дипломата свечки, зажигаю, закрепляю перед собой на столике, доливаю масла, оправляю фитиль. Только успел спрятать Огонь в светильник, как подходит стюардесса, что-то говорит, жестикулирует. Пригласила командира корабля, но я показал им на икону и дал понять, что все, что я делал, необходимая для меня молитва. Кажется, я их убедил...

В Риме меня встречают работники посольства. По приезде на территорию нашего посольства, в самом центре Рима в десяти минутах ходьбы от Ватикана, я встретился с послом России при Ватикане Ю. Карловым. Мы оговорили с ним последование открытия и освящения памятной доски, выполненной нашим талантливым скульптором Вячеславом Клыковым. Доска представляла собой прекрасный барельефный образ святых братьев, установленный в крипте храма святого Климента Римского у могилы святого Кирилла. Там мы увидели мемориальные доски почти от всех славянских народов.

Открытие и освящение образа было назначено на утро 7 мая. Присутствовали почти все послы славянских государств, представители прессы и различных католических орденов. Прочитав положенные молитвы и пропев «Христос воскресе» на славянском, греческом и латинском языках, я окропил образ святой водой. Предварительно всем присутствовавшим были розданы свечи, возжженные, как и лампада, пред образом от Благодатного Огня. Потом был прием, на котором я получил приглашение посетить католическое общество святого Егидия, а на другой день — познакомиться с папским Восточным институтом. Эти визиты оставили у меня хорошее впечатление. Общество святого Егидия — молодежная католическая организация, занимающаяся благотворительностью среди бездомных, наркоманов, больных детей. После обеда мне показали один из домов ребенка. Поразило обилие игрушек и скромность воспитательниц, ежедневно ухаживающих за больными детьми.

В Восточном институте меня сопровождал молодой профессор Константин. Он свободно говорит на русском и еще на нескольких европейских языках. Читал лекции в Московском университете, собирается опять приехать в Москву. Константин представил меня ректору Восточного института, показал библиотеку, аудитории, храм. Обедали в профессорской вместе с иезуитами всех возрастов и наций. Рядом с Восточным институтом через двор находится Русикум, где некогда учились некоторые наши священники. Прошли туда, встретили ректора — отца Иоанна Лонга. Он тепло принял, провел по зданию, показал храм. Передал поклоны многим нашим профессорам и преподавателям. Отец Иоанн Лонг часто бывает в России, где работает в православно-католической комиссии.

За то время, что я был в Риме, наша группа добралась до Софии. Поздно вечером 8 мая в аэропорту Софии я присоединился к группе и мы поехали в Югославию. В Белград прибыли, когда уже рассвело. На отдых оставалось часа два, так как 9 мая с утра начиналась югославская программа. Был День Победы и первое, что было в программе,— возложение цветов на могилах павших воинов и посещение Белградского кладбища. В торжественной церемонии участвовал российский посол, белградские власти, настоятель нашего подворья протоиерей Василий Тарасьев. Играл военный оркестр. На кладбище мы совершили заупокойную литию на могилах митрополита Антония (Храповицкого), а также деда епископа Василия — Михаила Владимировича Родзянко († 1924).

В одиннадцать утра состоялся прием у Сербского Патриарха Павла. Аскетического сложения, невысокого роста, Патриарх принял нас с любовью, пригласил послужить с ним в воскресенье литургию. Очень благодарил за привезенный Огонь.

После пресс-конференции в российском посольстве, которую потом многократно передавали по телевидению, мы провели субботний вечер в подворье у отца Василия, где нас угостили пасхальным куличом и где мы молились за всенощным бдением. Литургию мы служили в храме святого Саввы в центре Белграда. Рядом возводится грандиозный собор в честь этого же святого, покровителя Сербии. Ровно четыреста лет назад в этот день здесь были сожжены его святые мощи турецкими захватчиками. Но этот акт вандализма только увеличил почитание святого Саввы в Сербии, и с тех пор национальное самосознание сербского народа неразрывно связано с православной верой и именем святого Саввы. После литургии был совершен крестный ход в строящийся со-

бор, где состоялся особый молебен с чином освящения калача. После праздничного приема, во второй половине дня, отправились в город Вршац, где посетили женский монастырь и участвовали в заседании Учредительного собрания регионального отделения Общества сербско-русской дружбы. Посетили мы также епископа Афанасия (Ефтовича).

Следующий день был наполнен официальными визитами: к министру по делам религий, российскому послу Г. С. Шишкову. Обед был на Ботичеевой вилле у министра культуры Джукича. Вечером была дружеская встреча с представителями творческой интеллигенции Белграда.

12 мая, уезжая из Белграда в Будапешт, епископ Василий решил по пути посетить места своего давнего служения, где он около четырнадцати лет нес пастырское послушание. По пути мы заехали в Сремские Карловцы, посетили там Семинарию. На обед нас ждал в своей епархии епископ Иеремия, которого младенцем окрестил Владыка Василий на своем приходе.

Путешествие этого дня было утомительным, и в Будапешт прибыли в первом часу ночи. День, проведенный в Будапеште, запомнился мне посещением православного прихода протоиерея Фереза Берки, осмотром города с крутого холма, приемом в нашем посольстве.

Весь следующий день мы снова «на колесах». К вечеру приехали в Братиславу — древнюю столицу Словакии. Здесь в епископском сане подвизался святой Мефодий, проповедовал слово Божие, насаждал славянскую грамоту. Точного места погребения святого никто не знает, но в земле этой свято чтят память святых братьев Кирилла и Мефодия. В этом мы убедились на следующий день, посетив католического епископа в г. Нитра, где видели замечательный памятник равноапостольным просветителям славян, возжгли лампаду перед иконой с частицей мощей святого Кирилла. Во время приема мы высказали епископу свою озабоченность непрекращающейся напряженностью между православными и католиками, которая в Югославии приняла форму религиозной войны.

В Братиславе весьма трогательной была встреча с местным православным приходом. Владыка Василий сказал проповедь и благословил всех иконочками, освященными в Иерусалиме. У прихожан получение Благодатного Огня вызвало слезы радости, от волнения они не могли ничего сказать и плакали. В Братиславе, как и в других городах, координации нашей поездки помогали работники консульства.

Хотя святые братья не были в Польше, но мы решили посетить и эту славянскую страну. 16 мая днем мы прибыли в Краков. Возложив венок к памятнику русским воинам и пропев «Вечную память», молились за всенощным бдением в православном храме. На воскресную литургию 17 мая собралось довольно много народа: о нашем путешествии здесь знали и ждали Благодатный Огонь. Запомнились нарядные дети, за этой службой впервые проходившие Таинство Исповеди. В верующих семьях Польши этот день стараются отметить так, чтобы он запомнился детишкам надолго. Причащал детей Владыка Василий.

В этот же день мы направились дальше, чтобы переночевать у границы в городе Перемышле.

18 мая, утром, мы въезжали на Украину. День был дождливый, но более всего нас удручали дороги. После европейских трасс пришлось резко снизить скорость. Ухабы были такие, что на них начали гаснуть попеременно то один, то другой светильники. Во Львове не без труда нашли православный храм, правда, в него нас пустили не сразу, чувствовалось опасение прихожан: «А вдруг захватят?» Совершенно случайно вышли к памятнику Ивана Федорова — первопечатника. Возложили букеты цветов.

Около семи вечера подъехали к Почаевской Лавре. О нашем возможном прибытии знали. Был день памяти Иова Многострадального. Поставил Огонь на престол, возжег от него свечи. Во дворе монастыря Владыку Василия и архимандрита Панкратия встретили учащиеся Духовного училища. Пели пасхальные песнопения. За всенощной Владыка Василий рассказал верующим о нашей поездке. Ночевали в монастырских келлиях. Утром, приложившись к святыням Почаевской Лавры, мы продолжили путь. По пути в Киев заехали в г. Кременец к епископу Тернопольскому и Кременецкому Сергию. Здесь женская обитель. Везде идут восстановительные работы. Для верующих Кременца наше посещение имело, как отметил Владыка Сергий, исключительное духовное значение, ибо православным на Украине сейчас приходится сложно. Попросил Владыку Сергия связаться по телефону с Киево-Печерской Лаврой. Наместником там — мой давний знакомый архимандрит Питирим. Это во многом облегчило наше посещение Киева.

Киево-Печерская Лавра встречала Благодатный Огонь крестным ходом в святых вратах. Изумительно мелодично звучат массивные колокола. Молебен. Говорю слово. Следуем с пением по монастырю в семинарский храм. Везде возжигаем свечи и лампады. В Лавре пробыли до 8 вечера и выехали в сторону Белоруссии.

На территорию Гомельской области Белоруссии въехали в полночь. Темнота. Кругом лес. Нас встречают хлебом-солью девушки в национальных одеждах, хор поет духовные песнопения. Слепят юпитеры. Все фиксируется на пленку... Ночуем в Гомеле.

Утром по программе богослужение и посещение мэра города. У храма встречает епископ Гомельский и Мозырский Аристарх, бывший насельник Троице-Сергиевой Лавры, мой большой друг. Много лет вместе с ним мы несли послушание у покойного Святейшего Патриарха Пимена. Возжигаем от Благодатного Огня свечи в руках молящихся, после литургии вместе идем в горисполком. На стене в кабинете мэра карта радиоактивного

загрязнения. Самое большое «грязное пятно» — на Гомельской области. Разговор идет в минорных тонах, продолжаем тему прекрасной проповеди Владыки Василия об адском огне, являющем плоды дел грешных людей, и противопоставляем атомному огню Благодатный Огонь от Гроба Господня — свидетельство любви и Промысла Божия о мире.

Еще в Почаеве меня предупредил по телефону Патриарший Экзарх всея Белоруссии Митрополит Филарет, что в Минске он готовит торжественную встречу паломнической группы с Благодатным Огнем и просил быть точно к шести вечера. Сделать это было просто, так как по Белоруссии нас постоянно сопровождала машина ГАИ и нам везде давали «зеленый свет».

В Минске на площади Освобождения — тысячи людей. На небольшой трибуне — Председатель Верховного Совета Белоруссии В. Шушкевич с министром культуры в окружении творческой интеллигенции. Обращаюсь с кратким словом. Громкоговоритель разносит эхо по всей площади. После кратких речей В. Шушкевича и митрополита Филарета начинается крестный ход через центр города к кафедральному собору. Звучат духовные концерты: их исполняют на перекрестках улиц хоры консерватории, радио и телевидения. Крестный ход сопровождает радиомашина с записью колокольного звона и пасхальных песнопений. Впереди духовенства идут дети в национальных костюмах с букетами цветов. На улице у собора совершается пасхальная вечерня. Во время пения *Свете тихий...* входим в собор и возжигаем от Благодатного Огня приготовленные лампады и сотни свечей... После богослужения видно, как народ по улицам города в самодельных светильниках уносит дорогой огонек по домам.

На следующее утро Митрополит Филарет принял нашу группу в своей резиденции, где мы также возжгли свечи в крестовом храме. Воспользовавшись возможностью, созвонился с находившимся в Москве председателем Отдела внешних церковных сношений митрополитом Смоленским и Калининградским Кириллом, договорились о встрече Благодатного Огня в Смоленске, взял благословение послужить в соборе. Был уже канун праздника Святителя Николая. Покидая гостеприимную Белоруссию, сделали остановку в Орле, где встретились с епископом Полоцким и Витебским Димитрием.

На границе Смоленской области нас встречал хлебом-солью русский народный хор в национальных костюмах. В Смоленск прибыли поздно, всенощная уже кончилась. Возжгли от Благодатного Огня лампаду у чтимой Смоленской иконы Богоматери.

Из Смоленска мы выехали в сторону Москвы. Было восемь часов вечера, когда мы подъезжали к стенам древнего Донского монастыря. В святых вратах — многочисленные встречающие с хоругвями, иконами, свечами. Проследовали сразу в Большой собор к раке с мощами святителя Тихона, Патриарха Всероссийского. Зажгли лампады, свечи и кратко рассказали собравшимся в храме о проделанном пути.

На следующий день после полудня мы выехали в Троице-Сергиеву Лавру, по пути побывали в Радонеже, где жил Преподобный Сергий Радонежский. В четыре часа дня была устроена торжественная встреча Благодатного Огня на площади перед Лаврой. После слов приветствия направляемся в Троицкий собор Лавры ко святым мощам Преподобного Сергия. Служу молебен и возжигаю одну из лампад у раки Преподобного. Братия монастыря с отцом Панкратием несут Благодатный Огонь по келлиям, а я со своим светильником и студенты идем в Академию.

24 мая, в праздник святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, рано утром выезжаем в Москву. При въезде в столицу у храма святых мучеников Адриана и Наталии многочисленные молящиеся с причтом вышли встретить Благодатный Огонь. Останавливаемся и зажигаем фонарь во главе крестного хода.

В Кремль, где в Успенском соборе будет совершена Божественная литургия Святейшим Патриархом Алексием, входим через Троицкие ворота под звон колоколов Ивана Великого. Здесь паломников встречают с иконой святых Кирилла и Мефодия устроители торжеств. Среди них — скульптор Вячеслав Клыков. Медленно, в окружении многотысячной массы людей поднимаемся на соборную площадь. Святейший Патриарх Алексий II с собором архиереев и духовенства встречает Благодатный Огонь на паперти Успенского Собора. Епископ Василий обращается со словом к Святейшему, в котором говорит о выполнении послушания и о помощи Божией, которая ежедневно являема была нам в течение всего месяца. Перед всеми присутствовавшими на соборной площади зажигаем пучок свеч от Благодатного Огня. Святейший Патриарх со светильником входит в Успенский собор, начинается праздничная Божественная литургия. Лампада с Благодатным Огнем, возжженная у Гроба Господня и предназначенная неугасимо гореть на Славянской площади в нише памятника равноапостольным Кириллу и Мефодию, стоит перед образом Владимирской иконы Богоматери — покровительницы Москвы.

Архимандрит **СЕРГИЙ** *(Соколов),*
инспектор МДА

Восстановление патриаршества

Мечта о русском патриаршестве оформилась к середине XV века как осознание перехода вселенской миссии Православия от павшего Цареграда к Русской Церкви. 26 января 1589 года среди древних патриарших кафедр появилась новая — Московская, утвердившая духовный авторитет Русской Церкви и силу Русского государства. Царь Федор Иоаннович с благословения Константинопольского Патриарха Иеремии на торжественной церемонии выбрал из трех кандидатов достойнейшего — Митрополита Московского Иова и вручил ему символ патриаршей власти — посох святого Митрополита Петра. В Успенском соборе Московского Кремля после Божественной литургии Владыку Иова вывели из алтаря и трижды посадили на патриаршее место с пением Εἰς Πολλὰ ξτή δέσποτα[1]. Царь поднес первому русскому Патриарху золотую панагию с драгоценными камнями «да клобук вязан бел с камением, с яхонты и с жемчуги, наверху площ золот чеканен, а на нем крест; по клобуку ж дробницы золоты чеканены...»

Деяния первых Патриархов пришлись на Смутное время и совпали с попыткой Запада уничтожить русскую государственность. Святитель Иов, не признавший Лжедмитрия, стал первым русским Патриархом-мучеником. Сторонниками самозванца он был схвачен в церкви во время молитвы, жестоко избит и заключен в Старицкий монастырь, где через два года умер, явив миру непоколебимую твердость в вере и великую любовь к Отечеству.

Продолживший борьбу с иноземцами Патриарх Гермоген был заточен в темницу, где и скончался от голода и жажды, но перед смертью успел послать с верными людьми проклятие изменникам и ободрение верным: «...а вам всем благословение и разрешение в этом веке и будущем за то, что стоите за веру непоколебимо, а я должен за вас Бога молить».

Не единожды Русская Церковь жертвенно возглавляла дело спасения Родины от порабощения. Но как только Русская земля и люди ее находили покой, Церковь, чуждаясь политики, становилась мирным богомольцем, привносящим в народ духовные заповеди, нравственные законы, миропонимание, красоту, память о прошлом, об обычаях и устоях.

16 октября 1700 года со смертью Патриарха Адриана император Петр I, предвидя, что новый, избранный Поместным Собором, Патриарх станет в России вторым государем, возглавит недовольных государственными реформами, решил подчинить себе Церковь, уничтожив патриаршество, и в подражание лютеранству учредить для управления церковными делами Духовный коллегиум, или Синод.

Святейший Синод обязан был исполнять указы, поступавшие из Сената, Верховного тайного совета и Кабинета министров. Обер-прокурор Святейшего Синода стал государевым оком в Церкви, зорко надзирающим и властно повелевающим. Государство постепенно поглощало как органы управления Церкви, так и ее имущество и земли. Но Православие на Руси, как и прежде, оставалось всенародной религией, свет его проникал в самые глухие уголки государства, новые русские святые (святитель Тихон Задонский, преподобный Серафим Саровский, преподобный Амвросий Оптинский) хранили чистоту Православия. Ни в XVIII, ни в XIX веке не умирала в народе мысль о возвращении России Патриарха — великого Божия угодника, Святейшего отца народа православного, его печальника и заступника.

XX век — век растерянности и раздора, окончательной утраты силы традиции, начала распада Российского государства. И тут сильные мира вспомнили о Русской Православной Церкви, насчитывавшей более ста миллионов прихожан. Это и двести тысяч священно-церковнослужителей, семьдесят восемь тысяч храмов, многочисленные общины в Северной Америке, Западной Европе, Японии, Китае, Персии. Вспомнили, что в каждом русском доме висит икона, а каждый русский крещен и миропомазан. Вспомнили, что единственное место в России, население которой оказалось разделенным на классы и партии, на богатых и бедных, где хотя бы кратковременно люди чувствуют радость единения — Церковь. Взоры высших чиновников, из которых многие и в Бога-то не верили, с надеждой обратились к Православию. Они, два века его унижавшие и разорявшие, теперь, боясь развала государства, возжелали сохранить Россию с помощью сильной Церкви. Председатель Кабинета министров С. Ю. Витте непрестанно торопил императора Николая II с созывом Собора. Его поддержали православные иерархи, убежденные в необходимости борьбы с глубоко пустившими корни в России иноземными «измами» — атеизмом, марксизмом, анархизмом. Надеялись, что с восстановлением соборности и патриаршества установится постоянное взаимодействие между духовенством и мирянами, что все дела — и духовные, и государственные — будут решаться всем миром, соборно. Патриарх же станет добрым пастырем, отцом всех духовных чад, символом соборного начала.

Но партийные лидеры — как либералы, так и консерваторы — держались иного мнения.

[1] Владыка, благослови (*греч.*).

Митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин (Казанский)

Среди участников Церковного Собора 1917—1918 годов был и малоизвестный художник В. Е. БОГДАНОВИЧ. Сегодня уже трудно сказать, сознавал ли Владимир Евгеньевич, какое доброе дело он делает: 190 рисунков во время заседаний, 190 портретов соборян на простой тетрадной бумаге. Альбом с рисунками хранится в отделе рукописей Российской Государственной библиотеки и является уникальным историческим документом.

Мы впервые публикуем настоящие рисунки. Лица эти скажут о многом.

«Передовая интеллигенция» считала Церковь пережитком прошлого и не хотела, чтобы она смущала «новое общество» своей приверженностью к старине. Монархисты же довольствовались послушной властям Церковью и боялись, что, освободясь от опеки государства, она станет на сторону политических реформ.

Левая и правая печать дружно обрушили на читателей лавину лукавых слов, доказывая, почему нельзя восстанавливать патриаршество.

Левые: Наступит небывалая диктатура в Церкви и тогда прощай соборность.

Правые: Патриарх станет соперником царя.

Левые: Народ будет требовать великолепия для Патриарха, а интеллигенция из-за этого потешаться над ним.

Правые: У нас наступает свобода печати, и критика в прессе Патриарха будет иметь для Церкви вредные последствия.

Левые: Избрать в Патриархи человека смиренного — глупо, властолюбивого — ужасно.

Правые: Патриаршество на Руси однажды уже вызвало раскол в Церкви...

Искусные атаки на Православие не ограничились только словами. Манифест о веротерпимости от 17 апреля 1905 года ослабил ограничения для сектантов и прочих иноверцев, усилил влияние католицизма в России. Многим православным иерархам казалось, что Церковь брошена на произвол судьбы, оставлена без государственной поддержки в самый критический момент истории. Да, свобода вероисповедания должна существовать. Но это идеал, которого можно желать, которого можно достичь лишь в идеальном государстве.

Государь Николай II, уступая настойчивости иерархов, в начале весны 1905 года пообещал, что немедленно распорядится созвать Собор. Но слишком многие в его окружении не желали этого. Не прошло и месяца, как 31 марта император изменил свое решение: «Признаю невозможным совершить в переживаемое ныне тревожное время столь великое дело, требующее и спокойствия, и обдуманности, каково созвание Поместного Собора. Предоставляю Себе, когда наступит благоприятное для сего время, по древним примерам православных императоров, дать сему великому делу движение и созвать Собор Всероссийской Церкви для канонического обсуждения предметов веры и церковного управления».

Надеялись, что «благоприятное для сего время» не за горами и настанет в пасхальную неделю. Но хаос в стране с каждым днем нарастал. Даже в храмах участились воровство, хулиганство во время богослужений. Но надежда не умирала, и в следующем, 1906 году, Предсоборная комиссия на общем собрании тридцатью тремя голосами против девяти постановила титуловать главу Церкви Патриархом. Думали, что теперь-то уж пришел конец двухсотшестилетнему периоду обезглавленности Церкви. Но впереди было еще долгое десятилетие, страна должна была погрузиться в мрак, в беспощадную мировую бойню, прежде чем осознает необходимость восстановления соборности и патриаршества.

1 ноября 1916 года кадет П. Н. Милюков с высокой думской трибуны произнес патетическую речь, наполненную заведомой ложью, в которой обвинил не только правительство, но и императрицу в государственной измене.

2 марта 1917 года император Николай II, в нарушение законов о престолонаследии, под давлением «передовой общественности» отрекся от престола за себя и за сына.

К лету 1917 года Россия представляла собой картину полного разложения, недовольства, вседозволенности. Солдаты отказывались идти на фронт, рабочие предпочитали труду митинги, крестьяне жгли и растаскивали помещичье добро. Не по глухим лесам, а по людным городам бродили шайки дезертиров и выпущенных из тюрем уголовников, наводя страх на мирных обывателей.

Что же происходило с Церковью после свержения монархии, с духовенством, которое никогда не отделяло себя от самодержавия? Клирики восстали на своих архипастырей, псаломщики требовали дополнительных прав своему «сословию», прихожане и духовенство пребывали в постоянных распрях по вопросам управ-

ления приходами. Обер-прокурором Святейшего Синода стал В. Н. Львов, решивший по примеру государственного переворота совершить революцию в Церкви. Он заменил почти всех членов Святейшего Синода, создав своего рода временное «революционное» управление Церковью. По России прошли епархиальные съезды, на которых архиереи — «поборники епископского и царского самодержавия» были лишены своих кафедр. Предсоборный совет, открывшийся 12 июня 1917 года в Петрограде, быстро и решительно, по указке В. Н. Львова, постановил: патриаршество противоречит соборности, а потому восстанавливать его не следует.

Каждый новый день приносил все более грозные вести о положении на фронте и в тылу. Наконец, после того, как 4 июля Петроград вновь окрасился кровью, и не в сражении с иноземным захватчиком, а в братоубийственной резне, члены Святейшего Синода поняли, что в дни растерянности и раздора, царства грабежей и убийств, грядущего голода и духовного оскудения — последняя надежда, единственное верное средство для объединения соотечественников — Собор, и постановили: «Признавая необходимым, в виду чрезвычайных обстоятельств настоящего времени, немедленный созыв Поместного Собора Православной Российской Церкви», назначить его открытие «в день честнаго Успения Пресвятыя Богородицы 15-го августа 1917 года в богоспасаемом граде Москве».

Москва летом 1917 года уже ничем, кроме сурового Кремля и златоглавых храмов, не напоминала богоспасаемого града. Все искреннее, проникнутое любовью к Богу и больному Отечеству тонуло в дьявольском искушении вседозволенностью.

27 июня на Красную площадь вышли фронтовые инвалиды с требованием: «Здоровые — все на войну!» А рядом, на московских бульварах, пышущие здоровьем дезертиры преспокойно «дулись в карты». Городская управа наотрез отказала отдавать гостиницы под госпитали, пояснив, что эти помещения слишком роскошны. Зато в мае 1917 года для нужд Совета рабочих комиссаров были реквизированы две самые фешенебельные — «Дрезден» и «Россия».

В церквах — малолюдность. С войны каждодневно одни и те же вести: отступаем, отступаем. Из Петрограда тоже каждодневно: заседаем, во всех дворцах заседаем. Из провинции: грабим, всех и вся грабим. Московские обыватели, вернее, те из них, кто не соблазнился прекраснодушным призывом «Свобода, равенство и братство» и призрачной мечтой о светлом будущем, поняли, что рушится веками строившийся привычный мир. Уныние и равнодушие охватили город.

И все же настал день, когда что-то вроде надежды озарило лица москвичей — праздник Успения Пресвятой Богородицы 15 августа 1917 года. В этот день по древнеотеческому примеру был торжественно открыт в Москве Освященный Церковный Собор. Православные за два века отвыкли от них, ныне живущие видели разве что стенные росписи храмов, где изображены чинно совещающиеся святители. Но хранители древних традиций еще не перевелись, не исчезли еще старики — знатоки Священного Писания, учений святых отцов, церковных преданий. Они-то и поясняли, что на Собор собирались и святые апостолы. Из разных стран, куда разошлись для проповеди Евангелия, прибыли они по Божественному призыву в Иерусалим в день Успения Пречистой Богоматери. И как святые апостолы шли к гробу Богоматери, так всю неделю перед праздником Успения после утрени шли крестные ходы из московских монастырей и приходских церквей в Успенский собор. Всю неделю со всех концов кровоточащего Отечества

Митрополит Новгородский и Старорусский Арсений (Стадницкий)

прибывали члены Поместного Собора — избранники Святой Руси и первым делом шли в русский Сион — Успенский собор.

15 августа после Божественной литургии на помост в центре Успенского собора встали шестьдесят святителей Русской Православной Церкви. Члены Собора окружили их. Митрополит Киевский и Галицкий Владимир огласил грамоту об открытии Собора. Весь храм запел Символ веры. И было так хорошо, соборно, что казалось, достанет сил повести Россию благочестивым путем. Длинной вереницей из Успенского собора процессия направилась на всенародное молебствие.

На Красной площади, залитой ярким солнцем, уже собрались крестные ходы от двухсот пятидесяти пяти монастырей и храмов Москвы. Сияли тысячи хоругвей, трезвонили тысячи колоколов. На Лобное место внесли Корсунские кресты, запрестольную икону Богоматери. Духовенство и миряне слились в единодушной соборной молитве: «Да будет Господь среди собравшихся во имя Его, да ниспошлет Он на них Духа Своего Святаго, наставляющего на всякую истину, да поможет

Архиепископ Харьковский и Ахтырский Антоний (Храповицкий)

Он Собору произнести решения и совершить дела истинно во славу Его, в созидание святой Его Церкви и на пользу и умиротворение нашей дорогой и многострадальной Родины»...

Еще несколько дней в храме Христа Спасителя, в Соборной палате московского епархиального дома, в Троице-Сергиевой Лавре продолжались торжества по случаю открытия Поместного Собора, зачитывались многочисленные приветствия, в которых выражалась надежда, что Собор послужит примирению и объединению всего российского народа, укреплению его духа. Москвичи шутили по поводу затянувшихся торжеств: Собор, как большой колокол, сразу не ударишь — наперед долго раскачивать надо.

На Собор избрали священноцерковнослужителей и 299 мирян. Среди них — десять митрополитов, семнадцать архиепископов и шестьдесят епископов, известные столичные протоиереи и никому неведомые сельские священники, государственные деятели и ученые, офицеры и солдаты, купцы и крестьяне.

Заседания Собора, председателем которого был избран митрополит Московский и Коломенский Тихон (407 голосов — «за», 33 — «против»), проходили в большом зале нового епархиального дома в Лиховом переулке, а жили соборяне поблизости — в Каретном ряду, в здании Московской Духовной Семинарии.

Начинался день в семь часов утра с Божественной литургии в церкви Московской Духовной Семинарии. В 10 час. 15 мин. в зале заседаний епархиального дома за большой стол перед алтарем садились высшие иерархи, остальные делегаты размещались по всему залу и им видны были алтарь, сверкающие позолотой иконы, крест и семисвещник. Вся эта обстановка способствовала умножению духовных сил церковного общества, возрождению высшей церковной власти, способной сохранить Церковь и спасти чад ее в наступающее лихолетье, отказу от сословных интересов в пользу соборности, активизации приходской жизни.

Но первые же дни принесли и огорчения, посеяли опасения, что Собор не в силах справиться с возложенными на него задачами. О возможных препятствиях предупредил митрополит Владимир:

— Мы все желаем успеха Собору, и для этого успеха есть основания. Здесь, на Соборе, представлены духовное благочестие, христианская добродетель и высокая ученость. Но есть нечто возбуждающее опасение. Это — недостаток в нас единомыслия, как указали подготовительные работы к Собору, продолжавшиеся в течение последних двенадцати лет. Поэтому я напомню апостольский призыв к единомыслию. Эти слова апостола имеют вселенское значение и относятся ко всем народам, ко всем временам, но в настоящее время разномыслие сказывается у нас особенно сильно. Оно возведено в руководящий принцип жизни. Без фракций, говорят, не обеспечен и порядок государственный. Разномыслие подкапывается под устои семейной жизни, под устои школы, под влиянием разномыслия многие откололись от Церкви; под влиянием разномыслия принимаются иногда такие преобразования, которые противоречат одно другому. Разномыслие раздирает государство. Нет ни одной стороны жизни, которая была бы свободна от пререканий и споров. Скажете, что для блага общества нужна власть, вам возразят, что всякая власть есть насилие и т. д. На чем же мы сойдемся? Православная Церковь молится о единении и призывает едиными устами и единым сердцем исповедовать Господа. Наша Православная Церковь устроена *на основании Апостол и Пророк, сущу краеугольну самому Иисусу Христу*. Это скала, о которую разобьются всякие волны. Сыны Церкви умеют подчинять свои личные мнения голосу Церкви. Они готовы более подчиняться, чем начальствовать, и ничего не ставят выше подчинения своих слов и действий игу Христову. Об объединении Своих учеников молился Спаситель: *Да вси едино будут, якоже Ты, Отче, во Мне и Аз в Тебе*. Об этом должны молиться и мы: *Отче, святи их во истину Твою. Слово Твое истина есть.*

Но, несмотря на горячий призыв Владыки Владимира к единомыслию, соборяне первые заседания начали же с бесконечных споров о законности полномочий того или иного избранника. Они вскакивали с мест, прерывали председательствующего, требовали слова «на одну минуточку по мотивам голосования» и толкли воду в ступе, то ли желая выказать свои недюжие ораторские способности, то ли зафиксировать перед Собором свое неохватное усердие. И все же Господь снизошел на соборян, большинство осознало грех своего словоблудия и выказало единомыслие, заговорив о необходимом — высшем церковном управлении, преподавании Закона Божия в школе, о расходах казны, церковном проповедничестве. Но невольно разговор все чаще переходил к вопросу о восстановлении патриаршества. 12 сентября наконец решили, что на-

стала пора его рассмотреть. Сразу же записалось выступить более ста человек. Говорили возбужденно, противоречиво, ибо растерзанная Родина все время напоминала о себе, ибо жизнь страны не благоприятствовала спокойному и сосредоточенному обсуждению.

Архиепископ Кишиневский и Хотинский Анастасий:

— Государство уходит от благотворного влияния Церкви. Церковь не должна страшиться этого, потому что она опирается на благодатные силы: она выше всего... Церковь становится воинствующей и должна защищаться не только от врагов, но и от лжебратий. А если так, то для Церкви нужен и вождь.

В. В. Радзимовский, юрисконсульт при Обер-прокуроре Святейшего Синода:

— Голосовать за патриаршество вообще не могу, так как не знаю, каков будет объем его власти и каков будет порядок его избрания.

Протоиерей Э. И. Бекаревич:

— Масоны на конгрессе постановили: ловите момент, когда на Руси будет низложен держащий; гоните попов, осмеивайте религию — этого вы достигните благодаря темноте русского народа. Эта новая религия надвигается на Россию... Распространяется древний гностицизм, спиритизм, каббала, теософия, отрицание Христа. И я думаю, что нам нужен Патриарх, возглавляющий Церковь, который и принял бы на себя борьбу с новой религией.

Профессор Петроградской Духовной Академии Б. В. Титлинов:

— Если явится один Патриарх Московский, который получит наименование Всероссийского, то не можем поручиться, что через несколько месяцев не должны будем снять титул Всероссийского. Опасность разъединения вполне реальна, а преимущества патриаршества гадательны.

Профессор Московского университета князь Е. Н. Трубецкой:

— Чем кончится война? Возможно, что от государственного тела будут отторгнуты целые области с православным населением. И вот власть Патриарха будет распространяться за границы государства и будет поддерживать в умах и сердцах отторгнутых областей идею национального и религиозного единства.

Торговый приказчик В. Г. Рубцов:

— Мы не должны забывать отдаленных времен, когда не было Патриарха. Тогда Русская Церковь возглавлялась митрополитами. Они соревновали друг другу и держали свою паству на высоте христианского влияния. Перейдем к эпохе патриаршества. Он получает власти немного, но взял власть у народа и цепко держал ее, стал злоупотреблять властью и расколол русский народ. Эта язва гноится еще и в настоящее время.

Профессор Московской Духовной Академии архимандрит Иларион:

— Есть в Иерусалиме «стена плача». Приходят к ней старые правоверные евреи и плачут, проливая слезы о погибшей национальной свободе и о бывшей национальной славе. В Москве в Успенском соборе тоже есть русская «стена плача» — пустое патриаршее место. Двести лет приходят сюда православные русские люди и плачут горькими слезами о погубленной Петром церковной свободе и о былой церковной славе. Какое будет горе, если и впредь навеки останется эта наша русская «стена плача»! Да не будет!

Присяжный поверенный Н. Д. Кузнецов:

— Авторитет Собора требует приведения достаточно обоснованных и обсужденных мотивов для учреждения патриаршества в России.

Профессор Казанской Духовной Академии П. Д. Лапин

Крестьянин Т. М. Гаранин:

— История Русской Церкви научила русский народ учиться не в коллегиальных учреждениях. Он знает Троицкую Лавру, Почаевскую Лавру, Соловецкий монастырь и кто в этих монастырях, какие святители и подвижники. По ним живем, слышим их голоса. Потом Патриархи Московские, их идеалами живем и движемся. И если бы вы вздумали сказать: «Не следует вам Патриарха», простой народ был бы страшно опечален.

Протоиерей Н. В. Цветков:

— Почему не следует голосовать за восстановление патриаршества в России? Мы верим в Апостольскую Церковь. Под Апостольской Церковью я разумею епископскую Церковь. Мне представляется здание с фасадом и крышею. Крыша — это епископы в Церкви. Кто бы не продырявил крышу, за крышей нашел бы только Небо, Небесного Главу. Зачем нам делать ненужный оплот? К чему эта надстройка над крышей, которая выше епископа в Церкви?

Священник В. И. Востоков:

— Нам известно, что прежние Патриархи были печальниками за народ, вразумите-

Митрополит Ярославский и Ростовский Агафангел (Преображенский)

лями, а когда нужно — и бесстрашными обличителями народа и всех имущих власть. Дайте же и вы народу церковного отца, который страдал бы за горе Руси, умолял бы не губить ее, печаловался бы за народ, вразумлял его, а для темных сил, которые уводят народ от Христа и Церкви, хотя бы они сидели на правительственных местах, был грозным обличителем.

Мировой судья князь А. Г. Чагадаев:

— Дайте, говорят, нам отца, молитвенника, подвижника. Мы присоединяемся к этим пожеланиям: дайте нам отца, дайте молитвенника. Но для этого, если бы Господь послал нам отца и молитвенника, не нужно ни сана, ни титулов, если Господь пошлет его, он придет во власянице. Но где мы найдем такого человека в своей грешной среде? Не наделает ли Патриарх тех же ошибок, как и прежний наш царь, который был с лучшими намерениями, который, может быть, и хотел блага народу, но не мог ничего сделать.

Торговец Д. И. Волков:

— Когда я узнал, что Временное правительство держится определенных антицерковных и антихристианских взглядов, то увидел, что Церковь остается предоставленной самой себе и должна иметь своего крепкого защитника и покровителя.

Законоучитель Александровского военного училища протоиерей Н. П. Добронравов:

— Вы даете ему силу лилипута, а требуете от него богатырских подвигов. Вы не даете ему ничего, а говорите: «Он встал и спас». Что-нибудь одно из двух или говорите прямо, что вы хотите дать Патриарху всю полноту власти. Но тогда мы вам на это скажем: укажите такого человека, которого эта власть не раздавила. Мышонок львом не станет, и нельзя его украшать львиной гривой. Рожденный ползать летать не может, и неразумно прилеплять ему орлиные крылья. Или же перестаньте говорить о богатырях и вождях и сознайтесь, что Патриарх не будет гранитным колоссом в Церкви, а сделается одною лишь декорацией, правда красивой, но едва ли нужной.

Законоучитель реального училища священник М. Ф. Марин:

— Нельзя же народу полюбить, например, министерство. Народу нужна единоличная власть, которую он полюбил бы...

Соборяне спорили, а за окнами епархиального дома все чаще раздавалась ружейная стрельба. По соседству, на Сухаревке, где раньше продавались старые книги и поношенная обувь, теперь дезертиры торговали солдатской формой и винтовками. Рабочие братались с солдатами и с пением «Интернационала» бродили по завшивевшей, тонущей в грязи первопрестольной. В городе не работали водопровод, канализация, стояли трамваи, бастовали заводы. Каждый день мог стать последним и для заседаний Поместного Собора, и для его членов, как, впрочем, и для каждого москвича.

26 октября... Городской голова Руднев сформировал Комитет общественной безопасности. Большевики — Военно-революционный комитет. Рабочие дружины выставили посты у Крымского, Большого Каменного, Москворецкого и Устьинского мостов. Газеты, кроме большевистских, закрыты. К вечеру отряды юнкеров и офицеров сосредоточились в Манеже и около Кремля. На Соборе предстояло еще выслушать девяносто ораторов и лишь потом проголосовать: нужно восстанавливать патриаршество или нет. Но выступил от группы соборян в шестьдесят человек полковник Кубанского казачьего войска граф П. М. Граббе и внес предложение прекратить прения, ибо не сегодня-завтра все будут решать грохот пушек и треск пулеметов. Он потребовал немедленно проголосовать установление патриаршества в Русской Церкви.

27 октября... Москва объявлена на военном положении. Утром на Красной площади перестреливались выпущенные из тюрем дезертиры и юнкера. По городу мечутся грузовики с вооруженными солдатами. Большевики укрепились в Кремле. Когда замолкли вечерние колокола и московские обыватели возвращались из храмов домой, город оглушили ружейные залпы — шла борьба за Кремль.

28 октября... К утру юнкера выбили из Кремля 56-й полк. Через Спасские ворота выпустили пленных. То там, то здесь кто-то кого-то расстреливает. Телефон не работает, банки закрыты, повсюду караулы, дозоры, патрули, перестрелка. Всевозможные комитеты соревнуются: кто больше захватит комиссариатов, типографий, гаражей, складов. Стрекот пулеметов. В бой вступила артиллерия. Под гром орудий соборяне приняли постановление о восстановлении патриаршества.

29 октября... Попытка при-

мирения между юнкерами и революционными солдатами сорвалась. В городе не смолкает беспорядочная стрельба, от которой гибнут по преимуществу мирные жители, отважившиеся добежать до ближайшего хлебного магазина. Солдаты захватили (конечно, без боя) Зачатьевский женский монастырь, Большевик Израилев устроил, несмотря на протесты причта, наблюдательный пункт на колокольне храма Христа Спасителя, откуда корректировал прицельную стрельбу по Кремлю. Профсоюз железнодорожников «Викжель» выдвинул ультиматум о немедленном прекращении гражданской войны в Москве, иначе пригрозил всеобщей железнодорожной забастовкой. «Рабоче-крестьянским» правительством подписан «декрет о мире» с иноземным врагом, а с соотечественниками развязана война. В этот воскресный день митрополит Московский Тихон должен был служить Божественную литургию в храме Христа Спасителя. Но добраться до храма не смогли ни Владыка, ни его паства — их встретили на подступах к центру Москвы пулеметные и винтовочные пули. Епископ Камчатский Нестор, запасшись перевязочным материалом, пытался помочь раненым москвичам. На улицах города его несколько раз арестовывали, обыскивали, допрашивали, несмотря на пастырское одеяние и милосердное занятие.

30 октября... Весь день не прекращался ураганный огонь пулеметов по Тверскому бульвару. Большевики заняли почту и телеграф. Повсюду злые солдатские лица. В пять часов вечера начался шквальный обстрел штаба Московского военного округа. В городе появилась какая-то третья вооруженная сила, стреляющая по каждому, кто попадается на глаза. На Соборе профессор Соколов прочитал доклад о способах избрания Патриарха. Решено следовать примеру Константинопольской Церкви: сначала голосованием выдвинуть кандидатов, которых можно избирать как из епископов, так и из священников и даже мирян. Намечено двадцать пять кандидатов.

31 октября... Артиллерия бьет и бьет по телефонной станции, городской думе, «Метрополю», жилым кварталам — с Пресни, Кудринской площади, Замоскворечья. С колоколен центра Москвы стреляют по засевшим в Кремле, уже оставшимся без патронов юнкерам. Нервы москвичей, изголодавшихся в подвалах своих домов, от непрерывной канонады начинают сдавать. Насельники Чудова монастыря под грохот рвущихся снарядов перенесли мощи Святителя Алексия, Митрополита Московского, в подземную церковь Священномученика Ермогена, где день и ночь не прекращалась служба. Братия исповедовались, причащались Святых Таин, готовились к смерти. Соборяне в епархиальном доме длинными вереницами выстроились перед урнами с именами намеченных кандидатов. Первое и второе голосование дали требуемое большинство архиепископу Харьковскому и Ахтырскому Антонию (сто пятьдесят девять голосов) и архиепископу Новгородскому и Старорусскому Арсению (сто сорок восемь голосов). Третье голосование — митрополиту Московскому и Коломенскому Тихону (сто двадцать пять голосов). Так свободным голосованием на Патриарший престол были намечены три кандидата.

1 ноября... Стреляют по всей Москве. Революционные войска с боем взяли телефонную станцию. Началась усиленная бомбардировка центра города. Тяжелые орудия беспорядочно бьют по Кремлю. Руководит расстрелом величайшей русской святыни революционный деятель и астроном П. К. Штернберг. Артиллерист Туляков вспоминает, что «панорамы» в этот день не нашел, пришлось прицеливаться по Кремлю через дуло. Перелет был в двенадцать верст, убило пятерых обывателей. Второй снаряд угодил по трубе завода Гужона, третий — по Золоторожскому валу. «Буржуазная» пресса, как и в предыдущие дни, не вышла. Газета «Социал-демократ», которую выпускали люди, никогда не нюхавшие фронтового пороха, заявила, что «самое имя офицера стало слишком ненавистно народу». Патриарха из трех намеченных кандидатур должны были выбрать одни епископы. Но они отказались от своего права, решив положиться на Господа. Вечером в актовом зале Московской Духовной Семинарии соборяне отслужили молебен об умиротворении и пропели *Со святыми упокой* за всех верующих, погибших на московских улицах в эти кровавые дни; направили депутацию в штаб большевиков — дом губернатора, а потом к юнкерам, в Кремль, умолять и тех и других о прекращении братоубийственной брани.

Протоиерей А. Хотовицкий

2 ноября... Всю ночь гремели орудия. К утру город, за исключением Кремля, полностью перешел в руки Военно-революционного комитета. Комитет общественной безопасности укрылся в Кремле. На улицах повсюду — оборванные трамвайные провода, выбитые стекла, опустевшие баррикады. Пу-

Сергей Николаевич Булгаков

стынна Москва, лишь пикеты на перекрестках и грузовики с солдатами, спешащие на позиции к стенам Кремля. И вдруг — странное шествие. Протоиереи Чернявский и Бекаревич — в епитрахилях, за ними, с иконой священномученика Ермогена в руках,— архимандрит Макарьевского Желтоводского монастыря Виссарион, в мантиях — епископ Таврический Димитрий со святым Евангелием и епископ Камчатский Нестор со святыми Дарами, митрополит Кавказский Платон в белом клобуке, со святым крестом. Впереди процессии — крестьяне Июдин и Уткин в скуфьях, отчего походят на монахов, несут белые флаги с нашитыми на них красными крестами. Посланцы Собора с пением *Спаси, Господи, люди Твоя* идут по Петровке, сворачивают к губернаторскому дому. По дороге им попадаются солдаты на лошадях и пешие. Несмотря на свою революционность и красные банты, многие из них снимают шапки и крестятся. Даже на заставе, где надо было предъявить пропуск, странную процессию не остановили. Первой преградила ей путь барышня у дверей губернаторского дома.

— Куда идете?

— Делегация Церковного Собора. Идем просить о прекращении междоусобной брани.

Революционные комиссары, выслушав делегатов, пообещали сохранить Кремль в целости, но предупредили: «Стрельбу прекратим, когда сложат оружие юнкера». В Кремль же для переговоров с юнкерами соборян не пропустили. На вечернем заседании Собора огласили, что выбор Патриарха будет произведен жребием и состоится по окончании уличных боев. Враждующим между собой «дорогим нашим братьям и детям» отправили обращение: «Священный Собор от лица всей нашей дорогой православной России умоляет победителей не допускать никаких актов мести, жестокой расправы и во всех случаях щадить жизнь побежденных. Во имя спасения Кремля и спасения дорогих всей России наших в нем святынь, разрушения и поругания которых русский народ никогда и никому не простит, Священный Собор умоляет не подвергать Кремль артиллерийскому обстрелу».

3 ноября... Последний снаряд был выпущен по Кремлю в шесть часов утра. Юнкера, оставшиеся без патронов, сдались. Победившие большевики издали грозные приказы о немедленном прекращении забастовок, открытии всех магазинов, лавок, трактиров. Латышская секция большевиков вынесла резолюцию о предании суду арестованных юнкеров. Митрополит Тихон с небольшой группой соборян добился разрешения осмотреть Кремль. Он увидел главную святыню России, твердыню русского духа, в еще дымящихся кровью ранах, нанесенных рукою своего же народа: пробоины в главном куполе Успенского собора, стенах Чудова монастыря. Обезглавлена Беклемишевская башня, зияет дырами собор Двенадцати апостолов, повреждены Рождественский и Архангельский соборы. Драгоценные одеяния Патриархов: митры, поручи, а также старинная церковная утварь выброшены из витрин Патриаршей ризницы и втоптаны в кучи песка и пепла. Стены храма Николая Гостунского исписаны кощунственными надписями на русском и немецком языках, а при входе в него, где хранится великая святыня — часть святых мощей Святителя Николая Чудотворца, устроено отхожее место. На лике Казанской иконы Божией Матери на Троицких воротах — пулевые отметины. Расстрелян и образ Святителя Николая Чудотворца на Никольской башне. На Соборной площади — лужи крови, труп юнкера.

4 ноября... В городе спокойно, даже непривычно без стрельбы. Но не работают ни банки, ни телефон, ни телеграф. Трамваи стоят. Комиссаром города с правами командующего округом назначен тыловой солдат Муралов. Кремлевские ворота — на запоре, возле них стража. С этого дня Московский Кремль — главное место паломничества русского народа — без особого распоряжения властей стал недоступен жителям России. Собор принял решение об избрании Патриарха пятого ноября, но не в Успенском соборе, где всегда происходило избрание Патриархов допетровской Руси, а в нарушение обычая, в храме Христа Спасителя. Но чтобы соблюсти традиции, соборяне порешили выпросить у новых властей чудотворный образ Владимирской Божией Матери. Перед этой иконой становились на колени древние русские цари при своем помазании на царство, перед нею при избрании Патриархов клали запечатанные царской печатью жребии с именами кандидатов, перед нею же объявлялось имя избранника.

Власти разрешили выдать ненадолго святыню Успенского собора, но чтобы несли чудотворную икону скрытно, без крестного хода, завернутой в материю, дабы «не смущать» горожан.

5 ноября 1917 года в переполненном храме Христа Спа-

сителя, вмещавшем двенадцать тысяч человек, после совершения *часов* митрополит Киевский и Галицкий Владимир на особом столике, поставленном в святом алтаре по левую сторону престола, собственноручно начертал на одинакового вида и размера пергаментах имена трех избранных Священным Собором кандидатов на патриаршество. Затем митрополит Владимир свернул каждый жребий в трубочку, надел на них по резиновому кольцу и вложил в особый ковчежец, где они разместились вполне свободно, встряхнул ковчежец, закрыл и перевязал его тесьмою, концы которой запечатал сургучной печатью. Взяв запечатанный ковчежец в руки, митрополит Владимир изнес его из святого алтаря на солею и поставил на особо уготовленном тетраподе с левой стороны от царских врат перед малой Владимирской иконой Божией Матери.

В течение Божественной литургии при ковчежце безотлучно находились профессор Казанской Духовной Академии Лапин, профессор Петроградской Духовной Академии Соколов и крестьянин села Красная Поляна Головецкой волости Симбирской епархии Малов. Когда читали *Апостол*, из Успенского собора принесли чудотворную Владимирскую икону Божией Матери и поставили на том же тетраподе, где был ковчежец со жребиями. Слушали евангельский текст о воскрешении дочери Иаира и исцелении кровоточащей женщины. И чудилось, что дочь Иаира — символ возрождения Русской Церкви, а исцеление прикоснувшейся к ризе Христовой женщины — выздоровление кровоточащей России. Ах, как хотелось этому верить! И верили.

По окончании Божественной литургии и молебна митрополит Владимир взошел на солею, поднял ковчежец и в виду всех присутствовавших сотряс его. Приняв в руки ножницы, митрополит Владимир разрезал тесьму и поднял с ковчежца крышку. Из алтаря вышел старец-затворник Зосимовой пустыни иеромонах Алексий, уже давно отвыкший видеть земное, но вернувшийся в мир, чтобы исполнить Божию волю. Он долго молился перед чудотворной Владимирской иконой Богоматери, и вместе с ним молился весь храм, потом троекратно осенил себя крестным знамением и благоговейно вынул из ковчежца *по указанию Божию* жребий.

Митрополит Владимир развернул его и прочел:

— Митрополит Московский и Коломенский Тихон.

— Аксиос![1] — выдохнул храм.

— Аксиос! — возгласил митрополит.

— Аксиос! Аксиос! Аксиос! — запели духовенство, хор и весь народ.

Свершилось! Отныне забудутся распри, не прольется больше безвинная кровь, не распадется государство. Отныне у народа есть заступник и Русская Церковь не оставлена Богом. На Патриарший престол избран достойнейший — полный любви к людям и необычайной простоты, доброжелательный и беспорочный архипастырь России Тихон.

Торжественная депутация членов Священного Собора направилась на Самотеку, в церковь Троицкого подворья, где в этот день молился Владыка Тихон, и митрополит Владимир торжественно благовестил:

— Преосвященнейший митрополит Тихон, Священный и Великий Собор призывает твою святыню на патриаршество богоспасаемого града Москвы и всея России.

— Понеже Священный и Великий Собор судил мене, недостойного, быти в такове служении, благодарю, приемлю и нимало вопреки глаголю,— ответил Владыка Тихон, низко поклонившись своему народу.

Избранник понял, что ему, как и всей Церкви, предстоит вступить на путь мученичества. Но 5 ноября 1917 года в его провидческих словах немногие различили предвестие пророка. Поняли их чуть позже, в тюрьмах, ссылках, на краю поспешно вырытых могил, возле осквернённых мощей, разрушенных алтарей, трупов замученных за православную веру братьев и сестер. Владыка сказал в день своего избрания:

Протоиерей Е. Бекаревич

— Ваша весть об избрании меня в Патриархи является для меня тем свитком, на котором было написано: *Плач, и стон, и горе,* и каковой свиток должен был съесть пророк Иезекииль (Иез. 2, 10; 3,1). Сколько и мне придется глотать слез и испускать стонов в предстоящем мне патриаршем служении, и особенно в настоящую тяжелую годину! Подобно древнему вождю еврейского народа — пророку Моисею и мне придется говорить ко Господу: *Для чего Ты мучишь раба Твоего? И почему я не нашел милости пред очами Твоими, что Ты возложил на меня бремя всего народа сего? Разве я носил во чреве весь народ сей и разве я родил его, что Ты говоришь мне: неси его на руках твоих, как нянька носит ребенка... Я один не могу нести всего народа сего, потому что он тяжел для меня* (Чис. 11, 11—14). Отныне на меня возлагается попечение о всех церквах Российских, и предстоит умирание за них во вся дни.

[1] Достоин! (*греч.*).

7 ноября Владыка Тихон отбыл в Троице-Сергиеву Лавру, чтобы в сем святом месте подготовить свой дух к торжеству возведения на Патриарший престол. Соборная же комиссия принялась спешно вырабатывать давно забытый на Руси порядок поставления Патриархов.

В праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, 21 ноября 1917 года, в Успенском соборе Кремля состоялась торжественная интронизация Патриарха Тихона.

С утра без умолку гудели колокола «сорока сороков» московских церквей. Бесконечным потоком текли к Красной площади крестные ходы из всех приходов. В израненный Кремль, охраняемый множеством вооруженных солдат, с разрешения властей открыли ворота. Но всех верующих, пришедших на торжество, не вместили ни Кремль, ни даже Красная площадь, и православные заполнили близлежащие улицы. В Успенском соборе холодно, западная стена пробита большим снарядом. На восточной стене высится Распятие Господа Иисуса Христа с оторванными снарядом руками. Жуткий символ: что-то он значит? Теплятся жертвенные лампады. Повсюду — пожелтевшие от времени лики святителей и чудотворцев Русской земли. Еще свой, родной этот главный русский храм, и не хочется думать, что он будет иным.

Входят в собор певчие, следом — члены Собора, за ними смиренно, с опущенным взором — Божий избранник. Посреди храма облачают Святейшего в великолепные одежды. Четыре старейших архиерея начинают Божественную литургию. И вот избранник, поддерживаемый священнослужителями, входит в алтарь и встает на горнее место. Весь народ, как на Пасху, держит в руках зажженные свечи. Два митрополита, Владимир и Платон, берут Великого Господина под руки и трижды сажают на так долго пустовавший патриарший трон.

— Аксиос! Аксиос! Аксиос! — поют в полный голос хор и весь народ.

Митрополиты с помощью диаконов облачают Патриарха в древние одежды его великих и святых предшественников. «В пору пришлись... Как на него сшиты»,— шепчут в толпе. Архидиакон Розов, знаменитый на всю Россию могучим, как колокол, голосом, «царь-дьякон», по прозвищу москвичей, возглашает многолетие Патриарху Московскому и всея России Тихону. *...и Богохранимой державе Российской,*— гремит его бас,— *многая лета!*

А где она, держава?

По окончании Божественной литургии Первоиерарх Русской Церкви сменяет святое древнее облачение на мантию и белый патриарший клобук Патриарха Никона — опять пришлись впору! — и, приняв из рук митрополита Владимира посох святителя Петра, обращается к народу.

— Устроением Промышления Божия мое вхождение в сей соборный патриарший храм Пречистыя Богоматери совпадает с всечестным праздником Введения во храм Пресвятыя Богородицы. Сотвори Захария вещь странну и всем удивительну, егда введе (Отроковицу) им самую внутреннюю скинию, во Святая Святых, сие же сотвори по таинственному Божиему научению. Дивно для всех и мое Божиим устроением нынешнее вступление на Патриаршее место, после того как оно свыше двухсот лет стояло пусто. Многие мужи, сильные словом и делом, свидетельствованные в вере, мужи, которых весь мир не был достоин, не получили, однако, осуществления своих чаяний о восстановлении патриаршества на Руси, не вошли в покой Господень, в обетованную землю, куда направлены были их святые помышления, ибо Бог предзрел нечто лучшее о нас. Но да не впадем от сего, братие, в гордыню. Один мыслитель, приветствуя мое недостоинство, писал: «Может быть, дарование нам патриаршества, которого не могли увидеть люди, более нас сильные и достойные, служит указанием проявления Божией милости именно к нашей немощи, к бедности духовной». А по отношению ко мне самому дарованием патриаршества дается мне чувствовать, как много от меня требуется и как многого для сего мне недостает. И от сознания сего священным трепетом объемлется ныне душа моя. Подобно Давиду, и я мал бех в братии моей, а братии мои прекрасны и велики, но Господь благоволил избрать меня. Кто же я, Господи, Господи, что Ты так возвел и отличил меня? Ты знаешь раба Твоего и что может сказать Тебе? И ныне благослови раба Твоего. Раб Твой среди народа Твоего, столь многочисленного, даруй же сердце разумное, дабы мудро руководить народом по пути спасения. Согрей сердце мое любовью к чадам Церкви Божией и расшири его, да не тесно будет им вмещаться во мне. Ведь архипастырское служение есть по преимуществу служение любви. Горохищное обрет овча, архипастырь подъемлет е на рамена своя. Правда, патриаршество восстанавливается на Руси в грозные дни, среди огня и орудийной смертоносной пальбы. Вероятно, и само оно принуждено будет не раз прибегать к мерам запрещения для вразумления непокорных и для восстановления порядка церковного. Но как в древности Пророку Илии явился Господь не в буре, не в трусе, не в огне, а в прохладе, в веянии тихого ветерка, так и ныне на наши малодушные укоры: Господи, сыны российские оставили завет Твой, разрушили Твои жертвенники, стреляли по храмовым и кремлевским святыням, избивали священников Твоих — слышится тихое веяние словес Твоих. Еще семь тысяч мужей не преклонили колена пред современным Ваалом и не изменили Богу истинному (3 Цар. 19, 14,18). И Господь как бы говорит мне так: «Иди и разыщи тех, ради коих еще пока стоит и держится Русская земля. Но не оставляй

и заблудших овец, обреченных на погибель, на заклание, овец, поистине жалких. Паси их, и для сего возьми сей жезл благоволения. С ним потерявшуюся — отыщи, угнанную — возврати, пораженную — перевяжи, больную — укрепи, разжиревшую и буйную — истреби, паси их по правде». В сем да поможет мне Сам Пастыреначальник, молитвами Пресвятыя Богородицы и святителей Московских. Бог да благословит всех нас благодатию Своею. Аминь.

Во всем величии роскошного убранства, благословляя народ и солдат, охраняющих от народа Кремль, Патриарх направляется на Красную площадь.

Радостные москвичи крестятся, опускаются на колени, приветствуя своего Батюшку, даже охрана Кремля, еще минуту назад гордая своим атеизмом, гасит папироски и скидывает шапки.

Прожил с тех пор Патриарх Тихон чуть более семи лет, перенеся тюремное заключение и несколько покушений на свою жизнь, и преставился в шестьдесят лет. Все дни его служения были постоянным умиранием за народ, как сказал он в день избрания, тяжким путем страданий и сомнений, по сравнению с которыми смерть — благо.

Михаил ВОСТРЫШЕВ

Церковноприходская жизнь Москвы 1920—1930-х годов

Воспоминания прихожанина

Автор статьи, Андрей Чеславович Козаржевский, родился в Москве в 1918 году. С 1924 по 1936 год был алтарником, потом чтецом храма Илии Обыденного и духовным сыном настоятеля этого храма отца Виталия Лукашевича, погибшего в Уссурийском лагере в 1938 году[1]. Сегодня А. Ч. Козаржевский — профессор исторического факультета МГУ, заведующий кафедрой древних языков. Он является автором многих работ по религиозной тематике, в частности по источниковедению раннехристианской литературы, а также переводов святоотеческих творений. Одно из направлений научной работы Андрея Чеславовича — изучение истории церковноприходской жизни Москвы. Лекции и циклы лекций о московских храмах и монастырях, о церковной жизни Москвы А. Ч. Козаржевский читал в обществах «Знание», «Старая Москва», в Фонде культуры, Всероссийском обществе охраны памятников истории и культуры, в различных учебных заведениях, в том числе и в Московской Духовной Академии.

Предлагаем вниманию читателей его воспоминания о московской приходской жизни 20—30-х годов. Редакция журнала будет благодарна читателям, если они пришлют воспоминания о церковноприходской жизни в в своих селах и городах в послереволюционные годы.

* * *

Когда речь заходит о положении Церкви в первые два советских десятилетия, внимание обычно сосредоточивается на трагических сторонах ее бытия и, к сожалению, из поля зрения ускользает приходской обиход, жизнь рядовых верующих, пастырская деятельность (в этом плане пишут, пожалуй, лишь об отце Алексии Мечеве), ушедшие в прошлое традиции. Все это хранится в воспоминаниях старых прихожан, круг которых неумолимо сужается.

Однако темы о репрессиях против Церкви, наступлении государственного атеизма, роли обновленчества и на сей раз обойти не удастся. Наша непрочная, тревожная жизнь не застрахована от повторения — пусть в иной степени и в других формах — былых неправедных деяний.

Чему же свидетелями были мы, обычные прихожане, не ведавшие о всех преступлениях против Церкви?

Я, естественно, не могу помнить того, что в первые годы моей жизни перенесло поколение отцов и дедов: зверских убийств духовенства, осквернения храмов, вскрытия мощей, грабежа церковных ценностей под видом сбора средств для помощи голодающим, высылки из страны религиозных мыслителей, травли и преждевременной смерти Святейшего Патриарха Тихона. Позже я узнал об этом из рассказов родных и близких.

Моему поколению пришлось пережить вторую волну репрессий, начало которой можно отнести на 1929 год («год великого перелома», как называла его советская печать). Это массовые ссылки, аресты и расстрелы духовенства. Мой крестный отец, протоиерей Илия Зотиков, был одним из соратников Святейшего Патриарха Тихона. До ареста отец Илия служил настоятелем в Святодуховской церкви у Пречистенских (в советское время — Кропоткинских) ворот. В Святодуховской

церкви у Пречистенских ворот вместе с отцом Илией Зотиковым служил диакон отец Михаил Астров[2], редкий по своей христианской убежденности и верности Церкви человек. Усадив меня к себе на колени, он знакомил меня с основами Закона Божиего. Мальчиком в конце 20-х годов мне довелось прислуживать отцу Илие в кладбищенской церкви города Владимира, выполнявшей после закрытия Успенского собора функцию кафедрального храма епархии. Вместе с другими священнослужителями, в частности с архидиаконом Константином Лебедевым, он был заключен во владимирскую тюрьму, печально знаменитую жестокими условиями содержания арестованных. Когда его вели на расстрел, по дороге к стене смерти отец Илия умер от разрыва сердца, не получив от убийц пулю в затылок.

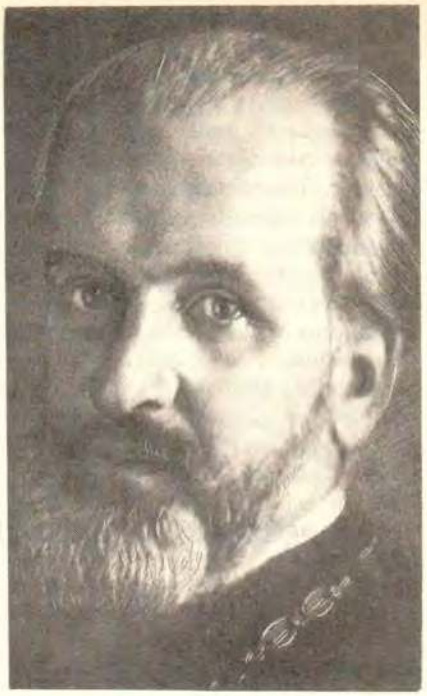
Священники, остававшиеся в живых после репрессий, именовались «служителями культа» и становились «лишенцами»: их лишали не только так называемых избирательных прав, но и продовольственных карточек — «заборных книжек». Конечно, верующие не допускали, чтобы их пастыри голодали,— кормили, чем могли.

На моих глазах закрывались и рушились церкви. Вот лишь некоторые цифры, возможно уже знакомые читателям: в нынешних границах города по Московской кольцевой автодороге (включающей большую часть былого Московского уезда) до 1917 года было около 700 церквей. К началу Великой Отечественной войны половина из них была снесена, незначительная часть превращена в музеи, действующих храмов осталось около 40. В остальных, обезображенных, разместились предприятия, учреждения, склады.

Помню разрушение храма Христа Спасителя, напротив которого я жил. Сносу его предшествовала разнузданная кампания в печати, в которой не стыдились принимать участие иные ученые, даже искусствоведы, благо в то время византийско-русский стиль середины XIX века считался чуть ли не провалом в развитии отечественной архитектуры.

Недавно я увидел документальные кадры о сносе храма Христа Спасителя и других церквей. Меня потряс ю, с каким веселым озорством рабочие и нанятые мужики крушили собор и находившуюся рядом церковь Похвалы Богородицы, как лихо, без единой слезинки, немолодые женщины выносили и бросали в костер иконы. Часто все объясняют некоей темной направляющей силой. А что же сам народ? Неужели он словно по заказу в 1917 году разом стал в своей массе неверующим? Значит, до революции ни правительство, ни даже Церковь (и это отмечает в своих дневниках архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий; † 1961) не проявляли действенной заботы о духовном просвещении народа. С горечью, отнюдь не со злорадством, писал В. Белинский в знаменитом «Письме к Н. Гоголю» о нашей поверхностной религиозности. Прав был и М. Волошин, когда в поэме «Владимирская Богоматерь» сказал: «Но народ в годину гнева отдал сам ключи своих святынь, и ушла Предстательница Дева от Ея поруганных твердынь». Помню, как иконы не только жгли, но и использовали в качестве досок, как в евангельские, с великолепным орнаментом листы завертывали селедку, как носили тюбетейки, сшитые из церковных риз, как в часовнях устраивали уборные... Но на мрачном фоне массового вероотступничества тем ярче сияют, как звезды, новомученики, кровью которых омылась Русская Православная Церковь.

Храмы, избежавшие закрытия, облагались чудовищными налогами. Настоятель в епитрахили перед шестопсалмием выходил на амвон, кланялся прихожанам, разъяснял положение и просил помощи, а потом сам шел с блюдом собирать посильные даяния. Над требами был жесткий государственный конт-

Священник Виталий Лукашевич

роль. Крестить младенца, устроить венчание, отпевание осмеливались далеко не все: смельчаки рисковали быть уволенными с работы. Для проведения венчания, например, закрывали наружные ставни окон, тушили свет в притворе, через который, крадучись, входили в церковь жених и невеста. На Пасху в церковь посылались хулиганы, которые свистели, ругались, раскачивали толпу верующих. К церкви подводили усилительные установки и громом вульгарной музыки старались заглушить церковное пение. Китайцы из Коммунистического университета народов Востока врывались в храм Христа Спасителя, тушили лампады и свечи и с большой изобретательностью и усердием засовывали в подсвечники бумажные шарики, не позволявшие поставить свечи.

В 1930 году в Москве запретили колокольный звон и стали сбрасывать колокола. До сих пор стоит в ушах стон разбиваемых колоколов. Воробьевы горы находились за официальной границей города, проходившей по окружной железной дороге, и до повсеместного запрета звона

москвичи ездили туда послушать незатейливый благовест скромной Троицкой церкви.

Одно время были запрещены рождественские елки. Приходилось всеми правдами и неправдами добытое деревце украшать, завесив окна плотными шторами, чтобы сознательные соседи (порвавших с религией называли «разобравшимися») не донесли.

Я в детстве старался ходить в церковь предельно незаметно: дворовые ребята дразнили меня «попом», подстерегали на дороге и били, а вслед бросали кирпичи. В моей школе устанавливали черную доску, на которой записывались фамилии тех учеников, кто в православный праздник осмелился пропустить уроки (если церковный праздник приходился на воскресенье, то этот день объявляли рабочим).

Особенно сильную боль в моей детской душе вызывала разнузданная антирелигиозная агитация, усиливавшаяся перед церковными праздниками. Горло сжимали спазмы, когда я случайно (всеми силами я старался избегать этого) видел в журнале «Безбожник» или на заборе карикатуры на то, перед чем у нас дома в красном углу теплились лампадки и что было бесконечно дорого сердцу: кроткого страдальца Христа, добрую и печальную Богоматерь, всегда помогающего и в то же время строгого Николу. Я на всю жизнь сохранил почти физически брезгливое отношение к рисункам Моора и стихам Д. Бедного. Удивительно то, что несколько лет тому назад при начавшемся возрождении духовности и нормализации отношений между Церковью и государством по чьей-то инициативе в издательстве «Советский художник» вышел альбом антирелигиозных карикатур 20—30-х годов.

Омерзительны были антирелигиозные «шоу» на октябрьских и первомайских демонстрациях. Одетые в настоящие церковные ризы, с приставными красными носами и в париках молодые люди изображали попов и выкрикивали непотребные частушки.

Мне повезло: в семье меня успели — конечно, элементарно — обучить Закону Божиему и церковнославянскому языку, приучить к постоянному чтению Евангелия и житий святых. Позже, когда я учился в старших классах школы, а затем в институте, мне довелось в библиотечных правилах увидеть среди запрещенных к выдаче книг цинично объединенную в один параграф, кажется 14-й, религиозную литературу и порнографию. Получилось, что люди на протяжении многих десятков лет не могли взять в руки книгу книг Библию, не говоря уже о церковной литературе. Поэтому мои сверстники, несмотря на высшее образование, часто проявляют безграмотность в том, что в цивилизованных странах считается само собой разумеющимся минимумом знаний. Сейчас трудно поверить, что в то время приобрести нательный крест или иконку было делом очень нелегким.

Формирования обновленчества я, разумеется, помнить не могу, но был очевидцем его развития. Воздержусь от характеристики так называемой «красной церкви» и ее идейного вождя, самозванного митрополита, «апологета и благовестника истины Христовой» А. И. Введенского — об этом уже достаточно написано[3]. В Москве властями были отняты у патриаршей Церкви и отданы обновленцам храм Христа Спасителя и другие храмы, в первую очередь кладбищенские. До этой акции, как я смутно помню, мы были с матерью в переполненном храме Христа Спасителя, стояли со свечками в галерее у мраморных досок с именами героев Отечественной войны 1812 года. Что это был за день, не знаю: то ли вербная суббота, то ли Великий Четверг, но служба была, по-видимому, патриаршей. Посещать же собор, когда там обосновались раскольники, считалось грехом и, гуляя в сквере, я издали наблюдал, как в храм на такси «Рено» приезжал А. И. Введенский и какую встречу ему устраивали на лестнице экзальтированные поклонницы. Позже я бывал в Пименовской церкви (но, конечно, не причащался и не подходил под благословение), куда после сноса храма Христа Спасителя перенес свою кафедру «митрополит». Церковь посещала жалкая горстка его приверженцев. Я наблюдал за быстрым и небрежным богослужением, слушал претенциозные проповеди. Последний раз я видел А. И. Введенского в 1946 году, незадолго до его смерти и полного распада обновленческого раскола. Уважаемые мною люди, в том числе известные священнослужители, в разное время говорили о нем: Введенский — несчастный человек и достоин жалости. Я понимал это так, что погубивший многих людей отступник в силу своей безблагодатности и несмотря на внешнее благополучие, по-существу, несчастен и за него, как за великого грешника, нужно сугубо молиться.

Однако был среди обновленческих иерархов человек, которого уважали и «тихоновцы» за благолепное служение, строгую монашескую жизнь, приверженность традициям. Это митрополит Виталий (Введенский; †1950), однофамилец обновленческого вождя. Его кафедра была в Воскресенской церкви в Сокольниках. Там находились присвоенные обновленцами московские святыни — иконы Божией Матери Иверская, Боголюбская, Страстная, Грузинская, Нечаянная радость (теперь она находится в церкви Илии Обыденского). Митрополит Виталий одним из первых принес покаяние патриаршей Церкви и воссоединился с ней в сане архиепископа.

Моим соседом по дому был обновленец Владимир Быков, он служил в церкви Ржевской Божией Матери на Пречистенском (ныне Гоголевском) бульваре. Не в обычной ризе, а в какой-то кружевной накидке он выходил

Храм Димитрия Солунского на Страстной площади (ныне площадь Пушкина). Разрушен в 30-е годы

из алтаря, садился посреди храма и вслух молился, скажем, о том, чтобы знакомая ему женщина купила на Арбатском рынке хорошую картошку. В уцелевшей башне Зачатиевского монастыря он устраивал спиритические сеансы и даже показал мне однажды свою книгу с фотографиями «духов» разных знаменитостей, вроде Наполеона.

Еще одного священнослужителя упомяну, но на этот раз с чувством большого уважения. Это епископ, впоследствии в расколе митрополит Можайский Борис (Рукин; † 1934). Он жил в доме причта храма Христа Спасителя. В отличие от остального духовенства по улице ходил в рясе, а не в цивильной одежде. Как известно, он с Иларионом, архиепископом Верейским (Троицким; † 1929), был одним из самых близких людей Святейшего Патриарха Тихона в его предсмертные годы в Донском монастыре. В церкви Илии Обыденного в 1920-е годы он часто по четвергам читал акафист перед Владимирской иконой Божией Матери. Не признав главенства митрополита Сергия (Страгородского; † 1944), он ушел в григорианский раскол[4], владевший в Москве храмом Сорока мучеников напротив Новоспасского монастыря. Связано же это было, видимо, с тем, что григорьевцы в отличие от обновленцев не собирались модернизировать Церковь, они протестовали против нарушения, как им казалось, Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Петром соборного начала в церковном управлении.

Помню, что возмущение среди верующих москвичей и духовенства было вызвано не столько Декларацией 1927 года, сколько его интервью 1930 года, в котором заявлялось: «Да, действительно, некоторые церкви закрываются. Но производится это не по инициативе власти, а по желанию населения, а в иных случаях даже по постановлению самих верующих», а священнослужителей подвергают репрессиям только за политическую враждебность[5]. Понять это и оправдать не было сил. Но одному Богу известны мотивы действий митрополита — не нам быть судьями... Хочется думать, что первоиерарх рассчитывал на уменьшение репрессий после подобных заявлений. На деле же преследования только усилились. Митрополита Сергия я видел вблизи только один раз — в 1931 году в Ильин день, когда на чине облачения выносил из алтаря саккос. Насколько мог уловить в свои 13 лет, обычное умиленное почитание народом архиерея не сопутствовало митрополиту.

Главным митрополичьим собором был Богоявленский в Дорогомилове, его снесли незадолго до Великой Отечественной войны. Кафедральным собором стала Богоявленская церковь в Елохове. Очень любил Митрополит Сергий служить в Покровской церкви на Красносельской и именно там совершать рукоположения.

Другой архиерейской резиденцией был Преображенский собор на одноименной площади (в годы хрущевских гонений его сломали). Там служил Владыка Сергий (Воскресенский; † 1944). Он был епископом Коломенским, викарием Московской епархии, затем Бронницким, впоследствии Дмитровским; редактировал «Журнал Московской Патриархии» до его закрытия; впоследствии стал митрополитом Виленским и Литовским — Экзархом в Прибалтике. Я часто бывал в Преображенском на его служениях. От природы он был одарен яркой наружностью и артистизмом, жизненной энергией, сильным голосом (тенором), прекрасной дикцией, но служба его, как мне казалось, духовной проникновенностью не отличалась[6].

Большую любовь православных москвичей снискал митрополит Трифон (Туркестанов; † 1934). Особой духовной красотой было проникнуто его служение литургии Преждеосвященных Даров в храме «Большое Вознесение» у Никитских ворот. Облик архипастыря запечатлен в портрете П. Корина. Похоронен митрополит Трифон на кладбище «Введенские горы». На подножии могильного креста надпись: «Дети, любите храм Божий, храм Божий — это земное небо».

В довоенные годы я неоднократно бывал на службах известных московских священников. Протопресвитер Александр Хо-

товицкий, который вместе с отцом Илией Зотиковым сопутствовал будущему Патриарху, Святителю Тихону, в его миссии в Америке, затем служил с ним в храме Христа Спасителя, славился пламенными проповедями и общими исповедями. Потом некоторое время он был настоятелем Ризоположенской церкви на Донской улице. После неоднократных арестов его расстреляли.

Несколько реликвий, связанных с именем отца Александра Хотовицкого, достались мне после смерти М. А. Авдеевой, друга нашей семьи (она жила рядом с ним в доме причта храма Христа Спасителя в нынешнем Саймоновском проезде). Среди этих реликвий была поэма «Ильинская», созданная отцом Александром в Америке по поводу тройного события — дня Ангела, юбилея отца Илии Зотикова и проводов его на родину. В начале послания написано: «Посвящается моему лучшему другу о. Илье Зотикову». Привлекают простодушие и сердечность этого стихотворения:

Как июля на двадцатого,
Года девятьсот десятого,
Собралась в Нью-Йорке братия,
Заключить Илью в объятия,
Наградить его приветами,
А супружницу браслетами:
В этот день в Российской ведь земле
Службу правят все Пророку Илие...

Также сохранился самодельный переплет молитвенника отца Александра с полустершимися карандашными записями. На одной его стороне табель-календарь, в котором некоторые числа крестообразно зачеркнуты, на другой — надпись: «Спасибо, дорогая Маруся, за этот молитвенник. Он был лучшим, верным спутником, другом и утешителем моим в тяжкие годы моего тюремного заключения. Христос да хранит Вас». Когда и в какой тюрьме пользовался он этим молитвенником, остается неизвестным. Сохранившаяся драгоценная фотография прекрасно передает горячую и бесконечно добрую натуру протопресвитера-новомученика.

Мне запомнились благолепным служением, душеполезными проповедями пастыри отец Александр Воскресенский в церкви Иоанна Воина на Якиманке, отец Павел Лепехин в Никольской церкви в Хамовниках, отец Александр Скворцов в бывшем Иерусалимском подворье на Арбате, отец Георгий Чиннов в церкви Успения на Могильцах, отец Павел Цветков в Ильинской церкви в Черкизове, отец Стефан Марков в Знаменской церкви на Переяславской, отец Александр Смирнов в церкви Николы в Кузнецах, благочинный Владимир Воробьев, дед нынешнего известного пастыря, носящего то же имя, Александр Лебедев, настоятель Дорогомиловского собора. К сожалению, я никогда не был на службах и собеседованиях священников Алексия и Сергия Мечевых в церкви Николы в Кленниках. Настоятелем храма Илии Обыденного после отца Виталия Лукашевича в середине 1930-х годов стал достойнейший пастырь Александр Толгский. Это были яркие личности, непоколебимо державшиеся Православия, оставившие заметный след в церковной жизни столицы, воспитавшие поколение, которое дожило до нынешних времен, когда Церковь перестали преследовать. Было бы справедливо, пока живы очевидцы прошлого, составить для церковной прессы очерки о былых московских (и, конечно, не только московских) священнослужителях. Их имена должны быть внесены в синодики для постоянного поминовения в тех храмах, где они когда-то, особенно в годы гонений, служили. Красивые слова советского поэта «никто не забыт, и ничто не забыто» девальвировались в нашей суетной жизни, и только Церковь сохраняет молитвенную память о людях, ушедших и еще живущих.

Хотя храмов в Москве было немного, священников, особенно для проведения ранних литургий в воскресные и праздничные дни, часто не хватало. Использовались заштатные священники. Так, в церкви Илии Обыденного обычно приглашали отца Филиппа из закрытого Ивановского женского монастыря. Кадры духовенства нигде не готовились. Правда, в тридцатые годы штаты чудом сохранившихся храмов пополнились в результате слияния приходов. Естественно,

Храм Христа Спасителя и церковь Похвалы Богородицы в Башмакове

Митрополит-обновленец Александр Введенский

священнослужители были, как правило, людьми немолодыми. Они пользовались у прихожан глубоким уважением и любовью.

В те далекие годы был своеобразный обычай приглашать на престольные праздники известных протодиаконов. Православная Москва особенно любила отца Михаила Холмогорова. Его характерный облик несколько раз запечатлел П. Корин, работая над полотном «Русь уходящая». Холмогоров в противоположность другой московской знаменитости — отцу Владимиру Прокимнову не оставлял церковной деятельности и последние годы своей жизни служил в бывшем Иерусалимском подворье на Арбате. Его старческий голос утратил былую силу, но сохранил благородный тембр. У приглашаемых протодиаконов был свой излюбленный репертуар: «Блажен муж» Любимова, «Ныне отпущаеши» М. Строкина, «Спаси, Боже» П. Чеснокова, «Верую» А. Архангельского, запричастные «концерты» разных композиторов. Мне не удалось побывать на церковном служении М. Михайлова; впрочем, он довольно рано ушел в актеры.

Не приходится говорить, что священнослужители тех лет отличались высокой квалификацией, службу знали наизусть и не зависели всецело от служебника. Проповеди носили сугубо духовный характер: никаких экскурсов в науку и политику. Не было злоупотребления апокрифическими преданиями. Тогда в голову не приходило касаться таких проблем, которые подчас ставят современные проповедники: испытывала ли Богоматерь родовые муки при рождении Спасителя, какова была Ее внешность, какому архангелу нужно молиться, чтобы купить на рынке натуральный, а не поддельный мед, и тому подобные. В те времена в храмах, конечно же, не висели навлекающие на Православие обвинения в языческих пережитках рекомендательные списки, какому святому и в каком случае следует молиться: священномученику Антипе — при зубной боли, святому Артемию — при грыже и т. д.

Церковные награды в те годы раздавались с неограниченной щедростью. Чуть ли не все московские священники были митрофорными, что в общем понятно: они были людьми преклонного возраста, имели большой стаж служения в сане. Была введена высшая награда, которая, правда, в дальнейшем не удержалась — служебный пояс с «источниками». Это было явным заимствованием у старообрядцев, только вместо медной пряжки впереди были обычные завязки на концах. Такой пояс я видел на московском благочинном 1930-х годов Василии Доронкине, а позже — на архимандрите Таврионе (Батозском; † 1978), духовнике Преображенской пустыни под Елгавой.

Получил большое распространение институт сестричества. Совсем юные девушки, взрослые и пожилые женщины в скромных темных платьях и белых косынках следили за порядком во время богослужения, ставили свечи, оправляли лампады, подводили детей и немощных к чаше, Кресту и иконам, ходили с блюдом для сбора доброхотных даяний.

Функции сестричества ограничивались церковью; благотворительность, дела милосердия по тогдашнему законодательству запрещались. Сестры не были монахинями, у многих из них были мужья и дети.

В храмах служили, как правило, превосходные псаломщики. Они читали четко, с осмысленными логическими паузами и ударениями; не впадали ни в равнодушное бормотание, ни в нарочитую, чисто светскую выразительность. О том, что они безупречно знали церковнославянский язык и служебный обиход, и говорить не приходится. Соблюдалась, например, такая тонкость, отмеченная во всех Часословах, но теперь никогда не выполняемая: на повечерии и изобразительных «Верую» читали, понизив тон, что в общем весьма обосновано. Не любили читать по богослужебным книгам, напечатанным гражданским шрифтом. Нередко Шестопсалмие и молитвы перед причастием читали некоторые прихожане, делая это со всяческим благоговением и тщанием.

В богослужениях, особенно на вечерне, повечерии, утрени практиковались некоторые сокращения в основном за счет стихир и ветхозаветных чтений. Зато не допускались литургические «усовершенствования», встречающиеся теперь в некоторых московских храмах: зажигание паникадила на Преждеосвященной литургии при словах «Свет Христов просвещает всех», поднятие Плащаницы в вертикальное положение на пасхальной полунощнице при пении 9-й песни канона «востану бо». Не было принято выключать свет при пении «Покаяния отверзи ми двери». Не было неумеренного увлечения акафистами и водосвятными молебнами (ныне они проводятся чуть ли не ежедневно). Не проводились массовые соборования.

Время богослужений было рассчитано на работающих людей, а не только на пенсионеров: будничная литургия совершалась в половине седьмого утра, вечернее богослужение — в половине седьмого вечера.

Что представляло собой церковное пение тех далеких лет? Давно прекратил существование знаменитый синодальный хор под управлением Данилина, певший в кремлевском Успенском соборе, но имя Данилина не забыто хотя бы потому, что замечательный регент и композитор переложил на удивительную по духовной красоте музыку задостойник «О Тебе радуется». На радио перешел хор Юхова, замолк хор П. Чеснокова. В конце 1920-х — начале 1930-х годов лучшим церковным музыкальным коллективом был хор под управлением Нестерова, потом Антонова. В полном составе он пел в Дорогомиловском соборе. Часть хора приглашалась в другие места, например в церковь Похвалы Богородицы на акафист иконе Божией Матери «Нечаянная радость». В церкви Николы в Кузнецах, а затем в Преображенском митрополичьем храме пел хор, регентом которого был Моисей Кононенко. Пение хора отличалось высоким профессионализмом, но не входило в ткань богослужения так органично, как нестеровское, а представляло собой как бы цепь концертных номеров. Недаром на дверях храма вывешивалась своего рода музыкальная программа, например: «Благослови» П. Чеснокова, «Блажен муж» А. Кастальского и так далее. У клиросов, на которых пели знаменитые хоры, стояла плотная толпа немолодых мужчин — любителей пения. Они не молились, а разглядывали певчих, придирчиво прислушивались к тому, как тот или иной солист возьмет трудную ноту, и без стеснения делали вслух свои замечания, смущая молящихся прихожан. Справедливости ради замечу, что они удивительно точно на слух определяли композиторов. После службы в церковных дворах собирались группы этих меломанов и горячо обсуждали слышанное. Подобное же наблюдалось и по отношению к известным протодиаконам.

При всей своей материальной стесненности многие московские церкви обладали небольшими, но хорошими по составу голосов хорами. С чувством благодарности за доставленную духовную радость вспоминаю регентов Семенова в церкви Илии Обыденного, Локтева в церкви Успения на Могильцах, Астафьева в Знаменской церкви на Переяславской, Александрова в церкви Николы в Хамовниках, Соболева в бывшем Иерусалимском подворье на Арбате. Во всех храмах регентами были только мужчины, что приводило, по моему мнению, к строгости и музыкальной четкости исполнения. За службой, даже праздничной, пел один хор, а не два. Правый, профессиональный хор пел в субботу за всенощной и в воскресенье за поздней обедней, а также по праздникам; левый, из прихожан,— по будням, а по воскресеньям и праздникам — за ранней литургией.

Обязательное всенародное пение «Верую» и «Отче наш» было введено в середине 1930-х годов. На первый взгляд это кажется оправданным: верующие невольно заучивают наизусть Символ веры и Молитву Господню. Однако эта практика далеко не бесспорна. Главную молитву, «Отче наш», раньше пел хор, а все прихожане во главе с духовенством благоговейно слушали ее, стоя на коленях. Теперь же все стоят и увлекаются самим процессом пения (чем громче — тем лучше), часто не вдумываясь в слова. Кроме того, мы, наверное, навсегда лишились возможности слушать замечательную, глубоко молитвенную музыку: «Верую» А. Кастальского, А. Гречанинова, «Отче наш» Кедрова, К. Шведова, П. Чеснокова. Вообще же, не приемля вульгарной концертности церковного пения, вряд ли стоит пренебрегать эстетической стороной богослужения, в том числе и пения, сводить все к обиходу, начисто отрицать наследие духовной музыки наших отечественных композиторов. Бог даровал им талант, а они посвятили его служению Богу. Как мы обеднеем, если лишимся «Херувимской» Д. Бортнянского, «Вечери Твоея тайныя» А. Львова, «С ними Бог» П. Зиновьева, «Да молчит» П. Турчанинова и многого, многого другого! Кроме того, мелодичная, глубоко национальная, одухотворенная православная музыка, противостоя антигуманному, извращенному року, очищает духовное естество людей, особенно молодых, и не только тех, которые постоянно, по своей вере, посещают церковь, но и тех, кто забредает в нее из любопытства.

Протоиерей Александр Хотовицкий

Поскольку религиозность жестоко преследовалась, а в учебных заведениях и «сознательных» семьях дети получали атеистическое воспитание, молодежи и детей в храмах было очень мало. О том, чтобы при церквах существовали воскресные школы, чтобы за богослужениями время от времени пели детские хоры, не приходилось мечтать не только в годы моего детства и юности, но всего каких-нибудь

шесть лет тому назад. Зато теперь душа радуется, когда перед солеей стоит масса нарядных ребятишек, которые ведут себя чинно, усердно крестятся и становятся на колени, собирают огарки с подсвечников, подпевают взрослым. Мое поколение может только радоваться за юношей и девушек, которые ныне стоят в церкви с трепетным благоговением и с трогательным вниманием следят за богослужением по книгам, изданным Московской Патриархией.

Довоенные прихожане в большинстве своем успели получить минимум духовных знаний еще до 1917 года, хорошо знали церковную службу и были свободны от предрассудков, получивших теперь распространение, свечи передавали не только через правое плечо, не протягивали сложенных ладоней при словах «мир всем», не различали «добрых» и «сердитых» икон Божией Матери, не ставили свечей к иконам только ради достижения каких-то конкретных милостей свыше (как это рекомендуется в упомянутых списках святых), не ходили всем скопом вместе с неверующими на кладбище в первый день Пасхи, зная, что для поминовения усопших Церковь установила Радоницу. Верующая интеллигенция не совмещала христианских убеждений с антихристианской мистикой — астрологией, теософией, рерихианством и прочими учениями.

В храме стояли спокойно, в голову не приходило расхаживать, расталкивая людей. Не было в обычае посещать разные храмы, особенно по праздникам. Держались своего прихода, хорошо знали друг друга, у каждого было привычное место молитвы. В храме царила атмосфера доброжелательности: никому не делали замечаний, злобно не шипели на женщин с непокрытой головой. Обслуживающий персонал не был «на короткой ноге» со святыней, не вел себя нарочито по-хозяйски, не портил настроения верующим грубыми окриками. Главной фигурой в церкви до хрущевской «реформы» был священник, а не староста и уборщицы. Кстати сказать, несмотря на притеснения и контроль со стороны государства, священник тех лет умудрялся, подоткнув полы подрясника под гражданское пальто, вместе с псаломщиком ходить (правда, таясь) по квартирам знакомых прихожан в Рождество, Крещение и Пасху и служить молебен.

С чувством горечи должен заметить, что тогда не строго соблюдали посты, редко причащались — в основном в Великие Четверг или Субботу и в дни своего Ангела.

Оглядываясь на прошлую жизнь московских приходов, видишь ее сильные и слабые стороны. Но, радуясь открытию церквей, обилию народа в храмах, большому количеству треб, религиозным программам и темам в передачах и публикациях средств массовой информации, рано праздновать победу: во многих отношениях процесс идет вширь, а не вглубь. Обращение к опыту былой церковно-приходской жизни Москвы — центра русского Православия — может быть очень благотворным: оно поможет осмыслить и возродить духовную жизнь нашего времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Козаржевский А. Храм Илии Обыденного в 20—30-е годы.— Московский журнал, 1992, № 5.

[2] Апушкина Е. Миша Астров. Воспоминания.— Московский журнал, 1992, № 3.

[3] На основании обширной литературы, архивных материалов и личных воспоминаний А. Ч. Козаржевским опубликована статья «А. И. Введенский и обновленческий раскол в Москве» в журнале «Вестник Московского университета» (1989, серия 8, № 1).

[4] Григорианский, или григорьевский, раскол — группа православного духовенства и мирян, не согласная с назначением Сергия (Страгородского) заместителем Местоблюстителя. Раскол возник и оформился в 1925 году, возглавил его архиепископ Екатеринбургский Григорий (Яцковский; † 1932).

[5] Интервью с главой патриаршей православной церкви в СССР, заместителем патриаршего местоблюстителя митрополитом Сергием и его Синодом.— Известия ВЦИК, 1930, № 46, 15 февр.

[6] Митрополиту Сергию (Воскресенскому) посвящена статья в газете «Московский церковный вестник» (1991, № 21).

А. Ч. КОЗАРЖЕВСКИЙ

В России издана впервые

Монография выдающегося русского мыслителя и историка Г. П. Федотова «Святой Филипп, Митрополит Московский» была опубликована им в 1928 году в эмиграции. Как и другая его книга, «Святые Древней Руси», она явилась результатом преподавательской работы автора в Парижском богословском институте периода наивысшего расцвета этой знаменитой духовной школы, когда профессорами в ней были такие крупные ученые, как отец Сергий Булгаков, Г. В. Флоровский, А. В. Карташев, С. Л. Франк, Н. О. Лосский, В. Н. Ильин, С. С. Безобразов и другие. Труд Федотова посвящен одному из трагических эпизодов нашего прошлого: столкновению государства в лице нечестивого царя Иоанна и Церкви в лице ее праведного Первосвятителя.

Разрушая как леворадикальное представление о социальной пассивности Русской Православной Церкви и ее равнодушии к народной жизни, так и поныне бытующий в среде «почвенников» взгляд на допетровскую Русь как на идеал религиозно-общественного порядка, гармонично сочетая в себе научный историко-критический подход с верностью православной традиции и церковному Преданию, книга эта сразу же стала классикой агиографической литературы XX века. Нельзя не порадоваться тому, что она наконец-то вернулась на родину автора, пришла к православному русскому читателю.

Книга выпущена издательством «Стрижев-Центр» в Москве в 1991 году тиражом 50 000 экземпляров.

Е. ПОЛИЩУК

К 125-летию со дня преставления
1867—1992

Святитель Московский Филарет (Дроздов)

(Очерк жизни и деятельности)

Митрополит Московский Филарет (Дроздов) без сомнения крупнейший деятель Русской Церкви XIX столетия. Соединив в себе качества первоиерарха и ученого-богослова, государственного мужа и подвижника благочестия, проповедника и поэта, он был одним из людей, избранных Самим Богом для высшего духовного водительства. На Московской кафедре его служение протекало почти полвека (с 1821 по 1867 год), а авторитет к концу жизни был таков, что современники именовали его Митрополитом Всероссийским, «природным Патриархом» Русской Церкви.

Жизнь митрополита Филарета один из его биографов назвал священной эпопеей.

Родился святитель Филарет, в миру Василий Михайлович Дроздов, в 1782 году в семье диакона, (впоследствии священника) в древнем городе Коломне. Первоначальное образование получил в Коломенской Семинарии, с 1800 года учился в Троицкой Лаврской Семинарии. За годы обучения он приобрел блестящее знание древних языков и основательную филологическую подготовку. Многого он добился благодаря самоотверженному трудолюбию. Так, чтобы ознакомиться с философией Канта, он самостоятельно изучил французский язык, так как «Критика чистого разума» попала к нему в руки во французском переводе.

В 1803 году, по окончании Лаврской Семинарии, Василий Дроздов был оставлен в ней преподавателем. В Семинарии в то время господствовала патриархальность, отношения носили семейный характер. Отцом этого большого семейства был известный просвещенностью и добросердечием митрополит Московский Платон (Левшин). Он вскоре заметил молодого учителя и, оценив в нем проповедническое дарование, побудил к принятию монашества и сам постриг его осенью 1808 года. О том, что значила Лавра Преподобного Сергия для будущего святителя, говорил он в одной из своих проповедей: «Кто покажет мне малый деревянный храм, на котором в первый раз наречено здесь имя Пресвятыя Троицы? Вошел бы я в него на всенощное бдение, когда в нем с треском и дымом горящая лучина светит чтению и пению, но сердца молящихся горят тише и яснее свечи, и пламень их достигает до неба, и ангелы восходят и нисходят в пламени их жертвы духовной. Отворите мне дверь тесной келлии, чтобы я мог вздохнуть ее воздухом, который трепетал от гласа молитв и воздыханий Преподобного Сергия, который орошен дождем слез его... Дайте мне облобызать порог ее сеней, который истерт ногами святых и через который однажды переступили стопы Царицы Небесной... Ведь это все здесь: только закрыто временем или заключено в сих величественных зданиях, как высокой цены сокровище в великолепном ковчеге. Откройте мне ковчег, покажите сокровище: оно непохитимо и неистощимо; из него, без ущерба его, можно заимствовать благопотребное — безмолвие молитвы, простоту жизни, смирение мудрования».

Митрополит Филарет (Дроздов)

Однако иноку Филарету суждено было покинуть Лавру: всю последующую жизнь ему предстояло сочетать подвиг духовный с общественным служением... Из тихого лаврского приюта, овеянного духом благочестия, иеродиакон Филарет в 1809 году был вызван в Петербург. Контраст был разителен.

Доклад, прочитанный на Филаретовском вечере в МДАиС 13 декабря 1991 г.

После простоты тихой монастырской жизни он столкнулся с политиканством в Синоде, суетой придворных, мистическими увлечениями в обществе. Встреченный в Петербурге не слишком ласково, иеродиакон Филарет постепенно преодолел настороженное к себе отношение. Уже в 1812 году он становится архимандритом и ректором Санкт-Петербургской Духовной Академии. Он выдвинулся прежде всего своим усердием в проповедании слова Божия, назидательными и красноречивыми поучениями об истинах веры. Даже не любивший его А. И. Герцен признавал за архимандритом Филаретом дар слова: «владел мастерски русским языком, удачно вводя в него церковнославянский». Как писал протоиерей Г. Флоровский, «в этом мастерстве языка и первая причина влиятельности его слова»,— проповедь его «всегда была благовестием, никогда не бывала только красноречием».

Весьма интенсивной была в годы пребывания в Петербурге учебно-педагогическая деятельность архимандрита Филарета. За несколько лет он прочел почти полный курс богословских наук. По отзывам студентов, он был профессором блестящим и вдохновенным. «Речь внятная: говорил остро, высоко, премудро; свободно делал изъяснения Священного Писания. Как бы все лилось из уст его. Привлекал учеников так к слушанию себя, что когда часы кончались ему преподавать, всегда оставалось великое усердие слушать его еще более без ястия и пития. Всем казалось истинно, приятно, совершенно его учение. Все доказывало, что он много в науках занимался». Тогда же вышли две первые его книги, бывшие неслыханной новацией по тем временам: «Начертание церковно-библейской истории» и «Записки на книгу Бытия».

Первые два десятилетия XIX века Филарет особенно много потрудился на богословской ниве. В 1814 году, будучи ректором Академии, по поручению Комиссии духовных училищ, он составил подробное «Обозрение богословских наук», в котором представил первый опыт стройной систематизации и взаимного соотношения главных направлений богословия. Его труды позволили ему занять выдающееся место в истории русского богословия. Жизненность и всеохватность, глубина богословского созерцания и образцовая точность изложения характеризуют все его произведения. Из них наиболее известны «Изложение разностей между Восточной и Западной Церковью в учении веры» (1811). «Разговоры между испытующим и уверенным в Православии Восточной Греко-Российской Церкви» (1813) и особенно «Краткий» и «Пространный» катихизисы, которые, соединив с глубиной и строгостью богословия простоту и доступность, до сих пор служат и учебной книгой Церкви, и правилом веры, и свидетельством нашего исповедания перед инославными. Однако главное богословское наследие автора содержится в его вдохновенных «Словах и речах», проникнутых подлинным святоотеческим духом.

События 1812 года способствовали развитию в России разного рода нецерковных мистических настроений. Император Александр I, воспитанный на общих религиозно-философских началах и получивший вместо истинного религиозного чувства лишь неопределенные представления о добродетели, гуманности и прочем, под влиянием великих событий пережил мистическое обращение, которое, однако, привело его не к церковному учению, а к убеждению, что истинное, идеальное христианство не проявилось во всей полноте ни в одном из существующих христианских вероисповеданий и что Православие, так же как и другие христианские исповедания, заключает в себе только долю истины. Отсюда появилось стремление найти религиозную истину в каком-то отвлеченном христианстве без Церкви и догматов, в котором могли бы объединиться представители различных конфессий, исповедующие универсальную евангельскую религию. Таких же взглядов держался обер-прокурор Синода, а с 1817 года глава новосозданного министерства духовных дел и народного просвещения князь А. Н. Голицын, покровительствовавший даже скопцам. В 1817 году, хоть и ненадолго, возобновилось издание масонского журнала «Сионский вестник», широкое распространение получили сочинения западных мистиков.

Архимандрит Филарет был, безусловно, чужд мистическим поискам общества. Благоговея перед тайнами Божиими, он отвергал мечтательно-мистические духовные парения. Обладая сам детской простотой веры, он помнил живо и такую заповедь Слова Божия: не дети бывайте умами (см. 1 Кор. 14, 20). Понимая, что в писаниях западных мистиков пшеница смешана с плевелами, он исходил из сложности этого мистического движения и не сочувствовал неистово экстатическому его обличению в духе небезызвестного архимандрита Фотия (Спасского; †1836). Митрополит Филарет видел, что в современном ему обществе еще не забыты идеи вольтерианства и мистическая литература способствует пробуждению внутренних исканий. Как подлинный пастырь,он всегда различал заблуждение и заблуждающегося человека и по отношению к последнему воздерживался от нетерпеливых обличений, считая, что прежде всего оступившегося нужно наставить и вразумить учительным словом.

По словам протоиерея Г. Флоровского, «под покровом мистических соблазнов он сумел распознать живую религиозную потребность, жажду духовного наставления и просвещения». Именно под таким углом зрения следует рассматривать активное участие митрополита Филарета в деятельности Библейского общества.

С русской Библией Филарет связал всю свою жизнь. Он не только был одним из переводчиков, но и главным защитником самой идеи перевода. Основанное в 1812 году с целью распространения Священного Писания Библейское общество просуществовало до 1828 года, когда было закрыто как превратившееся в орудие внеконфессиональной мистической пропаганды. За это время на русском

языке вышли отдельные книги Ветхого Завета и весь Новый Завет. Сам митрополит Филарет перевел Евангелие от Иоанна и составил общие рекомендации для переводчиков. Очень характерны некоторые из них: «Величие Священного Писания состоит в силе, а не в блеске слов; из сего следует, что не должно слишком привязываться к славянским словам и выражениям ради мнимой их важности... Тщательно наблюдать должно дух речи, дабы разговор перелагать слогом разговорным, повествования — повествовательным и так далее». Перевод оказался не безупречен, но он утолял «глад слышания слова Божия». Так говорил сам митрополит Филарет. Он никогда не мог примириться с тем, что борьба придворных партий, окончившаяся в 1824 году удалением князя Голицына с поста министра духовных дел, привела к приостановке перевода Библии. В самый разгар антибиблейского «восстания» в Петербурге (а им руководили архимандрит Фотий, А. С. Шишков и граф А. А. Аракчеев) митрополит Филарет в Москве (с 1817 года он епископ, с 1821 года — в сане архиепископа, на Московской кафедре) свидетельствовал, напротив, что «самое желание читать священные книги есть залог нравственного улучшения». Это писалось в то время, когда, по словам современника, в обществе активно насаждалась мысль, «что от чтения сей книги люди с ума сходят», и на какой-то срок она даже была формально запрещена к употреблению воспитанникам военно-учебных заведений под тем предлогом, что два кадета от чтения Библии помешались. А многие другие почитали ее книгою только для Церкви потребной и «для попов одних годной». Из страха мистических заблуждений тогда стали избегать и православной аскетической литературы — «и умная сердечная молитва уничтожена и осмеяна, как зараза и пагуба». Несколько позже Филарету пришлось доказывать, что позволительно писать новые толкования на Новый Завет, несмотря на существование толкования Святого Иоанна Златоуста. Он всеми силами боролся против духа страшливости, прикрывавшего трусость мысли, «тайную неохоту заниматься Божественным».

В начале царствования Николая I несколько оживилась надежда на возможность возобновления перевода Библии на русский язык. Возведенный 22 августа 1826 года в сан митрополита в благодарность за содействие открытию вверенной ему тайны о престолонаследии, митрополит Филарет немедленно поднял вопрос о русской Библии на заседании Святейшего Синода в Москве, приуроченном к коронации Николая I. Но он встретил сильный отпор со стороны первенствующего члена Синода — митрополита Петербургского Серафима, поддержанного Киевским митрополитом Евгением. И когда в мае 1827 года митрополит Филарет прибыл в Петербург для присутствия в Синоде, Владыка Серафим встретил его такими словами: «Если Вы будете настаивать на продолжении перевода Священного Писания, я выйду в отставку». «Я отвечал,— воспоминал Московский святитель,— что перевод был бы полезен для Церкви, потому что наши духовные не столько еще образованы, чтобы могли в нужных случаях обращаться к самим подлинникам, но должны обращаться к латинским или к протестантским переводам, составленным под влиянием своих догматических мнений, что можно было бы это дело производить не так поспешно, как доселе делалось, но с большей осмотрительностью... Впрочем не дошел я до такого безумия, чтобы считать служение Вашего Высокопреосвященства излишним для Церкви».

Не желая раскола в Церкви, Филарет оставил дальнейшие попытки, и дело перевода Священного Писания приостановилось на тридцать лет.

В. О. Ключевский писал о Владыке Филарете: «Его мысль не лишена была смелости, но он не считал смелость доблестию мысли... Истину он не любил открывать вдруг, чтобы ее неожиданное появление не смутило ума или не внушило ему надменной уверенности, что пытливому уму легко найти ее». Когда мысль многих была искушаема то мечтательным мистицизмом, то протестантским рационализмом, то духовным формализмом, достойным разве римского католицизма, то, наконец, рабски мелочным обскурантизмом, свойственным только духу иудейства, митрополит Филарет сохранил независимость ума, держащегося во всем Царя истины — Христа — и входящего в сыновнепослушливый и вместе сыновне же свободный и даже властительный Его дух. Святитель Московский ставил великую задачу для нравственного развития русского духа мысли и всей национальной жизни: чтобы ум, взвесив свои силы и средства и осознав их недостаточность для действительного и совершенного овладения истиной и добром, а, с другой стороны, испытав и узнав всеобъемлющую (и животворную) истину именно во Христе, сумел вполне отдаться «в благородный плен веры», по выражению самого митрополита Филарета, и таким образом со Христом и во Христе сделаться истинно и здраво владычественным для управления всеми путями и областями жизни личной, семейной, общественной, народной, государственной — общечеловеческой.

Владыка Филарет считал, что вера во всей полноте своего догматического содержания должна стать одухотворяющим началом и средоточием жизни. Это содержание веры каждый должен не только запомнить, но и усвоить «взыскующей мыслью и всецелой душой». Хорошо зная о соблазнах мысли, Филарет все же не боялся пробудить ее, ибо верил, что эти соблазны можно преодолеть только в творческом делании, а не в пугливом укрывательстве.

«Христианство не есть невежество или юродство, но Премудрость Божия...» Святитель постоянно напоминал, чтобы «никакую, даже в тайне сокровенную премудрость не почитали мы для нас чуждою, и до нас не принадлежащею, но со смирением устрояли ум свой к Божественному созерцанию». Любимые слова Владыки Филарета — «богословие

рассуждает», и эта заповедь рассуждения обращена ко всем христианам. Он стремился сделать богословие общедоступным. Но именно это представлялось таким страшным и опасным его противникам.

Сколь ни были значительны богословские труды Владыки Филарета, но они составляли лишь часть его обширной церковно-государственной деятельности. «В продолжение нескольких десятилетий духовное правительство обращалось к его мудрости и опытности в делах высшего церковного управления, выслушивало его мудрое слово, пользовалось его советами и указаниями при всякой, сколь-нибудь важной мере, предпринимаемой по духовному ведомству, при обсуждении всех важнейших вопросов... Можно сказать: в течение более полустолетия не было ни одного церковного дела, в котором бы не принимал деятельного участия великий иерарх московский» — так записано в Синодальном отчете за 1867 год — год кончины Владыки Филарета. Это — мнение современников, видевших его на высоте церковного служения, возвеличенного знаками внимания государей. Мы же, рассматривая жизнь его, не можем не увидеть багряницы и тернового венца, сотканных и сплетенных из непрерывного подвига, неусыпных тревог и скорбей о происходящем в России; только от близорукого наблюдателя могут заслонить их видимые удачи и оказание чести.

Прежде чем проследить путь святителя как церковно-общественного деятеля, скажем несколько слов о понимании Владыкой Филаретом общественного служения. Он утверждал, что, будучи поставленным на эту стезю, человек не имеет права искать уединения хотя бы и ради подвига, не может отходить от исполнения общественных обязанностей даже на короткое время. «Что сказать вам,— пишет святитель наместнику Троице-Сергиевой Лавры архимандриту Антонию,— об отделении дней на безмолвие? Желательно, чтобы не запустевал путь совершенного безмолвия, но имел ходящих по нему и подвизающихся и ради нас, обуреваемых морем житейским. Только было бы удобнее, если бы безмолствовали не призванные к общественному деланию; а когда призванный к общественному деланию заключится в безмолвие собственное, как стрещися будет общественное безмолвие?» Общественное служение, считал митрополит Филарет,— путь спасения. Просветителя Алтая архимандрита Макария (Глухарева) он ободряет: «Спасайся, служа спасению других без соблазна и смущения». Общественное служение — это долг, от которого церковному человеку непозволительно отказываться по своей воле. Такое правило Владыка Филарет предлагал другим, такое же требование он предъявлял самому себе. Обиды со стороны власть и влияние имущих, сознание того, что трудно справиться с обилием дел, наталкивали святителя Московского на мысль уйти на покой. Но как? — «Кажется, хорошо было бы, если бы меня отставили, а просить сего сомневаюсь, чтобы то не было бегство».

Первые годы на Московской кафедре прошли для Владыки Филарета в сложной обстановке. Закрыто Библейское общество и наложен запрет на дело жизни — создание полного русского перевода Священного Писания; подвергаются нападкам его катихизисы, сам он обвиняем отдельными лицами в неправославии. Но, как пишет И. Корсунский, «худшее для Филарета ожидалось впереди». Назначенный в 1833 году обер-прокурором Святейшего Синода С. Д. Нечаев сосредоточил в своих руках все синодальные дела, иные из которых решал самовластно, порою, а даже изменяя решения Синода. Нечаев был масоном, к духовенству, иерархам относился откровенно презрительно. Один из чиновников Синодальной конторы вспоминал впоследствии: «Вдруг ни с того, ни с сего появились жандармские доносы на архиереев и членов Синода. Доносы оказывались большей частью ложными. Наша канцелярия подозревала, что в доносах участвует сам обер-прокурор, задавшийся целью унизить духовное правительство в России». Под надзором оказался и митрополит Филарет Московский, осудивший жандармский принцип управления: «Данное жандармской команде право доносить со слухов и безо всякой ответственности за ложные сведения стесняет свободу администрации и, как похожее на слово и дело, лишает подданных спокойствия». В николаевское время такие высказывания не забывались и митрополитам.

Неблагонадежным показал себя митрополит Филарет еще и во время эпидемии холеры (1830 г.), когда в своих проповедях, казалось, слишком много говорил о грехах царей и о казнях Божиих. Наконец, видимо именно по настоянию митрополита Филарета, царю пришлось отказаться от мысли назначить Цесаревича, будущего Александра II, к присутствию в Синоде, подобно тому, как он был введен в другие высшие государственные учреждения. Не сообразуясь с духом эпохи, митрополит Филарет удивительно «неделикатно» напоминал о внутренней независимости Церкви. Даже видеть Владыку Филарета императору Николаю было неприятно, и неудивительно, что с 1841 года и до конца жизни, оставаясь по титулу членом Святейшего Синода, митрополит Филарет ни разу не принял участия в его заседаниях в Петербурге.

Владыка Филарет твердо отстаивал православный взгляд на государство исходя из теории священного царства. «Государь всю законность свою получает от церковного помазания», то есть в Церкви и через Церковь. И помазуется только Государь, не государство, поэтому органы государственной власти не имеют никакой юрисдикции в церковных делах. Подобный образ мыслей был решительно чужд государственным деятелям николаевского времени, для которых Церковь была «ведомством православного исповедания», а клир и иерархия — чиновниками этого ведомства.

До сих пор мы говорили о митрополите Московском Филарете в связи с его богословскими и церковно-общественными трудами. Деятельность же его как архиерея заслуживает особого внимания.

Он руководствовался канонами Вселенской Церкви, пожалуй, как никто из его современников. Признание канонов не только практически действующим источником права, но и более важным, чем гражданские законы, — вот основной принцип святительства Владыки Филарета. Он сочетался с глубоким знанием жизни, умением видеть ошибки и находить средства для выхода из затруднений. Резолюции Московского святителя даже по самым мелким делам продуманы, взвешены, обоснованы. Правда или неправда его решений — правда или неправда перед Богом. Филарет думал, что и за резолюции ему «надобно отвечать перед судом Христовым»,— и, уникальный случай, они были изданы после его смерти как образец религиозной мудрости. Приведем лишь два примера. Диакон одной из московских церквей в течение года не говорил проповеди, ссылаясь на болезнь. Узнав об этом от благочинного, Владыка Филарет написал: «Болезнь, которая не мешала диакону год служить, а мешала целый год говорить проповеди, называется леностию. Способ лечения на первый раз употребить следующий: запретить диакону священнослужение на две недели и дать ему в сие время дьячковский доход с тем, чтобы в сие время сочинил проповедь. О последующем донести».

В некоторых случаях для вразумления митрополит Филарет употреблял и острое слово. В одной сельской церкви при разделе приношений на Пасху произошло недоразумение. Диакон настаивал на правильном делении, дьячок не повиновался. Тогда диакон, выйдя из терпения, начал топтать все дары ногами. Дьячок напал на диакона. Священник, услышав из алтаря шум, остановился в царских вратах и, увидев эту картину, засвистел: «Вот тебе и кулич с яйцами». Об этом доложили Филарету. На донесении святитель положил такую резолюцию: «Священника-свистуна, диакона-топтуна и дьячка-драчуна отдать под начал... и прочее»).

Святитель всемерно восставал против всяческих злоупотреблений и особенно против взяточничества. Существует замечательный рассказ, ярко характеризующий московского архипастыря. Один бедный деревенский диакон долго ходил по инстанциям, прося оставить его там, где он служил. Наконец, он решился пасть в ноги самому митрополиту Филарету. Пришел рано в архиерейский дом, вошел в переднюю — никого нет. Прошел далее. Вышел Владыка Филарет в халате и спрашивает его: «Что ты за человек?» Не узнав его, посетитель ответил: «Я, батюшка, хочу броситься в ноги преосвященному».— «Да кто ты?» — переспросил его Святитель. «Я бедный диакон, имею большую семью, но, батюшка, теперь хотят другого определить на мое место, а меня в иное село».— «Кого же ты просил?» — поинтересовался святитель. «Да многих. Меня только что обобрали. Вот, батюшка, в канцелярии преосвященного дал я 50 рублей одному, 25 рублей другому, здешнего прихода диакону 75 рублей, а все не делается. Теперь говорят, что надобно меня экзаменовать».— «Ну, это и правда,— ответил Владыка.— Это моя должность, я экзаменатор». Диакон пал к ногам святителя и молвил: «Пожалей меня. Вот только осталось 25 рублей — 15 — мне на дорогу, а 10 рублей возьми, батюшка, и сотвори мне эту милость». Филарет взял деньги у диакона и велел ему явиться на другой день в ту же комнату в 9 часов утра. Диакон ушел и на следующий день к указанному часу явился. Святитель вышел одетый по форме, так как собирался ехать в Страстной монастырь служить, и спросил диакона, что он хочет от него. Тот перепугался и, не узнав в митрополите своего вчерашнего собеседника, ответил: «Пришел по приказанию экзаменатора».— «Ну, что же, это я с тобою вчера говорил, но не бойся ничего. Я рад, что узнал о тебе правду, а равно и о злоупотреблениях моей канцелярии. Позовите того-то и того-то (назвал всех, кому диакон давал деньги). Указанные лица пришли, а Владыка Филарет, обратясь к ним, сказал: «Я каюсь перед всеми вами, что вчера взял от этого диакона 10 рублей. По словам Писания, *аще дадите, воздастся вам четверицею*, я вместо 10 рублей даю ему 40 рублей. Ты взял 25 рублей, дай ему сейчас 100 рублей, ты за 50 дай 200, а ты — за 75 рублей 300. Это тебе, диакон, за твое терпение; ступай домой и оставайся на твоем месте, в нуждах твоих относись прямо ко мне», и затем, обратясь к взяточникам, добавил: «На этот раз для вас иного наказания не определяю. Радуйтесь, что наказание ваше обращается в пользу бедного человека, а впредь поступлю я иначе, ежели не воспользуетесь сим уроком. Поедем же, и кто старое помянет — тому глаз вон». «Надобно терпеть немощи в надежде исправления, но надобно беречься, чтобы послабление слабым не обратилось в искушение другим некрепким, чтобы гнилой член не безобразил и не заражал тела»,— писал митрополит Филарет. Впрочем, святитель, часто тайно облегчал участь осужденного. Характерен такой эпизод. Однажды митрополит Филарет был вынужден сместить некоего многодетного диакона за нетрезвость жизни, однако бедность его семьи смущала его пастырское сердце, и Владыка из своих средств назначил жене диакона пенсию в размере того содержания, которое получал на службе ее муж. Каждый месяц неизвестное ей лицо доставляло это вспомоществование. Через какое-то время блуждавший муж образумился, был восстановлен в прежнем сане. Пенсия прекратилась, и тогда супруги стали догадываться, кто питал их семью.

Нельзя не сказать особо об отношении митрополита Филарета к Московской Духовной Академии. С его именем связано прежде всего преобразование ее в 1814 году. Один из самых энергичных деятелей тогдашней Комиссии духовных училищ, митрополит Филарет принимал непосредственное участие в организации Московской Академии из Славяно-Греко-Латинской Академии и в течение восьми первых лет трижды по поручению Святейшего Синода был ее ревизором, внимательно наблюдавшим за успехами и надлежащим направлением новооткрытой высшей Духовной школы. Как отмечал в начале

века профессор М. М. Богословский, исключительно благотворным для Академии оказалось то обстоятельство, что авторами ее первого Устава и устроителями были лица (в их числе и будущий митрополит Филарет), обладавшие и светлым умом, и широким научным кругозором, и преданностью Православной Церкви. Они сумели охранить Академию и от господствовавшего в ту эпоху в русском обществе ложного мистицизма, и от фарисействующей лженауки, стремившейся во имя ложно понятой религиозной ревности почти все светские научные дисциплины искусственно и насильственно подчинить религиозному принципу.

После вступления митрополита Филарета на Московскую кафедру связь его с Академией еще более упрочилась. Продолжалась она в течение 46 лет и обусловила, по выражению протоиерея С. К. Смирнова, ректора Академии в 1878—1886 годах, «поразительное явление в ее истории: состоя в продолжении почти целого полувека под водительством одного вождя, она в течение всего этого периода сохраняет удивительное единство духа и направление образования».

И. Корсунский называет отношение митрополита Филарета к Московской Духовной школе отеческипопечительным, а саму Академию — его любимым детищем. Однако наряду с такими утверждениями раздавались голоса (например, С. М. Соловьева), подчеркивавшие отрицательное влияние начальственной близости митрополита Филарета к Академии, имевшее якобы своим результатом пресечение проявлений самостоятельной творческой мысли профессоров и преподавателей. Что сказать об этих мнениях? Правда, что святитель проявлял часто крайнюю строгость в учебных и административных делах, мог быть и резок (так, однажды на публичных экзаменах по нравственному богословию он вынес такой приговор: «Если бы мне предоставлено было выбрать: или учить эти лекции, или же идти на каторгу, я предпочел бы каторгу»), но ошибкой было бы видеть в распоряжениях Филарета проявления безотчетного самолюбия, не усматривать за ними определенно выраженную воспитательную цель: предъявляя чрезвычайно строгие требования ко всем лицам, поступавшим на академическую службу, тем более к тем, кто отличался особенными дарованиями, или должен был занять видное положение, митрополит имел в виду благо Академии. Ректору архимандриту Филарету (Гумилевскому) он писал: «Берегите достоинство места, которому принадлежите». Школа, которую проходила Академия в филаретовскую эпоху, была строга; больше прещений, чем одобрений и похвал получили от своего начальника даже ее лучшие работники, но благодаря ей и был создан совершенно особый тип ученого монастыря. В понятии «монастырь» заключается идея послушания; Академия воспитывала людей, послушных долгу; в понятии «ученый» заключается идея свободы; Академия воспитывала людей, признающих за собой право на собственные убеждения и уважающих чужую свободу.

В 1842 году по благословению святителя Филарета Академия начала издавать переводы творений Святых Отцов. Одновременно был создан и печатный орган Академии — «Прибавления к творениям Святых Отцов». Начав систематическую издательскую деятельность с серии святоотеческих творений, Московская Духовная Академия засвидетельствовала свою устремленность к возрождению подлинно православного богословия, ибо непрерывная связь со святоотеческой традицией есть непременное условие развития православного богословия и православной духовной жизни в целом.

Под водительством митрополита Филарета Академия взрастила выдающихся ученых, которыми вправе гордиться русская наука, и достигла исключительно высокого авторитета. Труды ее профессоров, пройдя горнило филаретовской критики, приобретали особую отточенность мысли и чистоту богословствования.

Неутомимо трудился митрополит Филарет и в деле проповедания слова Божия. Проповедь он считал неотъемлемой обязанностью епископа, и всякий раз, когда призывал к тому случай, святитель проповедовал. Проповедь была постоянным спутником служений митрополита Филарета и слава его как проповедника была велика. Митрополит Филарет-проповедник, как и современные ему представители общественной мысли, исследует самою жизнь, но в отличие от изучающих ее на уровне естественных или социальных явлений, Московский святитель раскрывает духовные основы жизни. Его испытующая мысль поднимается выше философских идей — она на них не опирается и с ними не борется, но стремится к боговдохновенному истолкованию Священного Писания.

В области языка Владыка Филарет делает в проповеди такой же огромный шаг вперед, как Карамзин в литературе светской. Стиль Владыки Филарета и стиль его знаменитого учителя Митрополита Платона различаются так же существенно, как стиль Карамзина и стиль его предшественников в истории литературы.

Помимо проповедей и иных творений, есть еще один прекрасный памятник соучастия великого пастыря в деле российской словесности. Речь идет о стихотворной переписке митрополита Филарета и А. С. Пушкина. В мае 1828 года, находясь в состоянии некоей внутренней безотрадности, Пушкин написал известные стансы: «Дар напрасный, дар случайный...». Святитель Московский, высоко ценивший талант поэта, увидел в этих стихах «стон потерявшейся души, ропот самопожирающего отчаяния» и как духовный врач ответил ободряющим посланием, взяв и сам в руки поэтическую лиру:

Не напрасно, не случайно
жизнь от Бога мне дана,
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.

Сам я своенравный властью
Зло из темных бездн возвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал.

Вспомнись мне, забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум —
И созиждется тобою
Сердце чисто, светлый ум.

Вдохновенная молитва за обуреваемого мрачными думами поэта и от лица его есть живое выражение потребностей души, еще не вошедшей в забытый ею живительный свет Христов и потому мучимой мраком недоумений и заблуждений, и одновременно указание, где главный источник исцеления. Пушкин это понял. Умиленный и образумленный, он с любовью и признательностью отозвался о своем добром целителе:

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.

Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Серафима
В священном ужасе поэт.

(Интересно, что есть рукопись, где последняя строфа читается несколько иначе:

Твоим огнем душа согрета
Отвергла блеск земных сует,
И внемлет арфе Филарета
В священном трепете поэт.)

Так в трудах и молитвах протекала жизнь митрополита Филарета. Необходимость быть краткими вынуждает нас лишь упомянуть его мужественное попечение о пастве в холерные эпидемии 1830—1831, 1847—1848 и 1853—1854 годов, широкую благотворительную деятельность, соработничество в Московском тюремном комитете со «святым доктором» Ф. П. Гаазом, участие в воссоединении западнорусских униатов с Православной Церковью, борьбу с расколом и сектантством, устроение Гефсиманского скита при Троице-Сергиевой Лавре, заботу о чистоте древнецерковного пения, благоговейное почитание старца Серафима, грядущему прославлению которого Владыка Филарет послужил изданием его жития...

18 февраля 1855 года скончался император Николай I, и на Российский престол вступил его сын Александр Николаевич. Митрополит Филарет воспользовался изменившимися обстоятельствами, чтобы продвинуть дело библейского перевода. По случаю коронации нового Государя в 1856 году Святейший Синод временно перенес свое присутствие в Москву, и это дало Владыке Филарету возможность, после очень долгого перерыва, вновь принять участие в его заседаниях. По предложению Московского святителя Святейшим Синодом рассматривался, между прочим, и вопрос «о доставлении православному народу способа читать Священное Писание для домашнего назидания, с удобнейшим по возможности разумением». Было принято решение возобновить перевод Священного Писания. Окончательное Синодальное определение, выработанное Владыкой, было опубликовано весной 1858 года.

Перевод был возобновлен с Нового Завета силами четырех Духовных Академий. Курирование и последний просмотр были доверены Владыке Филарету, который, несмотря на преклонный возраст, очень деятельно участвовал в работе, со вниманием выверяя весь материал. Благодаря напряженному труду всех участников перевода стало возможным выпустить на русском языке Четвероевангелие уже в 1860 году, а в 1862 году и полный Новый Завет. Перевод Ветхого Завета потребовал больше времени, так что вся Библия вышла в свет после кончины святителя в 1876 году.

Государственные реформы Александра II дали возможность духовным и светским лицам принимать участие в создании церковно-просветительных и благотворительных обществ. Первым проявило инициативу московское духовенство. В 1863 году было учреждено при сочувствии и поддержке Владыки Филарета «Общество любителей духовного просвещения» в противовес развивавшемуся тогда просвещению недуховному. Живое участие принимал Святитель в открытии благотворительных обществ. Так, он содействовал учреждению в Москве при Казанской церкви, что у Калужских ворот, попечительного совета для призрения бедных прихожан, благословил открыть в марте 1864 года такое же попечительство при Спасобожедомской церкви на Пречистенке. С большим сочувствием воспринял Филарет заявление Великой княгини Елены Павловны об основании ею попечительного учреждения для детей из бедных семей духовенства.

Принял Владыка участие и в важнейшем социальном переустройстве — им был составлен текст Манифеста от 1861 года об освобождении крепостных крестьян.

Между тем жизнь святителя неумолимо при-

ближалась к концу. Каково было состояние его духа в последние годы жизни, прекрасно передает Н. Сушков в своих «Записках»: «Вот уже более полувека протекло, как он неутомимо подвизается в отшельнических подвигах, служебных трудах, проповедании слова Божия и делах благотворительности, совета, утешения. Но старец, несколько согбенный, и то по временам — при усталости или нездоровии, все тот же духом, головой и сердцем, каким был 40—50 лет назад. Память ему не изменила. Слово его сильно и увлекательно. Что до терпимости и терпения, любви и снисходительности, то смело скажу, что со дня на день он больше и больше становится к ближнему не лицом, а сердцем. Все любовнее, все смиреннее, он теперь чаще проявляет ту детскую доверчивость к добру, которая так поразила меня в глубокомысленном муже при начале нашего знакомства. Теперь его простодушная при известном настроении улыбка все чаще мне западает в душу. Сколько раз мне случалось быть свидетелем его веры в добро! Как бы ни был он подчас озабочен, встревожен, опечален, поведи только речь о каком-либо добром деле, о добрых чувствах или намерениях, чьих бы то ни было, о знамении благодати в какой-нибудь семье, о чудесном исцелении больного по силе веры — и лицо его светлеет, глаза блестят смиренномудрым вниманием, иногда и слезой участия к неизвестным ему людям!» Тело святителя дряхлело, а дух его обновлялся. Порой он трудился так, что, казалось, не замечал своих телесных немощей. Почти 18 часов в сутки он посвящал церковным делам и служению ближним.

В октябре 1866 года Владыка Филарет пребывал в Гефсиманском скиту. Мысли и чувства о приближении кончины не оставляли его. Святитель взял творения любимейшего своего святого отца — Григория Богослова и перевел умилительную увещательную песнь, так подходящую и к его собственному состоянию:

Близок последний труд жизни, плаванье злое кончаю.
И уже вижу вдали казни горького зла:
Тартар ярящийся, пламень огня, глубину вечной ночи,
Скрытое ныне во тьме, явное там в срамоте.
Но, Блаженне, помилуй, и хотя поздно, мне даруй
Жизни остаток моей добрый, по воле Твоей.
Много страдал я, о Боже Царю, и дух мой страшится
Тяжких судных весов, не низвели бы меня.
Жребий мой понесу на себе, преселяясь отсюда —
Жертвой себя предавая скорбям, снедающим дух,
Вам же, грядущие, вот заветное слово: нет пользы
Жизнь земную любить. Жизнь разрешается в прах.

Жизнь Владыки Филарета близилась к концу. Но прежде чем он отошел в вечность, Русская Церковь торжественно отпраздновала 50-летний юбилей его служения в архиерейском сане. 5 августа 1867 года в храмах Троице-Сергиевой Лавры были совершены праздничные богослужения прибывшими на торжество десятью архиереями в сослужении более тридцати архимандритов. Присутствовали и молились также многочисленные посланцы от разных епархий и учебных заведений. Молились в этот день о юбиляре не только в Лавре, но и во всех уголках великой России, в православных храмах Европы, Азии и Африки — столь велика была известность митрополита Филарета. Юбиляр получил приветствия от Государя, Святейшего Синода, преосвященных архиереев, различных обществ, организаций и учебных заведений.

Неизгладимым остался образ Владыки Филарета в памяти Ф. И. Тютчева, присутствовавшего на торжествах. Великий поэт вспоминал: «Маленький, хрупкий, сведенный к простейшему выражению своего физического существа, но с глазами, полными жизни и ума, он непобедимой высшей силой господствовал надо всем, что происходило вокруг него.

Пред своим апофеозом он оставался совершенством простоты и естественности; казалось, что он принимает все эти почести только за тем, чтобы передать их кому-то другому, чьим случайным представителем он теперь является. Это было прекрасно! Воистину то был праздник духа».

19 ноября митрополит Филарет отслужил свою последнюю литургию. В тот же день он скончался. Тело святителя было предано земле в специально устроенной часовне на южной стороне Свято-Духовского храма Троице-Сергиевой Лавры.

...Перечитывая речи, произнесенные у гроба почившего иерарха, нельзя не заметить характерной черты: почти все ораторы, отдавая Филарету дань глубокого почитания и любви как стражу Православия, обращались к нему с просьбой о его молитвенном ходатайстве пред Престолом Божиим за Русскую Церковь и всю Россию. Разделяя эту веру отцов в действенность молитв святителя, особенно необходимых в нынешнее время, когда тревожным мраком неизвестности окутана судьба Отечества, присоединимся и мы к ним в молитвенном призывании: *Молитвами святителя Филарета, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас.*

Священник Максим КОЗЛОВ

О догматическом достоинстве и охранительном употреблении греческого семидесяти толковников и славянского переводов Священного Писания

Публикуемая ниже статья митрополита Московского Филарета «О догматическом достоинстве и охранительном употреблении греческого семидесяти толковников и славянского переводов Священного Писания» была написана им в форме докладной записки и подана в Святейший Синод в 1845 году. Она является одной из важных вех в борьбе митрополита Филарета за русскую Библию, и глубоко не случайно, что, когда в 1858 году состоялось Синодальное определение, а затем и Высочайшее повеление о возобновлении русского перевода Священного Писания, именно настоящая «записка» была опубликована в напутствие новому делу. Как справедливо указывает протоиерей Г. Флоровский, святитель Филарет имел в виду предотвратить неправильное пользование различными библейскими текстами, то есть, по сути дела, он определил критерий выбора оригинального текста для будущего русского перевода, решительно настаивая, что в Ветхом Завете необходимо соотносительное пользование как греческим текстом семидесяти толковников, так и еврейским масоретским оригиналом, и ни один из них в отдельности не следует принимать за самодостоверный и самоподлинный в своем догматическом достоинстве, как то сделали католики в отношении к латинской Вульгате.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

О тексте семидесяти толковников

Учению Восточной Церкви о достоинстве текста семидесяти толковников противостоят два западных учения. Римская Церковь признает самодостоверным, настоящим, самоподлинным текст латинского перевода, известный под именем Вульгаты. Новейшие западные вероисповедания и секты вообще имеют правилом держаться исключительно текста еврейского и не усвоять догматической важности никакому переводу. Не только в первом из сих учений, но и в последнем православный богослов должен усмотреть тонкую односторонность и стать между ними в твердое положение, определяемое существом дела, под руководством Слова Божия и Предания.

I

В православном учении о Священном Писании тексту семидесяти толковников надлежит усвоять догматическое достоинство, в некоторых случаях равняющее оный подлиннику и даже возвышающее над тем видом еврейского текста, какой представляется общепринятым в изданиях новейшего времени. Изъяснение и доказательство сего дадут следующие и подобные следующим соображения.

1. Текст семидесяти толковников есть древнейший перевод еврейских священных книг, сделанный просвещенными мужами еврейского народа, когда он еще не перестал быть народом Божиим, когда язык еврейский был еще живым языком и когда иудеи не имели еще побудительных причин превращать истинный смысл священных книг неправильным переводом. О времени составления перевода семидесяти свидетельства различны, но то несомненно, что начало его восходит далеко за двести лет до Рождества Христова. Следовательно, в нем можно видеть зеркало текста еврейского, каков он был за двести и более лет до Рождества Христова, исключая те места, в которых видны признаки изменения, происшедшего от разных причин впоследствии. Важность сего замечания поддерживается тем, что текст еврейский в начале времен христианства был в руках врагов его и потому мог подвергаться даже намеренному повреждению, как о сем говорит святой Иустин-мученик в разговоре с Трифоном.

2. Священные писатели Нового Завета в некоторых местах ближе держатся текста семидесяти толковников, нежели еврейского, и таким образом в отношении к сим местам сообщают первому преимущественную пред вторым важность. Так, святой евангелист Лука в родословии Христа Спасителя, согласно с текстом

Греческий перевод «Семидесяти» — псалом 21-й

семидесяти толковников, упоминает Каинана, вопреки еврейскому тексту книги Бытия, в котором сего имени в родословии патриархов нет.

3. Текст семидесяти толковников от начала христианства доныне постоянно употребляется в чтении церковном и, следовательно, имеет свидетельство первенствующей и всех времен Восточной Церкви о своем достоинстве.

4. Псалма 144 стиха 13 вторая половина: *верен Господь во всех словесех Своих и во всех делах Своих*, сама собою представляет неоспоримое доказательство, что здесь текст семидесяти толковников есть неповрежденный и полный, а в нынешнем еврейском тексте сия половина потеряна. Ибо псалом сей на еврейском языке писан по алфавиту, и в сем месте в еврейском нынешнем тексте недостает стиха, который бы начинался буквой «мем», и сей-то стих сохранился в переводе семидесяти толковников в вышеприведенных словах.

В псалме 21 стиха 17 слова: *ископаша (пронзили) руце мои и нозе мои* представляют пример важного пророческого изречения, сохраненного неповрежденным в тексте семидесяти толковников, между тем как нынешнее еврейское чтение сего места: «как лев» вместо «пронзили» самой принужденностью состава слов и смысла обнаруживает повреждение текста, в котором не без причины можно подозревать неблагонамеренную руку еврея, искавшего средства уклониться от силы пророческого свидетельства о распятии Господнем.

II

Впрочем, уважение к тексту семидесяти толковников не должно быть такое исключительное, чтобы текст еврейский надлежало оставить совсем без внимания. Справедливость, польза и необходимость требуют, чтобы и еврейский текст также в догматическом достоинстве принимаем был в соображение при истолковании Священного Писания. Изъяснение и доказательство сего дадут следующие соображения:

1. Текст семидесяти толковников, очевидно, не во всех местах представляет желаемую ясность. Какое же может быть ближайшее пособие к достижению оной, как подлинный текст еврейский, с которого текст семидесяти толковников есть перевод? Сего существенного пособия не может сделать вовсе неупотребительным подозрение, которому подпали евреи в повреждении еврейского текста. Подозрение сие падает на немногие места текста еврейского из числа тех, в повреждении которых евреи находили свою выгоду для споров с христианами, и потому оно довольно сильно, чтобы опровергнуть исключительную привязанность к тексту еврейскому и чтобы показать догматическую важность текста семидесяти. Но оно не дает основания тому, чтобы совсем отвергнуть употребление текста еврейского. Немногие поврежденные или подозрительные в поврежденности места текста еврейского известны и обличены и потому не опасны для исследователя. Но есть другие многие места, которые повреждать евреи не имели нужды и которые, не быв сомнительны, с пользой могут, а иногда и по необходимости должны быть употреблены в соображение при истолковании Священного Писания.

2. Поскольку Апостол важнейшим преимуществом евреев признает то, что *вверена быша им словеса Божия* (Рим. 3, 2), и сего преимущества не отъемлет у них, несмотря на то, что *не вероваша неции*, то кольми паче самые *словеса Божия*, им вверенные, то есть еврейские священные книги, неотъемлемо сохраняют то же достоинство и во времена новозаветной Церкви, какие имели во времена ветхозаветной. Что так рассуждали о сем святые отцы — в свидетели сего можем призвать святых: Афанасия Великого, Кирилла Иерусалимского, Григория Богослова, Иоанна Дамаскина. Когда они хотели определить число канонических ветхозаветных книг, они определили оное по тексту еврейскому, а не по тексту семидесяти толковников, несмотря на то, что имели в глазах и в употреблении сей последний. Вместо того чтобы, по разделении канонических книг в тексте семиде-

сяти, насчитать их до 39, они определили число их, по древнему разделению в еврейской Библии — 22; и притом святой Афанасий и святой Григорий признали достойным внимания православных и то замечание, что число сие соответствует числу букв еврейского алфавита.

Теперь представим, что мы ищем церковного определения числа канонических книг Ветхого Завета. Мы находим в принятых Вселенской Церковью правилах святого Афанасия и святого Григория Богослова, что их 22. Если станем ников, оно окажется с ним несходным и непонятным, понятным же и точным окажется оно по еврейской Библии. Таким образом открывается, что церковное определение о числе канонических книг Ветхого Завета не может быть понято и доказано иначе, как с помощью еврейского древнего текста.

3. К употреблению еврейского текста открывают путь богодухновенные писатели Нового Завета, которые иногда приводят изречения из книг Ветхого Завета по тексту еврейскому, а не по тексту семидесяти толковников. Так, святой евангелист Матфей, гл. 2, ст. 15, приводит слова Пророка Осии, 11, 1: *из Египта воззвах Сына Моего,* согласно с текстом еврейским и несогласно с текстом семидесяти, в котором читается: ἐξ Αἰγύπτου μετεκάλεσα τὰ τέκνα αὐτοῦ, что значит: от Египта воззвах чада его. Кто стал бы сличать текст евангелиста с текстом семидесяти, тот встретил бы сомнение о точности приведенного евангелистом свидетельства и не мог бы разрешить сего сомнения. Но по сличении с текстом еврейским приведение свидетельства оказывается точным, сомнение исчезает и остается заключить, что греческие переводчики неточно перевели текст еврейский, стараясь ближе приложить его к народу еврейскому, потому что тайна Христова не была еще так открыта, как открылась в Новом Завете.

Так, без сомнения, рассуждали и трудившиеся над славянским переводом Ветхого Завета, ибо они в переводе вышеозначенного изречения последовали не тексту семидесяти, а еврейскому. Но вот другой пример приведения слов Ветхого Завета в Новом по тексту еврейскому, отличному от греческого, ясно видимый и в славянской Библии. Святой евангелист Матфей (12, 18) приводит пророчество Исаии о Христе в следующих словах: *се Отрок Мой, Егоже изволих, возлюбленный Мой* и пр. Но в книге Пророка Исаии 42,1 читается следующее: *Иаков отрок Мой, восприиму и, Израиль возлюбленный Мой* и пр. Имена — Иаков, Израиль, которые затмевают отношение слов Пророка к лицу Христа и дают повод относить их к народу еврейскому, в тексте еврейском не находятся, а прибавлены семидесятью толковниками, ко-

14 ἠνοιξαν ἐπ' ἐμὲ τὸ στόμα αὐτῶν
ὡς λέων ὁ ἁρπάζων καὶ ὠρυόμενος.
15 ὡσεὶ ὕδωρ ἐξεχύθην,
καὶ διεσκορπίσθη πάντα τὰ ὀστᾶ μου,
ἐγενήθη ἡ καρδία μου ὡσεὶ κηρὸς τηκόμενος ἐν μέσῳ τῆς κοιλίας μου·
16 ἐξηράνθη ὡς ὄστρακον ἡ ἰσχύς μου,
καὶ ἡ γλῶσσά μου κεκόλληται τῷ λάρυγγί μου,
καὶ εἰς χοῦν θανάτου κατήγαγές με.
17 ὅτι ἐκύκλωσάν με κύνες πολλοί,
συναγωγὴ πονηρευομένων περιέσχον με,
ὤρυξαν χεῖράς μου καὶ πόδας.
18 ἐξηρίθμησα πάντα τὰ ὀστᾶ μου,
αὐτοὶ δὲ κατενόησαν καὶ ἐπεῖδόν με.
19 διεμερίσαντο τὰ ἱμάτιά μου ἑαυτοῖς
καὶ ἐπὶ τὸν ἱματισμόν μου ἔβαλον κλῆρον.
20 σὺ δέ, κύριε, μὴ μακρύνῃς τὴν βοήθειάν μου,
εἰς τὴν ἀντίλημψίν μου πρόσχες.
21 ῥῦσαι ἀπὸ ῥομφαίας τὴν ψυχήν μου
καὶ ἐκ χειρὸς κυνὸς τὴν μονογενῆ μου·
22 σῶσόν με ἐκ στόματος λέοντος
καὶ ἀπὸ κεράτων μονοκερώτων τὴν ταπείνωσίν μου.
23 διηγήσομαι τὸ ὄνομά σου τοῖς ἀδελφοῖς μου,
ἐν μέσῳ ἐκκλησίας ὑμνήσω σε
24 Οἱ φοβούμενοι κύριον, αἰνέσατε αὐτόν,
ἅπαν τὸ σπέρμα Ιακωβ, δοξάσατε αὐτόν,

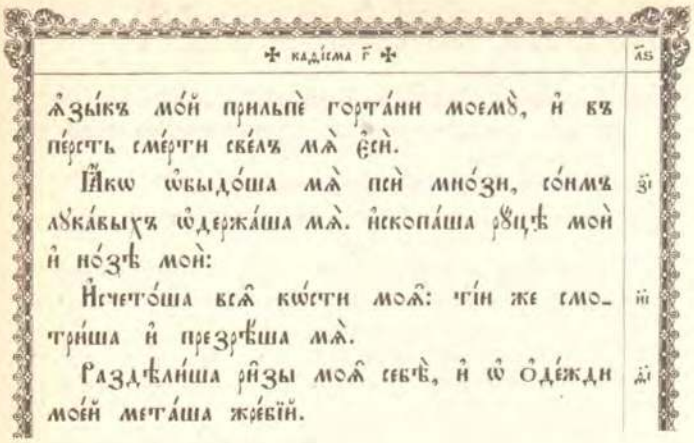
Текст масоретской (еврейской) Библии — псалом 21-й

нечно, по той же причине, что тайна Христова не довольно еще была открыта.

4. Сам Христос Спаситель руководствует к употреблению еврейского текста, когда начало псалма 21 на Кресте произносит на еврейско-сирском наречии и с буквальной точностью по еврейскому тексту: *Боже, Боже мой, вонми ми, вскую оставил мя еси,* а не по тексту семидесяти, в котором читается: *Боже, Боже мой, вонми ми, вскую оставил мя еси?*

5. Как важно для священных догматов употребление еврейского текста при изъяснении Священного Писания, примером тому служить может изречение книги Притчей (8,22) о Премудрости Божией: *Господь созда мя, начало путей Своих.* Известно, что из употребленного здесь семидесятью толковниками слова ἔκτισε (*созда*) ариане извлекали доказательство своего лжеучения, будто второе Лицо Пресвятой Троицы, сын Божий, сотворен. Но лжеучение с мнимым доказательством своим падает, и догмат остается непоколебимым, как скоро принят будет в соображение текст еврейский, и в нем слово «стяжа мя», которое выражает то же, что святой евангелист Иоанн изобразил словами: *Слово бе у Бога.*

6. Святые отцы подают пример употребления еврейского текста в истолковании Священного Писания. Святой Василий Великий во втором слове против Евномия, рассуждая о вышепри-

✠ кафі́сма ѓ ✠ ѧѕ

ѧ҃зы́къ мо́й прильпѣ́ гортáни моемꙋ̀, и̂ къ̀ пе́рсть сме́рти свела́ мѧ̀ є́си.

Ꙗ҃ко ѡ҃быдо́ша мѧ̀ пси́ мно́зи, со́нмъ лꙋка́выхъ ѡ҃держа́ша мѧ̀. и̂скопа́ша рꙋ́цѣ моѝ и̂ но́зѣ моѝ: ѕ҃

И҃счето́ша всѧ̀ ко́сти моѧ̀: ги́и же смо-тря́ша и̂ презрѣ́ша мѧ̀. и҃

Раздѣли́ша ри̂зы моѧ̀ себѣ̀, и̂ ѡ҃ о҃де́жди мое́й мета́ша жре́бїй. ѳ҃

Славянский перевод 21-го псалма

веденном изречении книги Притчей: *Господь созда мя,* защищает православное толкование оного посредством еврейского текста: «Не умолчим, что иные толкователи, которые собственное значение еврейских слов показали, *стяжа мя,* вместо *созда мя* перевели». Он же во второй беседе на Шестоднев пишет о Духе Божием: «како же Он верху воды ношашеся, скажу тебе не свое мнение, но мужа Сириянина, который сколько от мирской мудрости отстоял, столько близок был к истинному о вещах сведению. Он говорил, что сирский язык и яснее и по своей близости к еврейскому языку лучше некоторым образом к разуму писаний подходит, и потому таков разум речения сего сказывал. Оное, говорил он, слово *ношашеся* толкуют у них вместо *согревал* и *оживлял* водное естество, по подобию кокоши, яйца согревающей и живительную силу согреваемым испущающей». Это есть существенное истолкование еврейского [этого] слова. Пример сей показывает, что святой Василий не останавливался на одном тексте семидесяти, но согласно и с другим святым мужем искал совершеннейшего разумения слов Писания в возможной близости к еврейскому тексту. Еще подобный пример находится в четвертой беседе святого Василия на Шестоднев, где он текст 9 стиха 1 главы книги Бытия исправляет по тексту еврейскому и слова: *и собрася вода, яже под небесем, в собрания своя, и явися суша* исключает из текста, как не находящиеся в еврейском, а прибавленные в переводе семидесяти толковников.

И святой Златоуст в четвертой беседе на книгу Бытия пишет: «Да знаете, что не сим языком, то есть нашим (греческим), но еврейским сии книги суть сложены. Почему сказывают, которые сей язык довольно знают, что имя *неба* во множественном числе у евреев глаголется». И далее: «Сие, молю, твердо содержите, да возможете заграждать уста тем, которые силятся противные в Церковь внести догматы, и с рассуждением знайте силу положенных в Писании слов». Итак, святой Златоуст для защищения православных догматов признает нужным вникать в точную силу слов еврейского текста и внушает сию мысль не только богословам, но и народу верующих, к которому простирает беседу.

7. Святой мученик Лукиан греческий текст всего Ветхого Завета пересмотрел и исправил с еврейского, как о сем пишется в житии его, в Четией Минее октября под числом 15. «Ветхий и Новый Завет на греческом языке лукавством еретиков растленный от языка еврейского исправи». Сожаления достойно, что текст святого Лукиана не сохранился в ясной отдельности, но скрылся в смешении с другими разнопереводными текстами. Таким образом, он оставил нам не только пример, но и потребность возобновлять работу, им произведенную и после него утраченную.

8. Святой Златоуст, в толковании псалмов не довольствуясь текстом семидесяти, нередко приводит другие переводы с еврейского и тем доказывает, что нужно в изъяснении Священного Писания употреблять и еврейский текст. В толковании псалма 7, стихов 10 и 11, он пишет следующее: *Испытаяй сердца и утробы Боже праведно. Помощь моя от Бога, спасающаго правыя сердцем.* Иный: *испытатель сердец Бог праведный, защитник мой.* И иный: *Бог праведный.* Семьдесят же толковников рекли тако: испытаяй сердца и утробы, Боже. Праведна помощь моя от Бога. Здесь примечательно, между прочим, то, что, хотя святой Златоуст в своей Псалтири читал сей стих так, как написано в начале сего отрывка и как сей стих читается и ныне в славянской Библии, но чтение сие не принадлежит семидесяти толковникам, а иному неизвестному переводчику, ибо святой Златоуст привел наконец инаковое речение семидесяти толковников, каковое и в нынешних изданиях их текста читается. При таком разнообразии переводных текстов особенно нужно прибегать к подлиннику.

9. В псалме 10 (ст. 3) читал святой Златоуст и читается ныне: *Устне льстивыя в сердце, и в сердце глаголаша злая.* Неясность сего состава слов очевидна. Святой Златоуст изъясняет оные посредством другого перевода, согласного с текстом еврейским. *В сердце* и *в сердце.* Еще иной толковник рекл: *в сердце ином и ином, научая, что велия есть двойственность в их сердце.* Очевидно, что так должен поступать и нынешний толкователь текста, читаемого в Псалтири.

10. Выше, под числом 8, замечено, что святой Златоуст в обыкновенном употребляемом Церковью тексте Псалтири нашел стих не семидесятью толковниками положенный. Блаженный Иероним нашел более. Во вступлении к пророчеству Даниила он пишет: «Пророчество Дани-

ила в Церквах Господа Спасителя не читается по переводу семидесяти толковников, а употребляется издание Феодотиона». Сие свидетельство Иеронима тем менее может быть оставлено без внимания, что оно приводится и приемлется в греческой Кормчей книге, по благословению Вселенского Патриарха и Синода изданной в Лейпциге, 1800 года, под заглавием: Πηδάλιον. Притом свидетель, который дал оное, не таков, чтобы ему можно было отвечать одним пренебрежением. Это муж ученый, на Западе признанный святым, знакомый с Востоком. Свидетельству его благоприятствует то, что перевод Даниила семидесяти толковников, не во всем сходный с употребляемым в Церкви, почерпнутый из Оригеновой четверотекстной Библии (tetrapla), с древней рукописи издан в Риме в 1772 году. Если посему признать, что в употребляемом Церковью тексте семидесяти толковников есть некоторые, хотя не многие места, по какому-либо случаю внесенные или измененные постороннею рукою, то для отвращения сомнения, для достижения ясности и достоверности благоразумная и осторожная справка с текстом еврейским оказывается необходимой.

11. Святая Православная Вселенская Церковь ни на каком Соборе, ни чрез кого из святых отцов не изрекла такого правила, чтобы в изъяснении Священного Писания держаться исключительно текста семидесяти толковников, с устранением текста еврейского. И в сем случае самое молчание ее, так же как в других случаях ее правила, есть свидетельство ее непогрешительной предусмотрительности и твердости, возвышающей ее над Западной Церковью новых времен. Сия последняя на Тридентском Соборе определила признавать самодостоверным и самоподлинным (authentica) латинский текст Вульгаты. Сколь несправедливо сие определение в сравнении Вульгаты с текстом семидесяти толковников, который далеко превосходит ее и древностью, и достоинством, и употреблением в христианской Церкви от самого ее начала, столько же обнаруживает оно недостаток непогрешительной прозорливости, свойственной истинно церковному определению. Папа Сикст V с приписываемой его званию непогрешительностью объявил самодостоверным и самоподлинным издание Вульгаты 1590 года, а после него Климент VIII с таким же преимуществом непогрешительности нашел сие издание нетерпимо неисправным и заменил другим, отличным от прежнего, изданием, которое также объявил самодостоверным и самоподлинным. Которой же из противоречащих непогрешительностей должны следовать богословы, клир и народ и как после исполнить соборное определение? Сей неудачный западный опыт показывает, какая мудрая предосторожность заключается в том, что Древняя Вселенская Церковь в продолжение столь многих веков, не составляя по сему предмету строгого исключительного правила для охранения неприкосновенности священного текста, в изъяснении его ограничилась следующим правилом: «аще будет исследуемо слово Писания, то не инако да изъясняют оное, разве как изложили светила и учители Церкви в своих писаниях» (Шестого Вселенского Собора правило девятнадцатое). Учители же Церкви, как выше показано, пользовались, где нужно, еврейским текстом. И это так нужно, что сей потребности не отвергают и римские богословы, несмотря на вышеозначенное определение о Вульгате. Например, толкование Калмета основывается обыкновенно на разборе текста еврейского. На немецком языке есть новый перевод Библии с Вульгаты, сверенный с оригинальным текстом, и посредством кратких замечаний объясненный доктором И. Ф. Аллиоли. Третье издание сего перевода, пересмотренное и исправленное (Landshut, 1838), сделано с одобрения папского престола и по одобрительным отзывам многих архиепископов и епископов. Из сих наименованы 24 и прибавлено: и другие.

12. Да будет принято в соображение и то, как о рассматриваемом теперь предмете рассуждало священноначалие российской Церкви. В предисловии Святейшего Синода к изданию Библии в переводе семидесяти сказано: «Егда потом между иудеами еллинскаго языка употребляющими часто преписовашеся, и от злобоненавистных иудеев развращашеся, с преводами Аквилы, Феодоциона, Симмаха, близ двухсот лет сносим, смешен есть». Вот сильная причина к употреблению в пособие текста еврейского, дабы толкователь Священного Писания Ветхого Завета утверждал свое дело на основании незыблемом и неподверженном пререканиям.

13. По сей действительной нужде Святейший Синод при исправлении славянского перевода Библии поверял оный не только с греческим, но и с еврейским текстом, как о сем извещает он в своем предисловии: «Послежде и в самом Синоде оное все было рассмотряемо, и в случаи каковаго либо сумнительства с греческими составами, и святыми отцы, и текстом еврейским сносимо и по довольном разсуждении определяемо».

14. При сем прийти может мысль, что как сношение с текстом еврейским уже произведено Святейшим Синодом, то сия удовлетворенная потребность не должна уже озабочивать нынешних богословов. Не то оказывается при внимательном рассмотрении сего дела. Кроме того, что сличение всех слов всех бывших в виду текстов Ветхого Завета составляет работу необъятную, Святейший Синод к 1756 году не имел в виду некоторых изданий Библии, которые по сличению многочисленных рукописей изданы после. Так, при рассмотрении перевода пророчества Даниилова он имел текст греческий, который, по свидетельству блаженного Иеронима, не есть

точный текст семидесяти, а не имел в виду издания текста семидесяти толковников, которое сделано после, в 1772 году. Воспользоваться сим текстом предлежит нынешнему толкователю. Подобно сему рассуждать надлежит и о сличении текста еврейского. Открытие древних пособий, бывших прежде в неизвестности, требует продолжения работы для употребления оных в пользу и в защиту священной истины, к обличению превратных толкований, которые имеют иногда обольстительную внешность по тому самому, что ссылаются на подлинный еврейский текст, и которые потому нельзя опровергать одним молчанием о еврейском тексте, но должно обличать основательным рассмотрением оного.

III

Но дабы при употреблении еврейского текста в пособие к изъяснению Священного Писания не дать места произволу, поставить в сем деле преграду против уклонения от точности православных догматов и охранить священную важность текста семидесяти в древней его чистоте, для сего в учении о Священном Писании, или в священной герменевтике, должны быть предлагаемы охранительные правила, извлеченные из существа дела и из примеров церковных и отеческих.

В сем кратком обзоре настоящего предмета нельзя представить целую систему таковых правил. Но дабы яснее видно было, о чем идет речь, вот некоторые правила:

1. Если какое место Ветхого Завета богодухновенными писателями Нового Завета приведено по тексту греческому, в сем случае, очевидно, надлежит держаться греческого текста предпочтительно пред еврейским, потому что богодухновенные писатели не могли погрешить в выборе истинного текста. По сему правилу текст псалма 15 (ст. 10): *ниже даси преподобному твоему видети истления*, приведенный в Деяниях апостольских 11, 27 по переводу семидесяти, есть подлинный и несомнительный текст, несмотря на прекословный вид еврейского слова.

2. Текста семидесяти твердо надлежит держаться дотоле, доколе не представится важной причины перейти под руководство текста еврейского. Так, вышеприведенный текст о Премудрости Божией: *Господь созда Мя в начало путей Своих* — подает основательную причину к вопросу, точен ли перевод семидесяти в слове *созда*, когда речь идет о *Несозданном*? По сей самой причине исправители перевода славянской Библии обратились к еврейскому тексту и против слова *созда* поставили исправление с еврейского: *стяжа*.

3. Если текст еврейский представляет признаки повреждения, очевидно, надлежит держаться текста семидесяти. По сему правилу вышеприведенные слова: *верен Господь в словесех Своих и преподобен во всех делех Своих* (Пс. 144,13) составляют истинный священный текст, хотя их нет в еврейском.

4. Особенным признаком истинного чтения в тексте семидесяти может служить соображение, открывающее, что несогласное с греческим еврейское чтение дает ложный смысл. Примером сего может служить по греческому чтению переведенный текст (2 Пар. 22,2): *двадесяти дву лет сын Охозиа царствовати нача*. Еврейское чтение: *четыредесяти двух лет*, указанное и в славянской Библии на поле, есть ложное, потому что по сей хронологии Охозия был бы двумя годами старее своего отца, который начал царствовать тридцати двух лет и царствовал 8 лет (2 Пар. 21,5).

5. Если какое место Ветхого Завета богодухновенными писателями Нового Завета приводится по еврейскому, а не по греческому тексту, очевидно, надлежит следовать сим непогрешительным свидетелям. Примером сего могут служить вышеприведенные слова: *от Египта воззвах сына Моего*.

6. Если кто из святых отцов толковал какое-либо место Ветхого Завета по еврейскому тексту, справедливо и безопасно последовать сему руководству. Примером сего может служить вышеприведенный текст: и Дух Божий ношашеся верху воды, истолкованный святым Василием Великим по силе еврейского текста.

7. Если какого места Ветхого Завета, читаемого по тексту семидесяти, смысл определен согласным толкованием святых отцов как пророчественный о Христе, а нынешний еврейский текст сего места представляет иное чтение, пророчественному значению неблагоприятствующее, то в сем случае согласное свидетельство древних отцов дает основание не доверять подлинности нынешнего еврейского чтения. Примером сего может быть псалом 109 (ст. 3): *из чрева прежде денницы родих Тя*. Согласное древлеотеческое толкование сего изречения в пророчественном смысле заключается в употреблении его в Церкви как прокимна. Текст сей есть истинный, переведенный семидесятью толковниками согласно с еврейским текстом, им современным, которого следы примечаются здесь в переводе Феодотиона и в некоторых рукописях. И потому не должно увлекаться нынешним обыкновенным чтением, которое надлежит признавать изменением древнего истинного.

IV

Вышеизложенные охранительные положения и правила об употреблении священных текстов при благоразумном и благонамеренном употреблении должны удовлетворить требованиям Православия в важнейших отношениях.

1. Они суть те самые правила, которым Православная Церковь от начала постоянно следовала, как выше доказано примерами святых и действиями Святейшего Синода при исправлении славянского перевода Библии.

2. Они поставляют охранительную преграду против опасной произвольности толкований и против заразы, так называемой неологии и рационализма.

3. Они охраняют от односторонности новейших иностранных христианских вероисповеданий, которые, держась исключительно текста еврейского и не признавая руководства в писаниях святых отцов, предают ветхозаветный текст Библии необузданному своеволию критики, отчего поврежденные места еврейского текста легко принимаются за подлинные, иные перетолковываются, особенно пророчественный смысл затмевается, унижается достоинство ветхозаветных книг, и неологии и рационализму пролагается широкий путь.

4. Они предохраняют и от односторонности Западной Церкви, которая, признав самоподлинным текст Вульгаты, поставила себя в противоречие и с Древней Вселенской Церковью, и саму с собою, потому что текст Вульгаты, одобренный одним Папой, другим Папой отвергнут и два Папы издали два разных текста, из коих каждый объявлен был самоподлинным. Следствием сего противоречия было другое, что просвещеннейшие богословы Западной Церкви, несмотря на признанный самоподлинный текст Вульгаты, который по сему качеству должен был окончательно удовлетворить всех, не переставали искать другого самоподлинного текста в еврейской Библии.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

О славянском переводе Библии

Неясность славянского перевода Библии в некоторых местах, особенно Ветхого Завета, есть простая естественная причина, которая желающих разуметь Священное Писание побуждает обращаться по мере возможности к другим текстам, оригинальным или переводным на разных языках. Но при недостатке строгой осмотрительности удовлетворенные ясностью легко получают предубеждение в пользу текста ясного против неясного, хотя может случиться, что неясный текст верный, а ясный есть только догадочный или совсем погрешительный. Такое предубеждение может быть вредно для православных догматов, если оно привязывается к переводу Библии, сделанному вне православного исповедания под влиянием неправославных мнений, или, гоняясь за ясностью, без руководства бродит между разными переводами и критическими исследованиями, часто весьма опасными при настоящем состоянии иностранной библейской критики. Одно из предохранительных от сего средств для православной России есть познание достоинства славянского перевода Библии и употребление оного со справедливым уважением.

I

В российских духовных училищах, в учении о Священном Писании, надлежит, между прочим, изъяснять достоинство славянского перевода Библии и его церковную важность.

Сюда относятся следующие соображения:

1. Особенное достоинство и важность принадлежит славянскому переводу Библии по его происхождению. В начале своем оно не есть произведение обыкновенной учености, но плод апостольской ревности святых Кирилла и Мефодия.

2. Древность сего перевода и постоянное сохранение необыкновенны между переводами священных книг на прочие живые языки европейские. Он получил начало в девятом столетии по Рождестве Христовом, и язык сего перевода в продолжение тысячи лет продолжает быть живым языком в Православной Церкви, хотя ныне уже не общенародным, однако еще довольно понимаемым внимательными посетителями храмов и читателями священных книг, даже не имеющими училищного образования. Часть сего перевода, именно Евангелие, по списку, сделанному Остромиром в одиннадцатом столетии, теперь в печатном издании читается точно так, как за восемьсот лет, и не представляет значительных разностей от изданий славянского текста, сделанных по исправлении оного под смотрением Святейшего Синода.

3. В тех частях, в которых перевод сей представлял несовершенства и недостатки, происшедшие частью от несовершенства славянского языка во время составления перевода, частью от неверности переписчиков и других причин, достоинство его возвышено посредством исправления, произведенного в прошедшем столетии под наблюдением Святейшего Синода.

4. Как перевод сей следует в Ветхом Завете тексту семидесяти толковников, то сказанное о достоинстве текста семидесяти большей частью относится и к славянскому тексту.

5. Славянский текст Нового Завета древностью, чистотою и полнотой своей и вне Православной Церкви приобрел уважение исследователей Священного Писания, которые пользуются свидетельствами сего текста для указаний разнообразных чтений (variantes lectiones).

6. Великую важность славянскому переводу Библии сообщает его употребление в православном церковном богослужении. Язык богослужебный в России еще понятен прилежным посетителям храмов Божиих, но уже от него далеко уклонилось наречие, находящееся ныне в устах народа. Сколь нужно для веры и

назидания народа то, чтобы язык богослужения был понятен, столько же нужно стараться о том, чтобы язык славянский как богослужебный продолжал быть понятным народу и не сделался мертвым. А для сего действительнейшее средство есть то, чтобы славянский текст Библии, постоянно обращающийся в церковном, не был отчужден и от народного употребления.

II

Достоинству, важности и церковной потребности славянского перевода Библии должны соответствовать правила о сохранении оного в постоянном уважении.

Таковы суть следующие правила:

1. При преподавании учения в духовных училищах свидетельства Священного Писания должны быть приводимы с точностью по существующему славянскому переводу.

2. Если текст славянский требует изъяснения, то оно должно следовать за текстом, буквально приведенным.

3. Два предыдущих правила постоянно должны быть соблюдаемы и учениками, когда они дают отчет в принятых уроках.

4. В церковных поучениях тексты Священного Писания также должны быть приводимы по существующему славянскому переводу. Такое приведение может сопровождаться изложением текста на русском наречии, если то нужно по свойству текста или по степени образования слушателей.

5. Преимущественно по существующему славянскому переводу должны быть приводимы тексты Священного Писания и в других сочинениях, поскольку темнота славянских выражений не потребует заменить более ясными, согласными с греческим или еврейским текстом и с толкованиями святых отцов.

III

Впрочем, употребление славянского перевода не может быть исключительным так, чтобы совсем исключено было в изъяснении Священного Писания употребление по Ветхому Завету перевода семидесяти толковников и текста еврейского, а по Новому Завету — оригинального текста греческого.

К объяснению и подтверждению сего положения представляются следующие соображения.

1. Славянский перевод Ветхого Завета по большей части следует греческому тексту семидесяти толковников. Но как в соображениях о тексте семидесяти из писаний святых отцов и из самого Священного Писания Нового Завета доказана необходимость в известных случаях обращаться от текста семидесяти к еврейскому, то сим равномерно доказана необходимость в тех же случаях и от сходного с текстом семидесяти текста славянского обращаться к еврейскому тексту.

Например, в славянском переводе Евангелия от Матфея 12,18 читается пророчество Исаии о Христе: *Се отрок Мой* и пр. Но в самой книге Исаии 42,1, в том же славянском переводе читается иначе: *Иаков отрок мой* и пр. Сия разность производит недоумение. Но оно разрешается, как скоро приемлется в рассуждение текст еврейский, содержащий слова Пророка точно те, которые приводит евангелист.

Святой Златоуст в толковании псалма 138 (ст. 11) пишет: *и рех: еда тма поперет мя.* Иный: *если реку: может быть, тма покрыет меня.* И далее: *и нощь просвещение в сладости моей.* Иный: *нощь светла окрест мене.* Выражения, которые святой Златоуст поставил здесь, как принадлежащие иному переводчику, суть перевод с еврейского ближайший и яснейший, нежели перевод семидесяти толковников. Славянские выражения: *еда тма поперет мя* и *нощь просвещение в сладости моей* сходны с выражениями греческими. Следовательно, как святой Златоуст нашел приличным и нужным к выражениям греческого текста присовокупить в изъяснение перевод с еврейского, равно прилично и нужно русскому толкователю к славянским выражениям присовокупить в изъяснение перевод с еврейского, употребленный Златоустом.

2. Приведенные теперь два примера показывают, что, хотя Святейший Синод при пересмотре славянского перевода Библии сличал оный, где нужно, и с еврейским текстом, однако и теперь есть в славянском переводе тексты, в которых сие сличение не только полезно для ясности, но и нужно для оправдания точности пророческих изречений.

3. Даже в тех местах Ветхого Завета, которые Святейшим Синодом исправлены по еврейскому тексту, сличение славянского текста с еврейским и греческим оказывается иногда необходимым. Известно, что некоторые исправления славянского текста Святейшим Синодом не внесены в оный, а положены на брезе, или на поле. Из сего для читателя славянской Библии происходит правило, чтобы чтение, положенное на брезе, почитать верным, предпочтительно пред находящимся в ряду текста. Но если с сим правилом станет он читать текст 2-й книги Паралипоменон (22,2): *двадесяти дву лет сын Охозиа царствовати нача* — и признает сие чтение погрешительным, а правильным — положенное на брезе: *четыредесяти двух*, то впадет в явную погрешность, ибо здесь положенное на брезе чтение есть погрешительное, а находящееся в ряду текста есть истинное. Для подтверждения сего последнего нужна справка с греческим текстом.

4. Евангелие от Луки главы 3 в стихе 33 в славянской Библии в родословии Христа Спа-

сителя читается: *Арамов, Иорамов, Есромов.* Но в славянской же Библии в книге Руфи (4,19) читается: *Есром же роди Арама*, а Иорама между ними нет. Подобно сему и в первой книге Паралипоменон (2,9) Арам поставлен сыном Есрома, а не Иорама. Сей пример разноречия славянского текста с самим собой показывает, что он не во всех частях очищен от чтений сомнительных, требующих исследования и исправления, и что для сего необходимо сличение славянского текста по Ветхому Завету с еврейским и греческим семидесяти толковников, а по Новому — с оригинальным греческим текстом.

5. После вышесказанного с благоговением надлежит усмотреть в Православной Российской Церкви ту же мудрую осторожность в отношении к славянскому переводу Библии, какая усматривается в Древней Вселенской Церкви в отношении к тексту греческому. Святейший Синод по трудах исправления славянской Библии не провозгласил текста славянского исключительно самостоятельным и тем прозорливо преградил путь затруднениям и запутанностям, которые в сем случае были бы те же или еще большие, нежели какие в Римской Церкви произошли от провозглашения самостоятельным текста Вульгаты.

IV

При употреблении текстов греческого перевода семидесяти толковников и еврейского в пособие славянскому переводу книг Ветхого Завета охранительным руководством должны служить с приличным применением те охранительные правила, которые ограничивают употребление текста еврейского в пособие греческому семидесяти толковников.

Изъяснение и подтверждение сего положения заключается в соображениях о тексте семидесяти толковников.

Если нужно показать применение правил в примере, пусть примется в рассмотрение вышеприведенный текст псалма: *и нощь в просвещение сладости моей.* По применению второго охранительного правила здесь представляется вопрос: есть ли уважительная причина обратиться к тексту греческому? Ответ должен быть утвердительный, потому что текст невразумителен. Но поскольку греческий текст представляет точно те же слова и также невразумителен, то по тому же правилу следует обратиться к тексту еврейскому, по которому текст получает следующий вид: *и нощь светла окрест мене.* Сей вид текста должен быть принят с уважением по шестому охранительному правилу, ибо употреблен святым Златоустом и представляет мысль понятную, истинную и согласную с содержанием псалма, который говорит о вездесущии и всеведении Божием. *Нощь светла окрест мене* пред вездесущим и всевидящим оком Божиим.

V

По книгам Нового Завета обращение от славянского перевода к греческому оригинальному тексту менее, нежели по книгам Ветхого Завета, подвержено затруднениям и потому должно быть допускаемо с большей свободой, впрочем также и с основательной разборчивостью, с уважением к древности и с последованием руководству святых отцов.

Например, послания к Римлянам главы 1 в стихе 4 читается о Христе Спасителе: *нареченнем Сыне Божии.* Здесь есть основательная причина искать пособия в оригинальном тексте, потому что слово *нареченный* в приложении к Сыну Божию имеет для догмата неудовлетворительное значение. По обыкновенному употреблению сего слова нареченный сын противополагается истинному, естественному сыну. В греческом тексте читается ὁρισνέντος Υἱοῦ Θεοῦ, что можно перевести: *дознанном Сына Божием,* то есть о Сыне Божием, о Котором сперва люди не имели точного познания, но наконец по учению и чудесам Его точно, определенно дознали, что Он есть истинный Сын Божий. Так сие место изъясняет и святой Златоуст. «Что значит ὁρσυεις? Указанный, открывшийся, дознанный, исповеданный по суду и приговору всех». Признать в сем случае текст славянский совершенно неподвижным и не допустить, чтобы слову *нареченным* предпочтено было по силе греческого оригинального текста слово *дознанном* не значило бы твердо защищать православные догматы, это значило бы противоречить толкованию святого Златоуста.

* * *

Так надлежит устроять и направлять путь православного богослова и чтителя и читателя Священных Писаний по законам самого Православия и по правилам благоразумной осторожности. Надобно внушать апостольское предостережение: *не мудрствовати паче, еже подобает мудрствовати* (Рим. 12,3). Но также не должно поставлять преград исполнению повеления Самого Господа нашего Иисуса Христа: *испытайте писаний* (Ин. 5, 39).

Наконец, дабы в вышеизложенных соображениях об охранении текста семидесяти толковников и славянского перевода Библии не оставить ощутительного недостатка полноты, необходимо коснуться еще одного.

Предложенные охранительные правила удобно могут и должны иметь ближайшее действие на образователей и образуемых в Духовных Академиях и Семинариях и на образованное в сих заведениях духовенство и вообще могут быть употреблены людьми при образованности, знакомыми более или менее с оригинальными

языками Священного Писания. Но как распространить сие охранительное действие и на тех, которые не могут непосредственно пользоваться пособием оригинальных текстов Священного Писания, каковы вообще люди светского звания и даже сельские священники и диаконы в немалом числе? На сие правильный церковный ответ есть тот, что всемерно надлежит пользоваться руководством и пособием толкований святых отцов. Но, к сожалению, сим воспользоваться могут только немногие, и то с трудом и не вполне. Хотя и есть на нашем отечественном языке в переводах писаний святых отцов толкования на многие части Священного Писания, но они составляют столь значительную библиотеку, что не у многих светских образованных людей достанет ревности и времени собрать оную и деятельно употреблять, а большая часть священников не имеют довольно способов на ее приобретение. Каким же удобнейшим образом можно было бы оказать в сем случае потребную помощь? Вопрос сей требует особенного внимания для споспешествования истинному просвещению духовенства и православного народа. Для усмотрения, как трудно уклониться от сего вопроса и как может быть открыт путь к его разрешению, можно здесь вновь указать на вышеупомянутый новый немецкий перевод Библии с объяснительными примечаниями, одобренный Папским престолом и многими архиепископами и епископами Римской Церкви. Несмотря на особенное догматическое направление сей Церкви, по которому она удерживает Священное Писание в руках духовенства и неохотно допускает до рук народа, ее иерархия признала, однако же, нужным одобрить сие краткое и удобное для народа пособие к разумению Священного Писания. Церковь Апостольская восемьдесят пятым правилом святых Апостол предлагает святые книги Ветхого и Нового Заветов «для всех, принадлежащих к клиру, и мирян» и со святым Златоустом говорит: «Послушайте, молю, вси житейстии людие, и стяжите книги цельбы душевныя. Аще ничтоже ино хощете, поне Новый Завет стяжите». Если же мирянам, то кольми паче служителям Церкви, обязанным руководствовать мирян, как нужно изучать Священное Писание, так нужно иметь и удобнейшие пособия к разумению оного.

В день святого Иоанна Богослова
мая 8, 1845 года

ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО

Храм за колючей проволокой

Купол небесно-голубого цвета, увенчанный православным крестом, возвышается над бетонным забором с колючей проволокой. Недалеко стоит вышка с автоматчиком... Эту необычную картину наблюдают саратовцы, проезжая мимо исправительно-трудовой колонии № 33, где недавно архиерейским служением освящен храм во имя святой блаженной Ксении Петербургской.

Храм блаженной Ксении Петербургской

Сообщения о передаче Православной Церкви ранее ей принадлежавших храмов, монастырей, Семинарий уже не вызывают такого удивления, как несколько лет назад. Все возвращается на круги своя, и наша Церковь постепенно занимает подобающее ей место в обществе. Но строительство храма в местах лишения свободы — явление для наших дней все еще редкое. В современной России действуют лишь три храма в исправительно-трудовых учреждениях. Все они были освящены в прошлом и нынешнем году.

В проповеди, произнесенной перед осужденными и администрацией колонии, архиепископ Саратовский и Вольский Пимен сказал: «Освящение в вашей колонии храма можно назвать чудом Божиим. Кто бы мог подумать, скажем, лет десять тому назад, что не только свободно будет распространяться вера Христова, но что в места лишения свободы будут приходить священники, что здесь даже будет построен храм. Люди, сомневающиеся в Боге, не твердые в вере, не верящие в чудеса, сегодня могут убедиться в том, что чудеса на свете бывают».

* * *

Идея строительства храма в колонии родилась не сразу.

Около четырех лет назад начальник колонии подполковник внутренней службы Евгений Николаевич Максимов принял по тем временам смелое решение: пригласить в колонию священника. Первым пастырем, посетившим ИТК, стал клирик Свято-Троицкого кафедрального собора Саратова протоиерей Георгий Лысенко. Отцу Георгию тогда выделили небольшую комнату в красном уголке, где он начал знакомить свою необычную паству с основами православного вероучения, а вскоре и совершать святые Таинства.

Храм расписан заключенными колонии

Когда отношения ИТК с

Крестный ход после освящения храма

саратовским православным духовенством только зарождались, начальнику, администрации и осужденным пришлось пройти искушение, очень похожее на известное каждому православному «испытание вер князя Владимира»: колонию стали посещать представители общины евангельских христиан-баптистов. Они привозили видеокассеты с записями своих религиозных программ (благо в каждом отряде колонии есть кабельное телевидение), выступали с проповедями. Однако осужденные решительно высказались в пользу Православия.

Со временем красный уголок уже не мог вместить всех желающих приобщиться к православной вере. Тогда у начальника колонии родилась идея построить православный храм, что нашло поддержку у коллектива и осужденных, решивших безвозмездно отработать несколько выходных и все заработанные средства передать на строительство храма. Возведение стен, отделочные работы, роспись церковного здания также выполнялись осужденными. Некоторые из них, проявившие особое усердие в устроении храма, по ходатайству начальника колонии уже освобождены или представлены к освобождению.

По общему желанию храм решено было назвать в честь святой блаженной Ксении Петербургской, а настоятелем церкви стал отец Георгий.

По мнению подполковника Е. Н. Максимова, несмотря на то, что общение осужденных с православным духовенством началось недавно, можно говорить о некоторых переменах в духовной атмосфере колонии. «Все мы,— считает Евгений Николаевич,— стали как-то теплее относиться друг к другу. У людей появился интерес к православной литературе, которую епархия пожертвовала нам в библиотеку, ее с удовольствием читают. Уверен, что наши осужденные знают христианское вероучение лучше многих, находящихся на свободе. Приобщение к Православной Церкви заметно повлияло и на меня лично. Не хочу сказать, что я совершенно изменился, но научился смотреть на мир другими глазами».

Построен в колонии храм, совершаются святые Таинства, обряды, звучит слово Божие. Казалось бы, все хорошо и на этом можно успокоиться. Но не следует забывать, что через несколько лет необычные прихожане отца Георгия покинут стены храма блаженной Ксении. Как сложится их судьба после освобождения?

Не секрет, что часто люди, отбывшие срок наказания и вышедшие на свободу с твердым намерением изменить свою жизнь к лучшему, вскоре снова оказываются за колючей проволокой. Свобода, к которой они стремились многие годы, встречает этих людей холодно и отчужденно, как закоренелых злодеев, и наказание для них по сути продолжается. Многие из бывших осужденных теряют надежду на изменение своей жизни, ожесточаются и снова совершают преступление уже от безысходности.

Забота о реабилитации бывших осужденных — задача прежде всего государства, но и Церковь не может умыть руки и сказать: «Не виновны мы в том, что эти люди снова согрешили». Не может она оставить оступившихся людей, когда в их души уже брошены семена слова Божия, когда они заново родились в духе с принятием Таинства Святого Крещения. Они теперь — чада Русской Православной Церкви.

Несмотря на трудности, с которыми сталкивается епархия, архиепископ Саратовский и Вольский Пимен обещал содействие саратовского духовенства в деле возвращения бывших осужденных к нормальной, полноценной жизни. На одной из встреч с ними Владыка сказал: «Если кто-то из вас по каким-то причинам не найдет себе места в жизни, окажется в затруднительном положении, будет близок к отчаянию, пусть придет в епархиальное управление и мы по мере возможности постараемся устроить вас на работу в храмы Саратова или области».

Конечно, ни администрация колонии, ни священнослужители не ожидают мгновенного превращения всех грешников в праведников. Но если через храм блаженной Ксении хотя бы один заблудившийся человек придет к вере и достойной жизни, значит, все труды были не напрасны. Ибо Господь наш сказал: *сказываю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии* (Лк. 15, 7).

Осужденные во время Божественной литургии

Александр ЯКОВЛЕВ

Фото Н. Титова

Преподобный Сергий Радонежский и духовные традиции Владимиро-Суздальской Руси

Сто лет назад историк В. О. Ключевский выступил с речью в Московской Духовной Академии на юбилейных торжествах по случаю 500-летия со дня кончины Преподобного Сергия Радонежского. Не вдаваясь в обсуждение частных вопросов биографии святого, он ярко очертил главное — общее значение великого старца как собирателя Русской земли, как подвижника, чей духовный труд воодушевил и укрепил людей в тяжелую для страны годину. И в то же время историк оставил в стороне не менее важный вопрос — каковы были земные истоки духовного величия Радонежского игумена? Как, под влиянием каких условий формировалось его мировоззрение?

Прежде всего, видимо, под влиянием богатой духовной культуры Северо-Восточной Руси, средоточием которой в XII—XIII веках был стольный Владимир, а одним из главных центров — родина Преподобного, Великий Ростов. Летописи и другие источники содержат крайне мало сведений о духовной культуре Ростова в первые сто лет после Батыева нашествия. Однако некоторые закономерности все же прослеживаются. Благодаря мудрой политике ростовских князей Бориса и Глеба Васильковичей и их матери княгини Марии Михайловны — дочери святого князя Михаила Черниговского и сестры преподобной Евфросинии Суздальской — Ростовская земля во второй половине XIII века не испытала опустошительных татарских набегов.

Изучение летописей показывает, что за все время от Батыева нашествия до конца XIII века Ростов ни разу не был разорен татарами. В результате он стал самым надежным хранителем владимиро-суздальской культуры в тяжелое для нее время. Этому способствовал и целый ряд конкретно-исторических обстоятельств: прекращение во второй половине XIII века соперничества Ростова и Владимира; усиление церковно-административного значения Ростова в условиях ослабления власти киевского митрополита.

Заметным проявлением активной созидательной работы в Ростове во второй половине XIII века было значительное по тому времени каменное строительство. Во времена отрока Варфоломея Ростов уже имел несколько монастырей, среди них — Иоанновский и Григорьевский монастыри. На южной окраине города княгиня Мария Михайловна вскоре после гибели мужа — князя Василька Константиновича, казненного татарами в 1238 году, основала Спасо-Песоцкий монастырь.

В начале XIV века процветали и еще два монастыря — Авраамиев Богоявленский и Петровский, основанный во второй половине XIII столетия «царевичем» Петром на месте чудесного явления ему апостолов Петра и Павла. В окрестностях города находились Белогостицкий монастырь (на северном берегу озера) и монастырь святой Марии Магдалины (на реке Саре, на древнем Сарском городище).

Монастыри были источниками живой веры. Каждый из них хранил и свои предания. Одно из них — чудесное явление Иоанна Богослова иноку Авраамию. Произошло это совсем недалеко от усадьбы боярина Кирилла, на берегу речки Ишни. Известный своим благочестием ростовский монах Авраамий тщетно пытался сокрушить идола языческого бога Велеса, стоявшего на Чудском конце города. Однажды монах повстречал старца-странника и рассказал ему о своей печали. Старец открыл Авраамию, что он сумеет сокрушить идола лишь в том случае, если посетит Царьград и помолится в храме Иоанна Богослова. Не раздумывая, монах отправился в путь.

Решимость Авраамия была вознаграждена немедленно. Отойдя от Ростова всего лишь на четыре версты, монах на берегу речки Ишни повстречал «человека страшна, благоговейна образом, плешива, възлыса», с «брадою круглою великою». То был сам апостол и евангелист Иоанн Богослов. Он вручил Авраамию чудесный жезл с изображением Христа и сказал, что этой «тростию» монах сможет наконец сокрушить идола. Так вскоре и случилось. Велес был повержен, а на месте языческого капища Авраамий основал монастырь с храмом Богоявления.

На том месте, где Авраамию явился апостол, была возведена небольшая деревянная церковь во имя святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова.

Мог ли отрок Варфоломей не думать о чудесном явлении апостола, случившемся неподалеку от его дома?! Несомненно, образ отважного Авраамия глубоко запечатлелся в его душе. Пройдут годы, и Преподобный Сергий, следуя примеру Авраамия, сокрушит языческие каменные идолы в лесном урочище Белые Боги близ Радонежа, намереваясь основать там монастырь. Память об этом сохранило древнее радонежское предание. А еще век спустя иконописцы станут изображать Преподобного Сергия в одном ряду с великими ростовскими святителями Леонтием, Исайей, Игнатием и преподобным Авраамием. Именно так представлены они на иконе конца XV века из ростовского музея.

Выдающимся произведением

владимиро-суздальской школы зодчества был освященный в 1231 году Успенский собор в Ростове. Его величие, красота богослужения и убранства поразили среди прочих и знатного татарского юношу, племянника хана Берке, принявшего во второй половине XIII века крещение в Ростове с именем Петра. Об этом рассказывает старинная ростовская «Повесть о Петре, царевиче Ордынском»...

Становится очевидной близость духовных исканий в Ростове и Владимире: та же идея, хотя и гораздо более отчетливо, звучит и в гневных, обличительных «Словах» знаменитого проповедника владимирского епископа Серапиона. Освобождение от ига иноплеменников и возрождение страны возможно лишь как следствие нравственного обновления людей на путях всеобщего покаяния и строгого соблюдения евангельских заповедей. Эти слова находили отклик в душах людей. Пройдет время, и сын ростовского боярина Кирилла Варфоломей осуществит то, к чему призывал соотечественников Серапион Владимирский: целью всей своей жизни он поставит исполнение заветов Спасителя — любви к Богу и любви к ближнему.

Вспоминая епископа Серапиона Владимирского как духовного предтечу Преподобного Сергия, нельзя не вспомнить и одного весьма важного обстоятельства: знаменитый проповедник до приезда в Северо-Восточную Русь был архимандритом Киево-Печерского монастыря. Велика была роль этой обители в духовном окормлении не только Южной, но и Северо-Восточной Руси. Первыми пастырями, проповедниками христианства в Ростово-Суздальской земле были киево-печерские воспитанники — ростовские святители Леонтий и Исайя. Можно полагать, что именно они принесли на северо-восток Руси традицию особого почитания Божией Матери, которым отличалась их родная обитель. Со временем эта традиция стала характерной для Владимиро-Суздальской Руси, воплотилась в чудотворном Владимирском образе Божией Матери, в величественных соборах в честь Успения Божией Матери, возведенных в крупнейших городах. Образцом для ростовского собора послужил собор Киево-Печерского монастыря.

Едва ли можно усомниться в том, что радонежский игумен уже в детстве, в Ростове, воспринял от своих родителей, благочестивых Кирилла и Марии, это особое молитвенное усердие к Божией Матери, которое он пронес через всю свою земную жизнь и которое увенчалось наконец явлением Божией Матери Преподобному Сергию.

Связь Преподобного Сергия с киевской духовной традицией, возможно, подкреплялась и семейными преданиями. По сведениям ростовского краеведа прошлого столетия А. Артынова, пользовавшегося не сохранившимися до настоящего времени ростовскими летописями, отец Преподобного боярин Кирилл происходил из старинного аристократического рода Симоновичей. Потомки варяга Симона, на средства которого был построен собор Киево-Печерского монастыря, переехали на северо-восток Руси в свите князя Юрия Владимировича Долгорукого. На сведения Артынова недавно обратил внимание исследователь древнерусской литературы Ю. К. Бегунов, признавший их достоверными. В этой связи уместно вспомнить и о миротворческих походах Преподобного Сергия, о его попытках примирить враждовавших князей и угасить усобицы. Не каждый мог взять на себя эту миссию. Она требовала огромного такта и достоинства. Несомненно, Преподобный Сергий умел говорить с князьями спокойно и уверенно. Эту твердость давала ему святость поставленной цели. Однако здесь сказывалась, вероятно, и фамильная традиция. Современники Преподобного знали его не только как монаха-подвижника. За спиной святого стояли многие поколения ростовских бояр, умевших сохранить свое достоинство перед лицом самых гневных и скорых на расправу Рюриковичей.

Киево-Печерская традиция, которая очень сильно ощущалась в Ростове, могла быть и истоком особого молитвенного почитания Преподобным Сергием Святой Троицы. Известно, что надвратная церковь Киево-Печерской обители, возведенная в начале XII века князем Николаем Святошей, была посвящена Святой Троице.

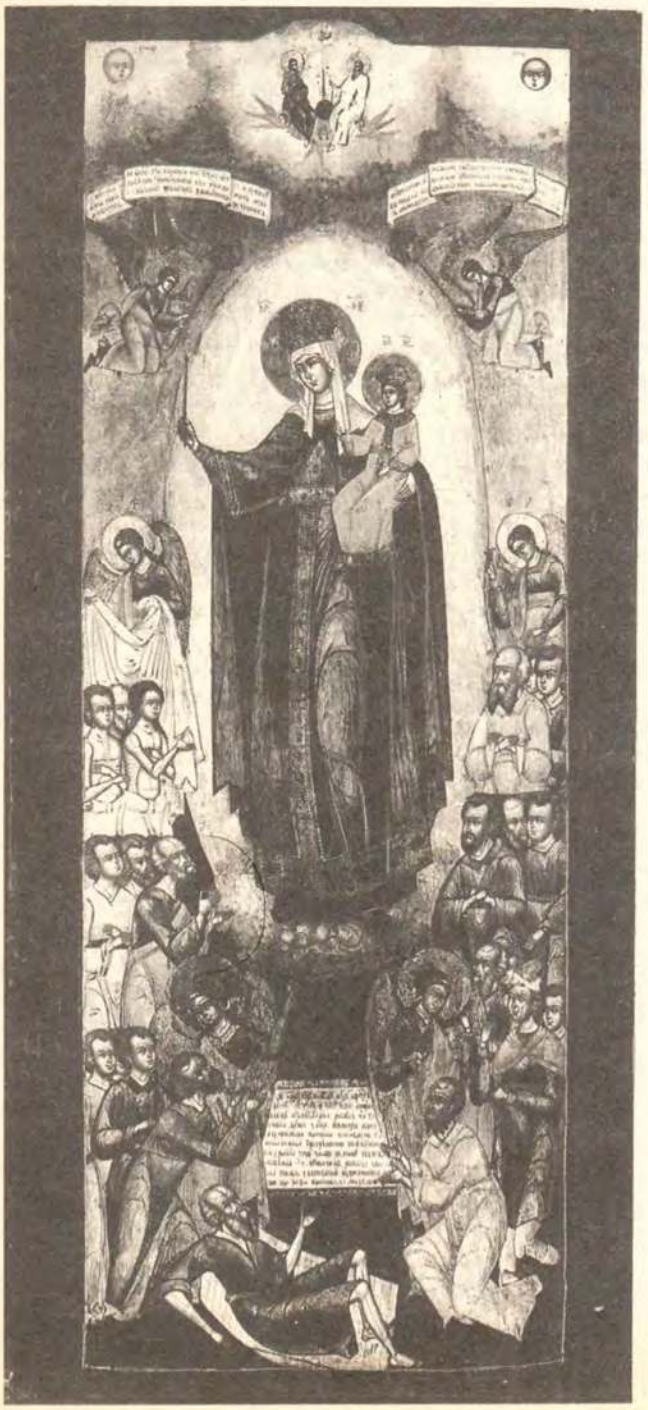
О том, как высоко ценил Преподобный Сергий воспринятую им еще в Ростове киево-печерскую духовную традицию, свидетельствует и его житие. Описывая деятельность «великого старца» как духовного руководителя монашеской общины, агиограф в целом ряде случаев заимствует фрагменты из «Жития Феодосия Печерского», слегка редактируя их и расширяя в стиле «плетения словес». Несомненно это отражает реальность: в своем игуменском служении Преподобный Сергий часто следовал за преподобным Феодосием Печерским.

Своеобразие личности Преподобного Сергия, его духовная привлекательность и мощь во многом объяснялись его необычайной уравновешенностью. Коренной чертой его характера была, по выражению писателя Б. К. Зайцева, *светлая мерность*. Задумываясь над истоками этого удивительного характера, неизменно вспоминаешь о происхождении святого, о его ростовских корнях. Именно там, в Ростове, утонченная, холодноватая гармония аристократической по характеру владимиро-суздальской культуры встретилась с непомерным жаром аскетического подвига киево-печерских отцов. Результатом взаимодействия этих двух великих духовных сил и стала *Сергиева духовность* — удивительная гармония веры и разума, земного и небесного.

Н. БОРИСОВ,
доцент исторического факультета МГУ

Помощница в скорбях

Когда собирает нас на молитву праздник в честь Богоматери, дивно именуемой «Всех скорбящих Радосте», то не вспоминается ли нам прежде всего бесчисленное множество Ее благодеяний, явленных чрез Ее чудотворные иконы, которыми Она прославилась едва ли не на всяком месте, так что для описания этих чудес Ее потребовались бы целые книги? Одних названий икон Божией Матери не может удержать память!

Икона Божией Матери «Всех скорбящих Радость» из храма Воскресения словущего на Успенском Вражке в Москве

А ведь, кроме икон, о которых написано в книгах, сколько еще существует икон Богоматери, по молитве пред которыми совершалось множество чудесных благодеяний, нигде не записанных.

Едва ли найдется верующий, сколь-нибудь внимательный к своей душе и к обстоятельствам своей жизни, который не вспомнил бы знаменательных, чудесных случаев из своей жизни, которым предшествовали молитвы, обращенные к Богоматери. Многие из предстоящих в храме могут сказать: «Я здесь лишь потому, что охранен молитвенным заступлением Богородицы!» Не без причины поется Ей с дней древних и доселе не умолкает песнь: *Всех скорбящих Радосте и обидимых Заступнице, и алчущих Питательнице, странных Утешение, обуреваемых Пристанище, больных Посещение, немощных Покров и Заступнице, Жезл старости, Мати Бога Вышнего, Ты еси Пречистая, потщися, молимся, спастися рабом Твоим.*

Но если всем понятно наименование Богоматери *Радостью* всех скорбящих как Избавительницы от всяких бед и печалей, то обыкновенно менее вникают люди в то, что Богоматерь называют Радостью именно *скорбящих*.

Люди хотели бы жить без всяких скорбей и всякую беду привыкли считать злом, об избавлении от которого нужно всячески заботиться. Они просят и в молитвах своих о безоблачном счастии, ничем не омрачаемой радости жизни земной и, когда радости продолжаются, готовы называть Богоматерь Радостью всех скорбящих, когда же наступает полоса скорбей и бед, легко погружаются в безнадежное уныние, беспросветное отчаяние, готовы забыть Ее, мечтой считать самую веру в Ее небесное заступление.

Между тем в жизни земной, которую люди издавна более склонны называть долиной плача, чем вечно радостным миром, нельзя обойтись без скорбей. Радости жизни постоянно смешиваются с печалями, часто радости растворяются в море скорбей и бед житейских. Вот тогда-то и обнаруживается особенная ценность тех радостей, которые приобретены после скорбей или

путем долгих скорбей и страданий, путем превращения в радость самих скорбей. Радость бескорбная непрочна, как легкое облако, скоро уносимое ветром, радость после бывших скорбей — ясное небо после ненастья. И название Богоматери Радостью всех скорбящих напоминает о том, что Она радует людей отгнанием надвигающихся на них печалей и самые скорби жизни превращает в радость.

Если в жизни всякого человека более ценны радости, полученные после скорбей или посредством скорбей, то тем более так в жизни христианской. Сама Богоматерь вошла в радость Сына Своего и Бога путем скорбей.

С самого Рождества Ее Божественного Сына следовала за Нею скорбная тень Креста, на который определено было взойти Ее Сыну, как и услышала Она в сороковой день от Рождества Богомладенца Христа из уст старца Симеона: *Тебе Самой оружие пройдет душу* (Лк. 2, 35).

Эти слова *сложила Она в сердце Своем*, как и все прочие, относящиеся к Ее Божественному Сыну (Лк. 2, 51). Тень Креста, следовавшая за Христом, падала непрестанно и на Нее, как Матерь, пока не восприняла Она, стоя у Креста, в душу Свою оружие смертельной скорби, уже претерпленной Христом в саду Гефсиманском. И вот эта скорбь была для Нее, как и для Самого Христа, дверью к радости небесной; Она первая испытала ни с чем несравнимую радость видеть воскресшим Сына Своего и Бога, сообщить эту радость миру, особенно после того, как Она предстала одесную Божественного Сына с всесильным за мир ходатайством.

Так и путь каждого христианина неизменно крестный, Богоматерь же на этом пути является всех скорбящих Радостью. Она получила дивную благодать претворять влагу слез и бед жизни человеческой в вино Божественного веселия. Такая благодать дарована Ей потому, что Она Сама много скорбела, а потому может утешить скорбящих. Ведь и среди обычных людей тот более способен утешить, кто сам пережил скорби.

Преобразование скорбей в радости ценнее простого избавления от скорбей, ибо последнее подобно врачевству наружному, лишь облегчающему, успокаивающему боль на время, первое же подобно врачевству внутреннему, изгоняющему болезнь с корнем из самого ее средоточия. Конечно, горькое врачевство скорбей само по себе не может быть приятным, но сладостно сопутствующее принятию врачевства выздоровление. Святой апостол говорит: *Всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью; но после наученным чрез него доставляет мирный плод праведности* (Евр. 12, 11). И если люди терпят скорби и болезни часто без пользы для себя в жизни земной и будущей, то поистине должна назваться *всех скорбящих Радостью* Богоматерь, Которая превращает скорби верующих во Христа в радость жизни земной и вечной.

Могут еще подумать люди, чуткие к скорбной жизни земной: почему Богоматерь называется *всех* скорбящих Радостью, если избавляются от скорбей не все, а только, по-видимому, немногие? На это можно сказать, что Божия Матерь благодетельствует и невидимо. Как солнце сияет для всех, а благодеяний его многие не замечают, так Богоматерь, уподобляясь благости Отца Небесного, благодетельствует чадам добрым и злым, но злые чада не хотят знать этого. Если злой сын не замечает любви матери своей по плоти, то что удивительного, если он не замечает благодеяний Матери Царя Небесного? Иные сами, своим неверием, закрывают готовый открыться для них источник благодеяний Богоматери. Ведь и Господь только по вере творил чудеса, чтобы не навлечь большее осуждение на тех, кто, и видя чудеса, остался бы неверующим. А как часто даже верующие называют все доброе и злое делом природы, счастливым или несчастным случаем, забывая о непрестанном и всеобъемлющем Промысле Того, без чьей воли и волос с головы не упадет, и уподобляются человеку, который хвалил бы дерево за плоды, а насадившего дерево не вспомнил? Притом люди по неразвитости духовной так часто бывают подобны детям, которые еще не научились отличать добра от зла, называют добром прельщающее зло, злом же — благодетельное временное страдание. Неужели Богоматерь, подающая благо всем, кто ищет его, будет исполнять всякие моления о мнимых радостях жизни, таящих в себе пагубу для просящих?!

Возрадуемся же о Той, Которая так дивно именуется всех скорбящих Радостью, Которая с самого Благовещения Архангела Гавриила услышала: «Радуйся!» и пребыла в радости во все дни земной жизни, среди всех скорбей, перешла с неутраченною радостью в Жизнь Вечную к Приснорадостному Источнику жизни, Божественному Сыну, и оттуда готова призвать радость на всех скорбящих, быть Живоносным Источником для всех, и даже для тех, от кого радость, казалось, навеки ушла. *Аминь.*

Архиепископ ФАДДЕЙ (Успенский; † 1938)

О духах злобы и наших сердцах

Сегодня мы слышали евангельское повествование об исцелении Гадаринского бесноватого (Мк. 5, 1—20; Лк. 8, 26—39). Ну, что же, были ли бесноватые только в древние времена? Нет ли бесноватых и в наше время? Есть, очень много есть их и сейчас. Есть много видов душевных болезней, о которых никто не может сказать, что это одержимость бесовская, но надо вам знать, что причины многих душевных болезней не известны ученнейшим психиатрам. Не знаем мы и причины буйного помешательства, но несомненно, что в числе буйно помешанных есть известная доля подлинно бесноватых. Но нужно делать глубокое различие между душевными болезнями и бесноватием. Вероятно, только очень малая часть даже буйно помешанных может быть названа бесноватыми. Но есть очень много людей, которых никто не называет сумасшедшими и которых вместе с тем с полным правом можно назвать бесноватыми.

Ибо что такое бесноватый? Бесноватый — это человек, одержимый духами злобы поднебесными. Сам Господь Иисус Христос много раз говорил о них, много раз изгонял их из людей, одержимых ими. Послушайте слова Христовы, к этому относящиеся:

Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находя говорит: возвращусь в дом мой, откуда вышел. И пришед, находит его выметенным и убранным; тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и вошедши живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого (Лк. 11, 24—26).

Как видите, совершенно определенно Господь Иисус Христос говорит о том, что бесы входят в человека и, покинув его, могут снова возвращаться. Мы не можем не верить в существование дьявола, бесов, когда знаем мы, что сатана дошел до такой безмерной дерзости, что искушал Самого Господа Иисуса Христа после Его сорокадневного поста в пустыне.

В Евангелии и в Посланиях апостольских вы найдете целый ряд указаний на то, что сатана, князь мира сего, господствует в воздухе. Он всегда среди нас, в окружающей нас атмосфере, и вместе с ним легионы его слуг. Сатана — враг рода человеческого, и в безмерной злобе своей стремится погубить нас, истребить в сердцах наших следы веры в Господа Иисуса Христа и подчинить своей воле. Всегда, беспрестанно и он, и все ангелы его преследуют и терзают нас.

Есть много людей, по делам и мыслям своим, по совершенному отсутствию веры в Бога и полному нечестию своему, легко доступных духам злобы поднебесным. Сердца их служат жилищем бесов. Вы ведь знаете, что рядом с вами живут такие люди, которые всю жизнь свою проводят в грабежах, пьянстве, разврате. Это ли не жилище всех бесов, это ли не бесноватые?

А что же скажем мы о нас самих, о христианах? Мы свободны от одержимости бесовской? Мы свободны от беснования? Я говорю именно о христианах, я умышленно не говорю о других. Я говорю о нас, знающих, что есть сатана, боящихся его и духов злобы поднебесных.

Разве редко получают эти силы бесовские доступ в сердца наши? Постепенно, каждый день, каждый час проникают они в них. Ибо разве мало в нас злобы, человеконенавистничества? Разве мало в нас гордости, сквернословия и чувств, оскорбляющих ближних наших? Разве мало людей, которые, помолившись в храме, возвращаются домой и начинают поедом есть своих ближних?

Есть, к стыду нашему, даже такие, которые способны и на воровство и на блуд, которые легко доступны силе бесовской... всякой похоти и страстям. Живут в душах их бесы такие, как в душе несчастного Гадаринского бесноватого.

Но не будем говорить о них, о тех, которых можно назвать игралищем бесовским. Будем говорить о тех, кто не крадет, не прелюбодействует, не сквернословит, не предается страстям, о тех, кто ведет жизнь как будто безупречную, кто предан полезной для людей работе, например врачебной.

Что скажем мы о состоянии их души?

Недавно ко мне пришла молодая девушка — врач. Она пришла ко мне не как к архиерею, а как к профессору, за лечением.

— Расскажите, в чем дело?

— Да вот неврастения у меня, неврастения мучает меня.

— Ну в чем же ваша неврастения?

— Нет у меня покоя; всегда, всегда я плачу, всегда всем раздражаюсь; малейшее замечание на работе выводит меня из себя, я теряю всякое самообладание и плачу, плачу без конца от всякого пустяка.

Я знаю, как врач, что такое неврастения, и для меня стало ясно, что здесь совсем другое. Я начинаю анализировать ее душевное состояние, обо всем расспрашиваю ее, узнаю, каковы ее интересы, работа, задаю другие вопросы. Она интересуется литературой, искусством.

— Чем вы живете? Только хирургией? Этого мало,— сказал я ей.— Вы делаете первые шаги в хирургии, а я прошел длинный путь, дошел почти до конца и скажу вам, что это совсем не главное.

Есть нечто неизмеримо более важное. Душа человеческая бездонно глубока. Были и есть лю-

ди, которые живут на больших глубинах духа, мысли и чувства. Были великие подвижники христианские, которые всю жизнь проводили в молитве, в неустанной молитве и посте. Перед этими величайшими подвижниками благочестия открывались такие бездны духа, какие совершенно неведомы нам — простым, рядовым людям. Глубина их душевной жизни доходила до того, что они, подобно апостолу Павлу и преподобному Серафиму Саровскому, были при жизни восхищены до третьего неба и видели то, что ждет и всех святых в Жизни Вечной. Были великие подвижники, написавшие глубочайшие сочинения, до нас дошедшие, которыми мы питаемся, как драгоценнейшей пищей духовной. Все помыслы их, все стремления их были сосредоточены на важнейших запросах духа. Всю жизнь свою они жили в Боге. Они обладали драгоценным сокровищем — собранностью души. Вся душа их была сконцентрирована на помыслах о Боге, о духе.

Были и другие люди, тоже жившие на больших глубинах духа — великие ученые, философы, всю жизнь проводившие в исследованиях природы и духа. Они тоже обладали великой собранностью души, конечно, меньшей, чем апостол Павел и преподобный Серафим, но если сравнить их с их современниками, то они возвышались над ними, как ливанские кедры над мелким кустарником и травкой полевой.

Замечательно, что такие великие мыслители проводили жизнь, подобную жизни отшельников. Кант, Декарт всю жизнь жили в одиночестве. Кант долгое время жил в маленьком городке Кенигсберге и знал только два пути: в университет, где был профессором, и обратный — к креслу своему, где занимался размышлениями. Он тоже обладал великим сокровищем собранности души.

Так ли живем мы? Живем ли мы в глубинах духа нашего? Заняты ли мы помышлением о душе, помышлением о важнейших задачах, которые нам надлежит разрешить,— о жизни нашей, о поведении нашем? Нет, этим мы не заняты.

Мы заняты домашними и служебными делами, погоней за почестями, за благополучием, за обеспеченной жизнью, а запросы духа для нас чужды. Не только не ищут люди собранности души, а, напротив, ищут рассеянности. Они стремятся уйти от своей собственной души, стараются заглушить все беспокойные высшие запросы духа, толпами идут в кино, предаются пошлым и преступным развлечениям. Им нужна не собранность души, а рассеянность. Они не выносят одиночества, им всегда нужно общество пустых людей, подобных им. Они развлекаются, ходят в гости, болтают о пустяках, сквернословят и пустословят, играют в карты и тем отвлекают сердца и мысли свои от самого важного, высшего и святого.

Так было и с этой девушкой, о которой я вам рассказал. Почему она всегда плакала и была раздражена? Потому что душа ее не знала покоя, потому что душа ее голодала.

Один из учителей Церкви II века — Тертуллиан сказал удивительно верно и глубоко: «Душа человеческая по природе христианка». Она жаждет пищи духовной, чистоты и святости, она жаждет Христа. Душа по природе христианка, и если не питается она пищей духовной, то наступает тяжелое хроническое голодание этой несчастной души.

И как человек голодающий, не имеющий пищи, становится раздражительным, так и эти люди, голодающие духовно, раздражаются, и легко брызжут слезы из глаз их. И нет им покоя, и не могут забыться они ни в каких развлечениях, ибо душа их жаждет пищи духовной, а они этой пищи ей не дают. Это тоже одержимость бесами, в малой, слабой степени, но все же одержимость, одна из слабейших форм бесноватости.

Но почему же люди становятся в малой мере бесноватыми? Человек живет в общественной среде: его миропонимание, его мысли, желания определяются в огромной мере воздействием той среды, которая его окружает. Знаете ли вы, что если здоровый человек долгое время находится возле чахоточного больного и дышит воздухом, содержащим туберкулезные бациллы, то сам заражается.

Так бывает и в жизни духовной. Если человек живет в атмосфере множества духов злобы поднебесных, среди соблазнов, среди тяжких примеров нечестия, развращенности, в атмосфере безудержных страстей человеческих, если он живет в атмосфере глупости и пошлости, то не может эта атмосфера не заразить его душу. Изо дня в день вдыхает она этот ядовитый воздух, который наполнен духами злобы поднебесными. И заражается этим воздухом несчастная душа и сама становится жилищем бесов.

Что же делать нам? Куда уйти нам от этой тяжкой, смертельно опасной атмосферы? Где прибежище наше? Где наша защита от бесов? На все трудные вопросы всегда ищите ответ в Священном Писании. *Только в Боге успокаивайся душа моя; ибо на Него надежда моя. Только Он — твердыня моя и спасение мое, убежище мое* (Пс. 61, 6—7). Вот где прибежище наше, вот где противоядие от того яда, который воспринимаем мы из окружающей нас среды.

Если мы будем заняты полезной для ближних работой, всегда стремясь к собранности души, чистоте и святости, живя в любви к Богу и людям, тогда не станем мы игралищем бесов, тогда бесы, которые живут в каждом из нас, с позором должны будут покинуть сердце наше.

И когда выйдет нечистый дух из сердца нашего, он будет в тоске ходить по безводным местам, ища покоя. Но бывает, что снова возвращается

он и находит полное гостеприимство, находит сердце наше выметенным и убранным, приготовленным к тому, чтобы опять принять его. Ибо легко и быстро вновь допускаем мы нечистоту и злобу в сердца наши.

И вот, если бес, пришедши, находит сердце *выметенным и убранным; тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и вошедши живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого* (Мф. 12, 44—45).

Да не будет ни с кем из нас никогда этого страшного несчастья. Да не найдут духи злобы поднебесные доступа к нашим сердцам, да не сделаются они жилищем бесов. Да будут сердца наши всегда чисты и святы. *Аминь.*

Архиепископ ЛУКА
(Войно-Ясенецкий; † 1961)

Собор Честных Небесных Сил бесплотных

Сегодня, братия и сестры, мы празднуем день, посвященный Архангелам и Ангелам — Силам Небесным, славящим Господа.

В нашем представлении со словом «Ангел» всегда связываются понятия о светлых духовных существах, исполняющих святую волю Божию, о существах близких к нам, помогающих нашему спасению и сохраняющих нас от всякого зла. Святые отцы называли Ангелов «вторыми светами». Это значит, просвещаясь от Бога, Силы Небесные светят и нам, людям, но не своим светом, а отраженным от Бога. Это свет духовный, нравственный, о котором говорил Господь, когда призывал и нас жить во свете, быть сынами света: *Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного* (Мф. 5, 16).

Ангелы святы. И так естественно в нашем представлении они рисуются нам светлыми и чистыми, что мы иногда говорим «ангельский характер», «ангельская чистота», «ангельская душа».

Господь, создав человека, по достоинству почти уравнял его с Ангелами, славою и честию венчал его и поставил его над делами рук Своих (ср.: Пс. 8, 6—7). Это значит, что в моменты нашего духовного подъема мы можем возвышаться до ангельского состояния. Во время совершения Божественной литургии перед самым Таинством Евхаристии при пении Херувимской песни нам напоминается, что мы должны таинственно стать подобными херувимам — высшим Ангелам, окружающим престол Господа, воспевающим Пресвятой Троице: *Иже херувимы тайно образующе и Животворящей Троице трисвятую песнь припевающе, всякое ныне житейское отложим попечение.* Здесь Церковь земная и Церковь Небесная сливаются воедино. И небо, и земля согласно восхваляют Господа.

Слово «Ангел» — греческое. Оно означает «вестник», Ангелы возвещают людям волю Божию. Священное Писание сохранило повествование о том, как Архангел Гавриил был послан Господом в Назарет, чтобы возвестить Деве Марии о предстоящем от Нее рождении Спасителя мира. В день Благовещения мы поем дивную стихиру: *Совет Превечный, открывая Тебе, Отроковице, Гавриил предста, Тебе лобзая и вещая...* Ангел возвестил пастырям вифлеемским о рождении Спасителя мира. В ночь светлого Христова Воскресения Архангел Гавриил явился Пресвятой Деве Марии и возвестил Ей о Воскресении Ее Божественного Сына.

Ангелы не только возвещают о великих событиях в жизни человека, они помогают людям в течение их повседневной жизни. Каждый из нас имеет своего Ангела Хранителя, посылаемого нам Господом. Ежедневно за Божественной литургией и за другими богослужениями мы просим у Господа, чтобы Он послал нам *Ангела мирна, верна наставника, хранителя душ и телес наших.* Наша вера в помощь Ангела Хранителя отражена во многих канонах, стихирах, песнопениях, которые сложили наши богомудрые отцы и подвижники благочестия. К Ангелу Хранителю обращаемся мы в минуту размышлений о мытарствах, которые предстоит нам испытать после смерти, и о Страшном суде, когда откроются наши темные помыслы и скверные деяния.

Дивно и славно служение ангельское у Престола Божия, и оно как бы приоткрывает пред нами завесу и нашей будущей жизни, когда и мы предстанем пред Господом славы.

По непреложному слову Господа нашего, великая радость бывает на небесах даже об одном кающемся грешнике (ср.: Лк. 15, 10). Поэтому будем просить наших небесных покровителей — Ангелов Хранителей, да помогут они пройти наш жизненный путь в чистоте, дабы сподобиться нам вместе с ними восславлять Отца нашего Небесного пред Его святым Престолом. *Аминь.*

Священник Сергий ПОЛЯКОВ,

Москва

Милосердие в деле спасения

(по учению святителя Тихона Задонского)

Христианское милосердие — это особое чувство, которое имеет своим источником Бога и которое выражается в доброте, благожелательности, сострадании к ближним, в долготерпении к согрешающим и прощении обид врагам. Эта добродетель неизменно сопутствует любви, как теплота огню (2, 355)*. И если какой христианин не имеет в себе милосердия, то он не только лишен любви, но и христианского духа (3, 366), а значит, пребывает во тьме греховной (4, 379). По мысли Задонского подвижника, если любовь выше всех добродетелей, а милосердие есть выражение любви, то оно одно (милосердие) ходатайствует пред Богом и просит у Него милости для благодетеля (5, 181). Богу бывает любезнее не тот человек, который упражняется только в молитве, но тот, кто стяжал в своем сердце и милосердие, потому что молитва без милостыни — как голос, вопиющий в пустыне, или древо без плодов (5, 121). И какую бы милость ни оказал христианин ближнему, Господь принимает ее как оказанную Ему Самому. Особенно большое значение эта добродетель будет иметь на Страшном суде Христовом, когда участь человека будет определяться в зависимости от того, имел ли он в своей душе милосердие, этот плод любви, или нет (2, 343). Если даже язычники, движимые естественным законом, проявляют милосердие к нуждающимся, то христианина тем более должно подвигнуть к этому не только родство естественное, так как все имеют одного праотца — Адама, но и родство духовное и более всего — Имя Христово (2, 348). Вполне естественно, замечает святитель, если кто хочет, чтобы его любили, не обижали и помогали в земной жизни, то все это он прежде пусть исполнит сам. Тогда ему непременно воздастся не только на земле во сто крат, но и на небе (1, 57; 2, 336). В такой настроенности — вся «христианская наука». Сие есть изрядное художество. Сей философии обучающийся есть истинный «мудрости любитель», и изучать эту науку христианин должен «от младенчества до кончины живота» (4, 214).

Побуждая к милосердию последователя Христова, святитель Тихон напоминает, что в вечную жизнь никто не сможет взять с собой материальные ценности: человек наг приходит в этот мир, нагим и отходит из него. Напротив, дела милосердия ради Христа являются залогом вечных, нескончаемых благ (2, 349), причем благотворительность бывает полезной и доставляет великое благо только тогда, когда она совершается христианином в течение всей жизни, а не в конце лишь ее. Естественно, замечает святитель, никто из людей не станет угощать гостей остатками от своей трапезы, тем более унизительно и даже грешно склонять Бога на милость остатками своей жизни, к тому же неизвестно, когда наступит минута, открывающая вечность. Поэтому необходимо отложить все мысли, отвлекающие от любви к ближнему и связывающие сердце скупостью и сребролюбием (2, 351), и стремиться делать добро постоянно и неленостно. Как же христианин может обращаться к своему Создателю с молитвой: «Услыши мя, Господи», когда «сам не слышит бедного или паче в бедном Самого Христа вопиющего»? «С каким упованием,— говорит святитель,— простреш руце твои к Создателю твоему, когда сам подобного себе простирающего руце отвращаешися? Милостив Бог и преклоняется естественным милосердием на молитву, но на молитву милостивых, ибо таковыми жертвами, то есть страннолюбием и обещанием, благоугождается Бог, глаголет апостол» (2, 348).

Добродетель милосердия не должно понимать в узком смысле как лишь оказание материальной помощи нуждающимся; она включает в себя и духовную поддержку ближнего, ибо человек состоит из души и тела. Следовательно, и милость, ему оказываемая, также должна быть двоякой: душевной и телесной. Дела милосердия, относящиеся к телесной жизни, выражаются в том, чтобы напитать алчущего, одеть нагого, уврачевать больного, помочь человеку в нужде, трудах и опасных для жизни и здоровья обстоятельствах и т. д. Однако святитель Тихон не относит к разряду нуждающихся лиц, которые сами могут трудиться, но по своей лености удаляются от этого и даже тратят полученную помощь на пьянство. Всех их он называет обманщиками, ворами и хищниками и говорит, что таковых ожидает за гробом не утешение, но суровый Суд Божий, если не принесут в этом истинного раскаяния (2, 359).

Дела же милостыни духовной могут проявляться в том, чтобы наставить на путь истины заблуждающегося, отвлечь человека от греха, исправить порочного, утвердить колеблющегося среди искушений, утешить скорбящего, снисходить к немощам слабых, но без потворства страстям и порокам, прощать оскорбления, обиды, молиться о спасении всех (1, 169).

Хотя оба вида милосердия, телесное и духовное, имеют величайшее значение для спасения

* При ссылках на творения святителя Тихона первая цифра обозначает том творений (изд. 6-е, СПб., 1899), вторая — страницу. Тексты Священного Писания цитируются по творениям святого отца.

христианина, однако святитель отдает предпочтение последнему, указывая, что как душа больше тела, так и духовная милость, оказываемая ближнему, а вместе с нею и любовь к нему, выше ценится в очах Божиих. «Христос бо весьма души человеческие любит, так что и умереть за них благоизволил. И потому ничто не может благоприятнее Ему быть, как спасение человеческое; и никто не может более Его любить, как тот, который спасение ближнего ищет» (2, 345).

Такая активная любовь христианина к ближнему уподобляет его милосердному Богу (1, 169) и способствует исполнению заповеди Христовой: *Будите убо милосерди, якоже и Отец ваш милосерд есть* (Лк. 6, 36), «Кто творит милостыню ближнему, тот подражает Ему (Богу) и тако лучшую паче всякой жертвы приносит Ему жертву» (5, 120).

Как подчеркивает святитель Тихон, христианское милосердие должно быть нелицемерным и постоянным, особенно в отношении к братьям по вере, ибо все верующие во Христа составляют как бы один организм — суть члены одного тела (5, 116). В сочинении «О истинном христианстве», сравнивая действия христиан с взаимодействием членов тела, святой отец подробно объясняет, как они должны заботиться и помогать друг другу. «В вещественном теле,— говорит он,— аще страждет един уд, соболезнуют ему и прочие вси уды: тако и в теле духовном христиане должны друг другу соболезновать и сострадать. Когда един христианин бедствует и страждет, его бедствием и страданием подвигнуться должны и прочие христиане. Аще убо какой христианин над бедствием брата своего милосердием не подвигнется: свидетельствует о себе, что христианского духа не имеет... Христианин бо не может быть без веры, вера — без любви, любовь — без милосердия» (3, 366). Как в человеческом организме члены стараются помочь друг другу и тем самым взаимно усердно служат и оберегают все тело человека, точно так же должны проявлять милосердие друг к другу и христиане, помогая словом, советом, молитвой или же самим делом (3, 367). И эта взаимная помощь в деле спасения имеет огромное значение, поскольку все христиане, составляя на земле Церковь Воинствующую, единый братский союз, подобно воинам, должны вести брань с духами злобы. Раз «диавол и ангелы его единодушно на христиан вооружаются и погибели их ищут», то и «христианам (должно) с помощью Божией противу их стоять и друг друга побуждать» (2, 345). Как в живом организме, если какой член не живет общей жизнью со всем телом, то постепенно отмирает и отпадает или его отсекают, так и человек, не имеющий милосердия к людям, удаляется от Церкви Христовой и, следовательно, умирает духовно.

Зная все это, христианин на протяжении всей своей жизни обязан постоянно упражняться в добродетели милосердия и уподобляться доброму врачу, проявляющему заботу о другом человеке до самопожертвования. А это, в свою очередь, сделает его сердце сострадательным к каждому человеку, находящемуся в нужде (2, 345—347). Кроме того, лица, стяжавшие эту добродетель, не только будут помилованы Богом (ср.: Мф. 5, 7), но и станут одесную Его в Царствии Небесном (ср.: Мф. 25, 34), в то время как не сотворившим милости будет суд без милости (ср.: Мф. 25, 41) (1, 170; 2, 347).

Углубляя мысль о христианском милосердии и его значении в деле спасения человека, святитель говорит, что добро необходимо делать без ожидания выгоды или похвалы, с усердием и сердечным расположением (2, 354). Оказывая милость людям, христианин должен всячески остерегаться самомнения, тщеславия и превозношения, потому что страсти могут обесценить добродетель в очах Божиих, и тогда вместо похвалы и награды от Бога человек может навлечь на себя Его гнев и осуждение (2, 356).

Таким образом, добродетель милосердия оказывает самую существенную помощь в деле спасения человека и ходатайствует пред Престолом Всевышнего не только об отпущении грехов его и помиловании, но и о блаженной вечности вместе с небожителями.

Архимандрит ИОАНН (Маслов),
магистр богословия

Святитель Тихон ЗАДОНСКИЙ
Что такое покаяние

Просишь ты сего слова: *покайтеся,* изъяснения. Я тебе некогда по силе моей писал о том и ныне о том же кратко повторяю. Что говорят люди, когда узнают, что сделали или сказали что-нибудь худо: «Ах, как я худо сделал или худо сказал». Видишь, что они жалеют о содеянном зле или сказанном худом слове, а когда жалеют, то впредь берегутся того делать или говорить. Подобное в христианском покаянии примечается. Истинно кающиеся, узнав грех, жалеют, что его творили, и берегутся его впредь, подобно тому, как кто, приняв от чего-нибудь язву или вред, уже бережется того. Ибо согрешающие христиане язву приемлют не на теле, но на душе, тот же, кто истинно сию язву узнает, тот уже уязвляется печалью и жалеет, что принял ту язву, и впредь от того бережется. Он себя осуждает и укоряет: «Напрасно-де я делал то». Грех же, узнанный в совести, делает в человеке страх, стыд, печаль и болезнь: вот, что его и не допускает до греха. Видишь, что делает покаяние! Человек познает грех, за познанным грехом следует страх Суда Божия, стыд, что бесстыдно пред Богом поступал и закон Его нарушал, печаль и болезнь, что Благого Бога, Которого должен был любить и бояться, прогневлял. Так человек, узнав грех, видит и язву на душе, а узнав язву, уязвляется печалью и тако язвою печали исцеляется от язвы греховной. Берегись же греха, как змия, да не уязвит тебя. Лучше на теле, нежели на душе, язву принять. Спасайся.

Кесарю кесарево

Историческая апология

Империя лжи, которая была создана в 1917 году и просуществовала до недавнего времени и последствия жизнедеятельности которой до сих пор продолжают сказываться, породила очень много следствий — ложных институтов, пониманий и ложных представлений. Одно из таких представлений живет и сейчас, сказываясь на общественных настроениях, питая публицистику, оказывающую внимание околоцерковным темам. Одно из ложных представлений заключается в том, что Церковь и государство могли бы жить независимо друг от друга в том случае, если бы большевистская идеология не пыталась вторгаться во внутрицерковную жизнь. Еще одно ложное утверждение заключается в том, что Церковь была якобы отделена от государства. Против этих двух утверждений нужно возражать, потому что из них рождается неправильное понимание того исторического факта, что на протяжении всего большевистского периода Церковь сотрудничала с государством, ибо не сотрудничать с государством она не могла — ведь Церковь есть не только Небесный организм, но и земной. И в силу своего земного существования она входит тканью своей жизни в человеческую общность и, естественно, в государственность. Если Церковь стоит на земле, то эта земля имеет границы, то есть представляет собой территорию, принадлежащую церковному дому, храму, церковной общине. Таким образом возникают имущественные права, возникает необходимость в строительстве, ремонте и всем прочем. И, конечно, Церковь — это прежде всего люди, входящие в ту или иную общность, являющиеся гражданами государства.

Конечно, не все религиозные общности столь тесно связаны с обществом и государством. Хорошо известно, что только Православие, католичество, мусульманство, иудаизм наиболее подвергались при советской власти притеснениям в силу того, что зависели от многих гражданских, общественных, юридических, имущественных обстоятельств. Тогда как баптисты, несмотря на то, что были гонимы при большевиках, меньше претерпели в силу того, что, не нуждаясь в храмах и в меньшей степени завися от земного, могли тайно проводить свои собрания. Но Церковь Православная, которая имела десятки тысяч храмов, сотни монастырей, не могла не зависеть от государства, и эта зависимость была долгой и страшной болью и болезнью для православного русского общества. Эта болезнь многим стоила жизни, многим — душевной муки и духовного подвига, а для кого-то стала погибелью души. Очевидно, что Церковь быть независимой от государства не могла.

Ложь первая, обращенная большевиками к государству и народу, заключалась в том, что отделение Церкви от государства — благо и для Церкви, и для государства, в то время как на самом деле эта акция означала ставку на уничтожение Церкви и укрепление атеистической государственности и неизбежно вело к разобщению в обществе. Несомненно, правы некоторые публицисты-историки в том, что большевики и не собирались предоставлять Церкви независимости. Это было уловкой, чтобы можно было с Церковью расправиться за рамками закона.

Однако очень скоро большевики стали понимать, что уничтожить Церковь не удается. В силу каких причин, почему Церковь заставила большевиков считаться с собой? Этот вопрос, к сожалению, должен остаться за рамками ограниченной избранной темы статьи. Скажем только, что к концу 20-х годов стало ясно, что государство, которое возникло на руинах Российской империи, государство, построенное на идеологии большевиков, будет относиться к Церкви иначе, чем требовала того большевистская идеология и к чему стремился партаппарат. Итак, мы подошли к утверждению первому, которое имеет принципиальное значение для понимания проблемы взаимоотношений Церкви и государства, которое не есть то же самое, что взаимоотношение большевистской идеологии с Церковью.

Трудно представить разделенными советское государство и идеологический аппарат, который это государство наполнял. И тем не менее смеем утверждать, что эти вещи разные. И в некоторые исторические периоды это было очевидно. Мы имеем в виду прежде всего конец 20-х — начало 30-х годов, когда началась политика компромисса, ознаменованная тенденцией подчинения Церкви государству. Доктрина большевистская — внешняя, пропагандистская, идеологическая — оставалась все той же: Церковь должна быть

уничтожена, верующим нет места на земле, пролетариат не нуждается в религии. Но временами идеологическое давление, шумиха смолкали и наступало затишье до нового постановления ЦК ВКП(б), нового съезда, до нового призыва. Аресты, физическое уничтожение духовенства, монашествующих, верующих продолжались, но в 30-е годы многое незаметно изменилось. Не афишируя этого, большевики закрывают несколько антицерковных изданий, расформировывают антицерковные институты. И хотя в конце 30-х годов Ярославский объявляет атеистическую пятилетку безбожников, тем не менее давление на Церковь, как таковую, уменьшается. Это не означает, что верующих не преследуют, хотя с 1931 года и начинает выходить церковный журнал, действует Священный Синод Русской Православной Церкви. Митрополит Сергий совершает богослужения в храмах и осуществляет свою каноническую деятельность как Первоиерарх. Он запрещает священников, которые вступают второй раз в брак, налагает прещения на тех, кто незаконно объявляет себя священником и епископом. Иными словами, Церковь существует в каноническом, в литургическом, реальном, человеческом, измерении, продолжает взаимодействовать с государственными структурами, которые на этот период учреждаются, а именно с Постоянной Центральной Комиссией по вопросам культа при ВЦИК. Комиссия эта существовала с 1929 до 1938 года и предваряла Совет по делам религий при Совете Министров СССР. Государство с Церковью функционирует негласно, вопреки большевистской доктрине.

Именно в 30-е годы, годы самых массовых гонений на Церковь, закладывается первое ненормальное, неестественное, но тем не менее необходимое взаимодействие государства и Церкви. Церковь лишают многих прав, у Церкви все отнимается, закрываются храмы, но как реальный организм, де-факто, Церковь существует и государством де-факто признается. Из этого исторического факта следуют два вывода: с одной стороны, Церковь, официально, легально существующая даже в эпоху невиданных гонений взаимодействует с государством, тогда как идеологически настроенные государственные структуры продолжают ее преследовать. В то же время в государстве, объявившем себя атеистическим, специальные органы взаимодействуют с Церковью и в этом заключается великая ложь советского государства. Государство лукаво двоится. С одной стороны, оно обязано подчиняться идеологической структуре, полностью сформированному к 30-м годам партаппарату, с другой стороны, государство вынуждено функционировать вопреки партаппарату, вопреки объявленной идеологической программе.

В совершенно противоестественных условиях функционирует государство. Большевики закрывают глаза на существование Церкви. И во время войны большевистская доктрина в отношении Церкви и религии остается неизменной, но партаппарату, прежде всего И. В. Сталину, приходится делать много отступлений от своей идеологической позиции. Советское государство декларируется как Отечество, Отчизна для народа, а не просто государственное образование пролетариата. Приходилось считаться и с Церковью, ибо война не только испугала И. В. Сталина и партаппарат, она заставила считаться с серьезнейшим фактором духовного и общественного состояния, с тем, что Церковь — неотъемлема от духовной жизни народа. И если бы не патриотическая позиция Церкви, то положение партаппарата, положение большевистского государства было бы гораздо более шатким во время войны и, может быть, даже проигрышным. Таков парадокс. Усилия Церкви по патриотическому и духовному воспитанию помогали большевикам удержаться у власти. Недаром А. И. Солженицын писал в «Истории русской освободительной армии», что русский народ своей победой в войне укрепил над собой власть тирании.

Ложь и двойственность, характерные для советского государства, определяли и двойственное положение Церкви. После знаменитого ночного разговора И. В. Сталина с Митрополитом Сергием (Страгородским), митрополитом Алексием (Симанским), митрополитом Николаем (Ярушевичем) в Кремле начинается сотрудничество Церкви и государства. И когда многие говорят, что с тех пор (и даже еще раньше, с Декларации Митрополита Сергия), Церковь стала сотрудничать с богоборческой властью, надо всегда отдавать себе отчет в том, что Церковь и не могла не сотрудничать с этой властью, поскольку эта власть олицетворяла собою государство. Но Церковь никогда не сотрудничала с самими богоборцами, взаимодействие между Церковью и партаппаратом осуществлялось через государственные структуры. Церковь находилась под пристальным вниманием НКВД (позднее КГБ), Совета по делам религий. Но это были официальные государственные органы, и с этим приходилось считаться. Беда заключалась в том, что эти органы власти наполнялись богоборческим, антицерковным и антинародным содержанием.

После смерти И. В. Сталина идеологическая концепция партии по-прежнему оставалась антицерковной. Верный воспитанник партии, ставший ее лидером, Н. С. Хрущев предпринял новые гонения на Церковь, обусловленные тем, что партаппарат, вновь почувствовал силу, вопреки государственным интересам, продолжает реализовывать свою изначальную программу, предусматривающую

уничтожение Церкви. Н. С. Хрущев утверждал, что скоро не останется ни одного попа. Но этого опять не происходит. Церковь выживает, ибо *врата ада не одолеют ее* (Мф. 16, 18). Вынужденный смириться с существованием Церкви, партаппарат предпринимает попытки использовать ее авторитет в своих целях. В конце 60-х — начале 70-х годов правительству Л. И. Брежнева потребовались широкое международное признание и поддержка. Это было время, когда советская сверхдержава особенно активно заявляла о себе на мировой арене и поставленная перед необходимостью считаться с международным общественным мнением пыталась вовлекать в свою деятельность и Церковь. Именно в 60-е — 70-е годы взаимодействие с государством, с партаппаратом в «борьбе за мир» позволили Церкви упрочить свое положение внутри страны. Развивается церковная печать, Соборы собираются чаще, чем это было позволено при И. В. Сталине, ширится духовное образование, рукополагаются молодые образованные священники.

Однако в этот период государственная структура, какой являлся Совет по делам религий, в силу своего предназначения должен был входить в общение с иерархией Русской Церкви, вникать в проблемы, волнующие Церковь — в проблемы взаимоотношений Церквей и конфессий, в проблемы внутренней церковной жизни. Это происходит в силу того, что идеология пыталась через государственные структуры влиять на Церковь. Но это происходило также и в силу того, что нормальное государственное функционирование предполагает взаимодействие и по внутрицерковным вопросам. Сейчас, когда органы государственной власти на уровне советов народных депутатов, на уровне парламента могут существенно помочь внутрицерковным вопросам, никого не удивляет, что депутатами обсуждаются вопросы церковной деятельности, проблемы церковной жизни и участия в ней. Разница между государственными структурами прошлого и настоящего должна быть отчетливо понята: в ней есть не только идеологическая разность, но и функциональная общность. И в прошлом, и теперь властям приходится учитывать религиозные нужды народов, межцерковные проблемы. В силу этих причин в Совете по делам религий создавались не только отделы Православия, ислама и т. д. Совет по делам религий принимал участие в обеспечении Церкви, прежде всего ее иерархии, конечно, техническими и интеллектуальными средствами. Нуждаясь в интеллектуальных силах, которыми владеет общество, государство, сейчас Церковь может свободно общаться с любыми общественными государственными институтами, иерархия может интеллектуальные силы черпать напрямую из любого общественного источника. Но тогда единственным источником, где Церковь могла почерпнуть интеллектуальные силы, был Совет по делам религий. Любой переводчик, любой дипломат, чтобы получить в силу своего призвания, в силу своей веры и желания работу в Церкви, должен был получить разрешение на это или заказ через Совет по делам религий. Сотрудники церковных учреждений могли получить доступ в библиотеку, в архив, в любой государственный институт или организацию только через Совет по делам религий, потому что, с одной стороны, государство ограничивало активность Церкви, с другой стороны, контакты с Церковью гражданских учреждений или организаций вне ведома Совета по делам религий могли повлечь за собой неприятности. Таким образом, единственно возможным окном, через которое Церковь общалась легально с государственными структурами, был Совет по делам религий. Лживая, двойственная и уродливая ситуация. Но в такие условия были поставлены общество и Церковь. Общество общалось с Церковью, общество и государство взаимодействовали с Церковью неестественным, неживым путем.

Может ли само по себе т а к о е сотрудничество Церкви и такого государства быть предосудительным? Именно т а к о е сотрудничество церковной иерархии и государственных институтов не может и не должно быть осуждено. Что касается взаимоотношения церковной иерархии с КГБ, то есть с той самой организацией, которая осуществляла гонения на Церковь, здесь все намного сложнее и намного трагичнее. Ибо именно КГБ осуществлял богоборческую функцию в государстве, которая вытекала из большевистской идеологической доктрины. Свобода информации и гласность позволяют нам в настоящее время иметь определенное представление о роли и позиции КГБ в отношении Церкви.

В 30-е годы в НКВД сотрудничали люди, соответствующие этой доктрине, убежденные богоборцы и атеисты. Но даже среди них находились люди верующие, которые осуществляли свою страшную кровавую миссию против своего желания. То же самое продолжалось и во время войны. Но вот после сталинского периода пришло новое поколение в КГБ. Люди, которые работали теперь в КГБ, были далеко не все такими же яростными атеистами, как их предшественники. Среди них было немало действительно атеистов и тех, кто считал попов врагами, кто искренне и сознательно осуществлял свою карательно-кровавую шпионскую деятельность против Церкви. Но именно в 60-е и 70-е годы КГБ не только карает, но и взаимодействует с Церковью. В силу государственной необходимости КГБ вникает в самые разнообразные области общественной

Патриарх и Президент — власть церковная и государственная

жизни, в том числе и церковной, в качестве сыскного агента, в качестве внутригосударственного аналитического органа. Оставим за рамками нашего разговора нравственную позицию такого государства, которое вмешивается во внутрицерковные дела, но одно несомненно: власти нужно знать, что происходит в тех или иных социальных слоях, что происходит в тех или иных группах, а тем более — что происходит в Церкви.

Государство должно иметь религиозную, национальную, социальную программы. Для этого оно нуждается в информации о том, что происходит в тех или иных социальных группах. Таким образом уже в 30-е и 40-е годы кроме карательной функции НКВД, впоследствии КГБ, осуществляет и аналитическую функцию, функцию внутреннего исследователя. Плодами этого исследования пользуется прежде всего карательный аппарат. КГБ начинает выступать в качестве советчика власти, и иногда эти советы оборачиваются к пользе Церкви. Например, в годы войны войсковая разведка донесла И. В. Сталину, что на оккупированной территории оккупационные власти Гитлера открывают храмы, чтобы завоевать доверие народа. Сталину ничего не оставалось делать, как разрешить открывать церкви на советской территории. Другой пример: после войны на Западной Украине происходит активная антисоветская вооруженная борьба. Эту вооруженную борьбу поддерживает прежде всего униатское население. Сталин предпринимает успешную попытку уничтожить униатство на Украине и насильно делает униатское население православным. Что из этого вышло — мы теперь видим, но в течение всего периода пленения униатов КГБ занимается униатским вопросом. Уже в последние годы, но еще задолго до того, как первые униатские пикетчики появились у здания Совета по делам религий на Смоленском бульваре и на Арбате, КГБ предупреждал, что униатский вопрос — бомба, подложенная как под советское государство, так и под целостность Православной Церкви. КГБ предупреждал о том, что настроение украинских униатов может быть использовано против власти, что необходимо искать пути смягчения этих настроений. Необходимо было разрешение униатского вопроса — легализация униатства. Но власть редко слушала своих советчиков...

В 1961 году, когда по настоянию Совета по делам религий Церковь передавала все имущество в храмах выборным органам, а фактически — агентам уполномоченных Совета по делам религий, агентам районных властей и КГБ — так называемым старостам, тогда впервые возникла в Церкви своя церковная буржуазия, не подвластная ни церковным властям, ни государственным, но только КГБ и уполномоченным Совета по делам религий на местах. Возникла мафия — очень малочисленная группа людей, но тем не менее очень состоятельная, ибо в их руках сосредоточивались все церковные деньги. В конце 70-х годов МВД и КГБ было проведено несколько оперативных дел по преступлениям церковных старост, которые ничем не закончились. Прокуратура и розыск были беспомощны, так как финансовые преступления совершались не против государства, не против гражданина, а против общины храма, которая ничего не значила. Теперь церковная иерархия, плененная не только государством, не только Советом по делам религий, но и «выборными» старостами, была вовсе не в силах разрубить узел зла. Государство через КГБ и через Совет по делам религий связывает Церковь по рукам и ногам. К той лжи и двойственности, которая существовала, добавляется новая.

Церковь разворовывалась ставленниками от государства, и парадоксально, вопреки государственным интересам, потому что государство не получало ни налогов, ни отчислений. Единственным выходом из этого положения с государственной точки зрения было взимание с Церкви денег в Фонд мира, другие общественные фонды.

Именно в это время в стране начали расти секты, а им не нужны ни храмы, ни монастыри. Религиозные секты опасны не только для Церкви, но и для государства. Тогда как Православная Церковь воспитывает безусловное трудолюбие и любовь к Отчизне, патриотизм, призывает к защите Родины, благословляет мужчин, юношей на службу в армии, многие секты запрещают своим членам держать в руках оружие. Государство действительно сталкивалось с проблемой, когда молодые верующие люди отказывались служить в армии. И это было следствием того, что религиозным людям проще было вступить в секты, нежели открыто прийти в православный храм. Наиболее компетентные и непредвзятые сотрудники КГБ предупреждали власти о том, что лучше открывать монастыри, лучше разрешать открывать православные храмы, чем запрещать и тем самым способствовать расширению баптизма. И, действительно, последствия ограничения Православия очень быстро сказались. Сибирь и Дальний Восток завоевывались сектантами и явились ареной трудной борьбы Православия с сектантством. А все это — последствия той большевистской государственной политики, которая проводилась в последние десятилетия.

МВД и КГБ приходилось также противостоять мафии, которая продавала иконы и церковную утварь за границу. Мафия эта пронизывала и самое нутро этих структур. Однако в силу своих служебных обязанностей милиция и госбезопасность возвращали в госхранилища, а теперь и Церкви, награбленное церковное имущество.

Складывается впечатление, что взаимодействие Церкви и государства было опосредовано КГБ не только как гонителя и гонимого, но и как взаимодействующих партнеров. Конечно, нельзя говорить, что здесь КГБ выступал с нравственной позиции. Нет! Он выступал с двойственной, тройственной позицией, антинравственной и антицерковной. Но тем не менее некоторое, хотя и ненормальное, взаимодействие между Церковью и КГБ происходило и оно не подлежит безусловному осуждению как со стороны Церкви, так и общественности. Деятельность КГБ, как ни парадоксально, может быть полезной как для формирования внешней церковной, так и внутренней политики. Ибо такой аналитический орган, обладающий, наверное, самой подробной и самой полной информацией внутри Российского государства и в мире, может помочь в вопросах взаимоотношений с Католической Церковью, в вопросах взаимоотношений с сектами. Но только не таким образом, как это было сделано в 1946 году. Помочь прежде всего аналитически, информационно. Отказаться от этой помощи, гнушаться такой помощью неразумно.

Таким образом, связь между Церковью, церковной иерархией и государством существовала до войны, после войны, существует и теперь. И когда мы встаем перед вопросом о компрометации церковных деятелей из-за их якобы сотрудничества с КГБ, мы должны прежде всего разобраться: что допустимо в сотрудничестве Церкви с государством, допустимо ли сотрудничество Церкви с богоборческой властью, богоборческими организациями, какой являлась Коммунистическая партия, что было предметом или какова была область сотрудничества. Только дав себе ответ на эти и другие важные вопросы, можно выносить решение о нравственности или каноничности действий церковных лиц. Несомненно, нельзя оправдать тех иерархов и мирян, которые подчинялись воле КГБ, запрещали священнослужителей или гнали их со своих мест, не давая им служить. Конечно, подлежат осуждению те иерархи, которые, послушно следуя указаниям властей, не рукополагали достойных кандидатов, накладывали прещения на священников, достойно исполнявв-

ших свой пастырский долг. Конечно, подлежат осуждению те иерархи, которые сами предавали в руки властей неугодных им священников. Конечно, виноваты те иерархи, которые с помощью КГБ и Совета по делам религий делали себе карьеру.

Но главное, что хотелось бы сказать в этой небольшой апологетической работе,— это то, что взаимодействие Церкви с советским государством и с его учреждениями не должно стать огульным обвинением. Это взаимодействие нормально, оно всегда было и будет. Осуждать можно только конкретные поступки, направленные против Церкви, принесшие ей боль, вызвавшие человеческие жертвы и нарушившие нормальную духовную жизнь. Подлежит внимательному исследованию вся история жизни Церкви при советском государстве и только после отчетливого вывода о том, что происходило и что было совершено теми или иными лицами, можно делать выводы о их нравственности, церковности, вере.

Это тщательная работа должна быть немедленно начата, она должна проводиться на всех уровнях, всеми. Если светские журналисты берутся за столь сложную и не всегда им понятную тему, то они должны быть прежде всего исследователями, а не политическими агитаторами. Если историки берутся за эту тему, они должны стать не только хронографами, но и чуткими аналитиками. И, конечно, церковные историки должны осмыслить тот громадный материал, который дает история Церкви в советское время. Это прежде всего богатейший мученический мартиролог, история гонений и мучений и великого подвига народа. Велика трагедия Русской Церкви, которая должна быть тщательно исследована и понята. Для церковного историка также необходимо осмыслить тот факт, что история жизни Русской Церкви в советском государстве — весьма необычный и новый материал, нуждающийся в серьезном экклезиологическом размышлении.

Какие выводы сделает читатель из нашего размышления — сказать трудно, но несомненно одно: опыт Русской Православной Церкви, прошедшей страшнейшие и еще не закончившиеся испытания, дает совершенно новый материал для понимания места Церкви на земле.

Диакон Андрей ЛОРГУС

Несколько слов о статье отца Андрея Лоргуса

Статья диакона Андрея Лоргуса «Кесарю кесарево. Историческая апология» представляет несомненную ценность для каждого, кто непредвзято стремится осмыслить положение и жизнь Русской Православной Церкви в ее трагический период — от октября 1917 года до начала Великой Отечественной войны. Статья несвободна от спорных, не совсем точных утверждений, но это не умаляет ее значительных достоинств.

Вместе с тем представляется необходимым высказать суждение по одному из принципиальных утверждений автора, будто бы Митрополит Сергий (Страгородский) в конце 20-х годов положил начало «церковной политике компромисса».

В статье обоснованно говорится о том, что Церковь в Советском Союзе, как и в любой другой стране, не могла быть всецело независимой от государства и что для осуществления многих сторон своего служения верующему народу она нуждалась в нормализации этих отношений, которые не следует смешивать с компромиссом в делах веры, чуждым Митрополиту Сергию. Такое положение было очевидным уже для приснопамятного Святейшего Патриарха Тихона, заложившего основы процесса нормализации и деятельно его развивавшего до своей кончины в 1925 году.

Митрополит Сергий продолжил курс Святейшего Патриарха Тихона, получивший в 1927 году выражение в Послании Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и временного Патриаршего Синода архипастырям, пастырям, иночествующим и всем чадам Святой Всероссийской Православной Церкви, которое принято именовать «Декларацией». Владыка Митрополит Сергий не отходил от курса своего предшественника и представляется необоснованным утверждение о наступлении в конце 20-х годов «церковной политики компромисса».

Эта тема получила глубокую разработку в исследовании Д. В. Поспеловского, профессора университета Западного Онтарио, Канада, «От Патриарха Тихона — к Митрополиту (Патриарху) Сергию: преемственность или предательство», опубликованном в ежеквартальном журнале Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата «Церковь и время» № 3 (1992 год). Свою статью Д. В. Поспеловский завершает следующими словами: «Можно, конечно, упрекнуть Митрополита Сергия в том, что он... добивался легализации, которая, мол, этого не стоила, ибо никак не уберегла Церковь от разгрома 30-х годов. Но и тут он последовательно продолжал дело Патриарха Тихона и Митрополита Петра. Никто из них не предвидел погромного законодательства 1929 года и ужасов, начавшихся в том году и продолжавшихся до 1939 года».

А. БУЕВСКИЙ

Капитуляция или компромисс?

Немного найдется событий в истории Русской Православной Церкви, в отношении которых нет единого мнения как среди их современников, так и среди потомков. Такие события как бы вбирают в себя все острые и неразрешимые проблемы времени, все скорби мира, все разделения и нестроения людей — и потому представляются тугим клубком противоречий, распутать который нелегко и десятилетия спустя. К числу таких событий безусловно относится и знаменитая Декларация о лояльности, которую в июле 1927 года в условиях все более растущего государственного гонения на Церковь издает Заместитель Патриаршего Местоблюстителя Митрополит Сергий (Страгородский). Этот шаг имел следствием раскол русского Православия: многие епархии не признали заявления Сергия, указывали на его каноническую неправомочность, возвращали в знак протеста декларацию «ее автору». Часть епископов прервала общение с Митрополитом Сергием; возникло движение «непоминающих», а с дальнейшим расширением преследований со стороны власти — и так называемая «катакомбная Церковь».

Чем же были в истории Русского Православия Декларация 1927 года и провозглашенный ею новый церковный курс: капитуляцией перед безбожным коммунистическим государством, связанной с личным малодушием Митрополита Сергия, страшным падением, вызванным пусть искренним, но от того не менее тяжким заблуждением Первоиерарха, или, напротив, мудрым компромиссом, единственной возможностью сохранить Церковь в воинственно-атеистическом окружении? Ответ на этот вопрос следует искать как в историческом изучении церковных условий того времени, так и в анализе личности Митрополита Сергия и его деятельности в предшествующую эпоху — анализе, которого, как правило, избегают сегодняшние хулители Патриарха Сергия.

Обширна и разнообразна была деятельность Владыки Сергия до революции: миссионер и помощник Начальника Православной миссии в Японии; священник на русском военном корабле; настоятель в посольском храме города Афины; инспектор Московской Духовной Академии; ректор Санкт-Петербургской Духовной Семинарии и затем Академии; епископ Ямбургский, архиепископ Финляндский, митрополит Владимирский и Шуйский; постоянный член Святейшего Синода; председатель Предсоборного Совещания. Но помимо многогранной архипастырской деятельности, Митрополит Сергий являлся (один из немногих среди русских епископов XX века) глубоким и авторитетным богословом. Его магистерская диссертация «Православное учение о спасении» и сейчас сохраняет свое большое значение в борьбе против так называемой «юридической доктрины» [1]. В известном споре о Софии с одним из крупнейших богословов XX века протоиереем С. Н. Булгаковым митрополит Сергий выступает его достойным противником (1935 г.) и указывает на целый ряд противоречий и трудностей, возникающих при попытке согласовать софиологические представления отца Сергия с православной догматикой.

Отдельно следует сказать об участии епископа Сергия в Петербургских «Религиозно-философских Собраниях», в качестве председателя которых он много способствовал сближению православного духовенства с богословствующей интеллигенцией. Эти собрания послужили образцом для многочисленных религиозно-философских обществ, активная деятельность которых была тесно связана с возникновением и расцветом в предреволюционной России духовного и культурного движения, впоследствии получившего название «Русский религиозно-философский ренессанс». Именно через такие собрания, форма которых сложилась при непосредственном участии епископа Сергия, светским богословам и философам была предоставлена возможность ощутить соборный дух поиска религиозной истины, характерный для русского Православия. В благодарственном адресе, составленном членами-учредителями Петербургских Собраний епископу Сергию, последние отмечали: «Не иерарха и не председателя увидели во главе у себя члены собраний, а христианина, который, оглядываясь на ведомых, говорил: «И все будьте христианами — и пока вы будете христианами, вы всего достигнете, вы вечно пойдете вперед, будете во всем преуспевать... Создалось внимание, родилось ревностнейшее у всех любопытство к делу, к морю предлежавших обсуждению вопросов, и таким-то образом явилась отличнейшая атмосфера для искреннего обмена мнений. Епископ Сергий извел из души своей хорошую погоду на наши собрания» [2].

После всего вышесказанного не вызывает удивления громадный личный авторитет, который имел митрополит Сергий как среди клириков, так и среди мирян к моменту октябрьского переворота. И нет никакого сомнения, что в новых условиях бешеной травли христианства со стороны коммунистической власти он был преисполнен решимости использовать свой авторитет для спасения Церкви. Именно этим, а не «удобосклонностью» к расколу, объясняется его кратковременное (около года) отпадение в «Живую Церковь», выразившееся в признании

законным обновленческого Высшего Церковного Управления («меморандум трех» иерархов от 3 июля 1922 года). Безусловно, митрополит Сергий рассчитывал встать во главе ВЦУ, а затем направить его деятельность в нужную сторону — вернуть в православное русло. Следует напомнить, что в это время Святейший Патриарх Тихон находился под арестом, а государственная власть поддерживала обновленцев. К тому же движение обновленчества спекулировало на правильной, хотя и крайне скомпрометированной ими и ныне весьма непопулярной идее эволюционного изменения земной оболочки Церкви (церковного быта, канонов, богослужения), соответствие которой изменившимся условиям жизни способствует лучшему выполнению Церковью своих задач в новых условиях. Работа в этом направлении, оборванная вместе с деятельностью Собора 1917—1918 годов, была начата еще до революции, и епископ Сергий принимал в ней активное участие, являясь председателем совещания по исправлению церковно-богослужебных книг. Но какими бы соображениями ни руководствовался Митрополит Сергий, вступая в общение с раскольниками, как только Патриарх Тихон был освобожден из заключения, Владыка Сергий принес ему публичное покаяние за свое участие в обновленчестве.

В 1925 году после смерти Святителя Тихона и ареста Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Петра (Полянского) в управление Русской Православной Церковью в качестве Заместителя Местоблюстителя вступает Митрополит Сергий. Вопрос о законности принятия им на себя всей полноты церковной власти неоднократно возбуждался противниками Владыки Сергия; действительно, с точки зрения канонической акривии его права нельзя считать бесспорным. Однако *по нужди и закону пременение бывает* (Евр. 7, 12); лютые обстояния, в которых находилась в то время Русская Православная Церковь, делали невозможным строгое следование канонам, принятым в совсем иных условиях. Уже решение Собора 1917—1918 годов, поручившего Святейшему Патриарху Тихону единолично назначить себе преемников, никак нельзя назвать каноничным; помимо этого, и с чисто формальной точки зрения это решение не было совершенным. Некоторые ситуации, которые могли возникать и действительно возникали в тех беспрецедентных условиях церковной жизни, просто не предвиделись и не оговаривались в соборных установлениях. Один из таких пробелов, а именно: невыясненность взаимоотношений между указанными в завещании Патриарха Тихона местоблюстителями, едва не привел к расколу, когда вернувшийся в 1926 году из ссылки митрополит Агафангел попытался вступить в исполнение обязанностей Местоблюстителя на том основании, что принявший ранее местоблюстительство Митрополит Петр находился в заключении (к счастью, митрополит Агафангел во имя церковного мира отказался от своих прав).

Нельзя назвать совершенным и указ 1920 года Святейшего Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета по поводу самоуправления епархий. Главное обвинение, которое всегда предъявляют Митрополиту Сергию его не ведающие сомнений критики [3], как раз в том и состоит, что Митрополит Сергий не должен был стремиться к сохранению во что бы то ни стало единого центра; ему следовало, действуя в духе постановления 1920 года, решиться на децентрализацию церковной жизни. Однако условия, при которых епархиям необходимо было переходить к самоуправлению, формулировались в упомянутом постановлении недостаточно четко, благодаря чему на этот указ получили возможность ссылаться как заграничная Карловацкая группировка, так и отделившиеся от Митрополита Сергия епископы внутри России («непоминающие»). К тому же русский епископат психологически не был подготовлен к идее «децентрализации» ввиду того, что большая часть епископов воспитывалась в условиях жесткого синодального управления. Наконец, следует указать и на то обстоятельство, что раскольники-обновленцы, представлявшие в то время серьезную опасность для Православия, имели свои центральные органы (поддерживаемые не только государством, но и Вселенским Престолом) и со смерти Святейшего Патриарха Тихона с нетерпением ожидали, когда из «законопослушности» и привычки к централизму утратившие бесспорное патриаршее возглавление архиереи признают обновленческую церковную власть.

О том, что Митрополит Сергий действовал не из властолюбия и тому подобных низких побуждений, но искренне стремился к благу Церкви, как он его понимал, свидетельствует его участие в 1926 году в попытке ряда епископов избрать нового Патриарха путем нелегального сбора подписей. Если бы Митрополит Сергий стремился любыми средствами сохранить свою фактическую власть Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, ему с его выдающимися интеллектуальными качествами и громадной богословской подготовкой не составило бы труда доказать как политическую, так и каноническую несостоятельность этой идеи; вместо этого он возглавил ее практическое осуществление, невзирая на то, что большинство епископов высказалось за кандидатуру митрополита Кирилла (Смирнова). Было собрано уже 72 подписи в пользу Владыки Кирилла, когда спохватившиеся власти учинили погром: не менее сорока епископов из числа участвовавших в этих «выборах» были сосланы или арестованы

по делу «контрреволюционной группы, возглавляемой Митрополитом Сергием». Был арестован и он сам.

Несомненно, что эти события окончательно убедили Сергия, что власти не допустят канонически правильного создания Высшего церковного управления. По этой причине, будучи абсолютно убежденным, что децентрализация в условиях враждебности со стороны государства вызовет полное расстройство церковных дел, Митрополит Сергий после мучительных колебаний решается на значительные уступки советской власти. Их результатом стало освобождение Владыки Сергия из заключения в 1927 году и получение им пресловутой «регистрации» (по указу ВЦИК 1922 года все общественные организации, к которым была отнесена и Церковь, должны были зарегистрироваться). Занятая Митрополитом Сергием позиция нашла свое отражение в опубликованной в июле 1927 года декларации «Об отношении Православной Российской Церкви к существующей гражданской власти». В ней говорилось, что «мы, церковные деятели, не с врагами нашего Советского государства», что «нужно не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к советской власти, могут быть не только равнодушные к Православию люди, не только изменники ему (здесь Митрополит Сергий намекает на пользующихся государственной поддержкой обновленцев.— *Е. П.*), но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом... Оставаясь Православными, мы помним свой долг быть гражданами Союза «не только из страха, но и по совести», как учил нас Апостол (Рим. 13, 5)» [4].

Конечно, сейчас, зная все беды, которые принесла народу называвшая себя советской власть, многие места Декларации нелегко читать; но надо помнить об условиях, в которых она создавалась. Наибольшие нарекания вызвала фраза Декларации, которую многие критики Сергия обычно передают, как «ваши радости — наши радости» — с пояснением, что под таковыми следует понимать «радости, связанные со строительством нового атеистического общества, в котором нет и не может быть места истинному Православию» [5]. В действительности это место звучит так: «Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи» [4]; ясно, что речь здесь идет о солидарности со страной, народом, а не с атеистической властью, как утверждают недобросовестные интерпретаторы. Но, конечно, дело было не в той или иной неудачной фразе; Декларация, бесспорно, знаменовала собой тяжелый для Церкви компромисс, серьезнейшие уступки враждебной христианству власти (хотя и не единение с ней).

Уже сама идея лояльности являлась такой уступкой. В утверждении Апостола, что «нет власти не от Бога» (Рим. 13, 1), речь идет, собственно, о принципе власти как порядка (в противоположность хаосу анархии), а не о ее конкретной реализации и устроении. Конкретная власть может быть и весьма плохой в смысле выполнения своего главного назначения: ограждения деятельности зла в мире. И Церкви далеко не безразлично, как власть выполняет эту свою задачу; если она не только не справляется с ней, но и сама множит зло, против такой власти можно и должно бороться. Например, можно бороться за отставку «плохого» правительства или даже за изменение государственного строя — но мирным, законным путем, продолжая одновременно выполнять распоряжения наличного правительства; принцип лояльности превращается здесь в принцип ненасилия. Но так — в теории; в действительности же далеко не каждый общественный строй допускает таким образом понимаемую лояльность. И это в первую очередь относится к системам государственного тоталитаризма, посягающим на души подданных едва ли не в большей степени, чем на их труд и имущество. Подобные системы приравнивают к насильственным действиям любое противление власти — в том числе в слове и мысли, ибо «идея, овладевшая массами, становится силой». В рамках такой системы гражданская лояльность не может сводиться к аполитичности или безразличию к земным делам, но всегда означает полную и безоговорочную поддержку власти. И согласие на такую «лояльность» безусловно было компромиссом, вынужденным подчинением государственному принуждению.

Еще более тяжелым компромиссом была уступка государству значительной части реальной церковной власти (ибо природа тоталитаризма такова, что он не выносит возле себя наличие какого-либо независимого источника власти). Ярче всего это сказалось в так называемых «кадровых» вопросах: любая хиротония, любое церковное назначение осуществлялись отныне после предварительного рассмотрения и санкции со стороны соответствующих государственных органов. Конечно, это очень ослабило Церковь, так как власть, стремящаяся к искоренению религии, целенаправленно отбирала на церковные «должности» не лучших, а худших из возможных кандидатов.

Но, быть может, самой тяжелой и почти невыносимой для нравственного сознания уступкой силе было согласие Церкви на участие в системе официальной государственной лжи. В частности, церковным иерархам пришлось лжесвидетельствовать перед всем миром об отсутствии

в СССР гонений на религию. И хотя ложь была столь очевидна, что вряд ли могла кого-либо ввести в заблуждение, всеми видимое и ведомое циническое присутствие князя мира сего едва ли не внутри церковной ограды не могло не вести к смущению паствы, соблазнам, к церковной разрухе.

Проявлением этой разрухи стал и новый раскол среди православных по признаку отношения к упомянутой Декларации и Митрополиту Сергию как инициатору новой церковной политики. Для одних Декларация была тяжелым, но неотклонимым компромиссом, способом выживания, тактической уловкой или даже стратегическим планом спасения церковной организации. Другие — сюда в первую очередь относится Зарубежная Православная Церковь — восприняли Декларацию как открытую измену Православию, как поклонение Антихристу, как прямой договор с сатаной, лишивший священство Московской Патриархии благодатности, а совершаемые им Таинства — силы [6]. По их мнению, христианская Церковь в России исчезла, и Русская земля превратилась в пустыню. Для тех, кто встал на такую точку зрения, Декларация 1927 года приобретала значение догматического извращения, обосновывая невозможность каких бы то ни было контактов с «сергианами», приявшими «печать Зверя». Нетрудно усмотреть определенное психологическое сходство описанного умонастроения с умонастроением русского старообрядчества в XVII веке; и там и здесь с чисто русским максимализмом моральное осуждение каких-то действий церковной власти гипертрофируется до размеров, за которыми уже не только христианская любовь, но и простое человеческое общение между церковными оппонентами становятся невозможными.

Вопрос о компромиссах, об их допустимости и пределах волнует христианство едва ли не с самых первых дней его существования. И дело здесь отнюдь не сводится к проблеме взаимоотношений с враждебно настроенными властями. Предъявляемые христианством к человеку нравственные требования проецируются на все многообразие человеческих состояний и разнообразие человеческой природы. Никогда не было недостатка в желающих понимать заповеди Христа в строгом, «бескомпромиссном» смысле — и о преимуществе девства перед браком (монтанисты), и о преимуществе бедности, а еще лучше нищеты перед богатством (францисканцы); даже явно метафорическую речь Христа о необходимости отсечения соблазняющих человека членов пытались понимать буквально (скопцы). Но Церковь неизменно умеряла подобные ригористические порывы своих чад, напоминая слова Христа о том, что *кто может вместить, да вместит* (Мф. 19, 12) и *в доме Отца Моего обителей много* (Ин. 14, 2), которыми Он указывал на многообразие путей к спасению.

Конечно, особую остроту вопрос о компромиссах имел в первые века христианства, когда оно подвергалось государственным преследованиям; при этом центральным пунктом разногласий был вопрос о допустимости для христианина уклонения от гонений. И в этом вопросе Церковь не стала связывать своих членов какими-либо общеобязательными установлениями, предоставляя каждого своей совести и допуская действия различного рода. На заре христианства было распространено восторженное отношение к мученичеству, рвение к «цветочному исповеданию», едва ли не стремление к смерти в надежде обрести посмертное блаженство. С особой яркостью это проявилось в посланиях святителя Игнатия Антиохийского (II век), просившего друзей не ходатайствовать за него перед римской властью, дабы не лишать предстоящего ему подвига веры. Но уже младший современник святителя Игнатия святитель Поликарп Смирнский полагал, что как ни привлекателен мученический венец, нарочитое стремление к нему есть дело недостойное — и скрылся от гонителей (что, однако, не помешало ему явить христианскую твердость и стяжать славу мученика, когда его местопребывание было выдано отступником). Святитель Киприан Карфагенский (III век) также счел необходимым скрыться от преследований властей, так как полагал, что его присутствие усилило бы ярость гонения. Несомненно, что для него, твердого в вере и в желании принять смерть за Христа, слышать в укрытии о страданиях своей паствы и сносить упреки в трусости было гораздо более глубоким самопожертвованием, чем обнаружить себя перед властями и умереть на арене. Каждый, кто в назначенное время не отрекся от веры, является исповедником христианства, считал святитель Киприан и пояснял: «Первая степень победы состоит в том, чтобы исповедовать Господа после взятия руками язычников. Вторая степень славы состоит в том, чтобы благоразумным удалением спасти себя для Господа. Одна есть публичное исповедание, другая — частное... Один, когда приближается час его, оказывается уже созревшим для смерти, для другого быть может она отсрочена,— для того, например, который, оставив свое наследие, удалился по той именно причине, чтобы ему не отпасть, но несомненно исповедывал бы себя христианином, если бы и он был схвачен также» [7]. Это не были пустые слова: под старость после многотрудной деятельности, направленной на укрепление Церкви, святитель Киприан, стяжавший к тому времени авторитет первого епископа Африки, решил, что уже не может оказать Церкви большей услуги, чем положить свою жизнь за веру; и когда разразилось очередное гонение на

христианство, он не стал укрываться от него и принял венец мученической славы.

Особенно много изгнаний и ссылок выпало на жизнь выдающегося защитника Православия и борца с арианством святителя Афанасия Великого (IV век). Из почти полувекового его епископства более пятнадцати лет он провел вдали от своей Александрийской кафедры, скрываясь от жаждавших его крови ариан. Порой он ускользал от ярости преследователей буквально в последнюю минуту, но Бог неизменно хранил его. Как и святого Киприана, его не раз упрекали в оставлении своей паствы; в свое оправдание святитель Афанасий написал даже специальную «Апологию бегства», в которой доказывал на основании Священного Писания (*когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой* (Мф. 10, 23)) и здравого смысла, что его долг — воздержаться от пожертвования своей жизнью, что он не мог бы оказать большей услуги арианам, чем позволив себя схватить. Из отдаленнейших пустынь и горных пещер святой Афанасий твердой рукой продолжал управлять своей паствой, высоко держа стяг Православия, неколебимо исповедуя единосущие Слова, оставаясь «столпом церкви» (святитель Григорий Назианзин) и «врачом недугов церковных» (святитель Василий Великий).

После этих исторических экскурсов естественно возникает вопрос о том, мог ли Митрополит Сергий избрать тот же образ действий, какой избрал для себя, скажем, святитель Афанасий? Критики Митрополита Сергия отвечают: не только мог, но и обязан был это сделать. И некоторые из его собратьев-епископов («Истинно Православная Церковь») пошли именно этим путем, причем уход в новые катакомбы в глазах современного человека представляется уже прямым героизмом. И все же мера уступок, которые считает для себя допустимыми тот или иной епископ, определяется не только его личными качествами (твердостью, мужеством и др.), но и зависит от характерного для данной эпохи разгула сил зла, от их объективной мощи. Вряд ли кто будет оспаривать тот факт, что XX век продемонстрировал невиданную в прежние времена *власть тьмы*. Гонения на христиан, которые воздвигали римские императоры, при всей их кровавой театральности, не идут ни в какое сравнение с гонениями современных «чингисханов с телеграфами». Нитрийские горы и Фиваидская пустыня в наши дни уже не спасают от тоталитарной власти с ее системой прописки и идеологически оправданного и научно-организованного осведомительства. Древние гонения были частным делом того или иного императора; нынешние — следствием «единственно правильного научного мировоззрения», государственной политикой, не зависящей от конкретного носителя высшей власти. Преследования Нерона, Деция, Юлиана и даже великое гонение Диоклетиана можно было переждать в катакомбах; но переждать «на нелегальном положении» все 70 лет коммунистической травли религии не удалось бы никому. Наконец, не следует упускать из виду поистине сатанинского характера тоталитарной власти, ее готовности к массовым злодействам того рода, который ныне мы называем преступлениями против человечности — к геноциду не только по национальному, но и по религиозному признаку. Власть, с легкостью идущая на истребление крестьянства («хрестьянства»), была способна и на тотальное уничтожение христиан. О том, что такой исход в коммунистической стране вполне возможен, свидетельствует пример Албании, в которой в свое время были «окончательно преодолены религиозные «пережитки прошлого» (по крайней мере, до последнего времени там были закрыты все христианские храмы).

Все степени компромисса, все способы отношения к человеконенавистнической власти были испробованы церковными иерархами в ходе того чудовищного эксперимента, который по попущению Божиему произвели над Россией ее коммунистические правители. Если на одном полюсе обновленческие лжевожди призывали признать нравственную правду революции и с радостью бросались в смертельные объятия безбожного государства, то на другом было сознательное, в духе древнехристианских исповедников, стремление к мученичеству («...гонений и мук от вас мы не боимся, мы их хотим, мы жаждем их кровавой красоты» [8]).

Но большая часть иерархов, согласно заповеди Христа (*отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу* (Мф. 22, 21)), мучительно и трудно искала приемлемый для Церкви компромисс, все больше отступая пред оголтелым натиском превосходящих сил *князя мира сего*. Уже Святейший Патриарх Тихон пошел на такой компромисс, стремясь вырваться из заключения — крайне озабоченный успехами обновленцев, свое пребывание на свободе Святитель считал безусловно необходимым для организации отпора им. Результатом этого соглашения с властью стало «раскаяние» Патриарха в «антисоветской деятельности» и многие последующие его шаги: разъяснение, что Церковь возносит молитвы за советскую власть, соболезнование правительству по случаю смерти В. И. Ленина, заявление об отсутствии религиозных притеснений в стране («мы объявляем за ложь и соблазн все измышления о несвободе нашей») и так далее. После смерти Патриарха Тихона та же проблема существования в условиях враждебного окружения встала и перед его преемниками, которые подверглись еще более сильному давлению. Поскольку от коммунистической власти зависело, какому из указанных в завещании Святителя иерархов дозволить вступить в управление Церковью, она вела с некоторыми из них

неподобающие торги. Сохранились сведения о беседе уполномоченного по делам религии Тучкова с митрополитом Кириллом: «Если нам нужно будет удалить какого-нибудь архиерея,— сказал Тучков,— вы должны будете нам помочь».— «Если он будет виновен в каком-либо церковном преступлении, да. В противном случае я скажу: брат, я ничего не имею против тебя, но власти требуют тебя удалить и я вынужден это сделать».— «Нет, не так. Вы должны сделать вид, что делаете это сами, и найти соответствующее обвинение!» [9]. Такой уровень государственных притязаний митрополит Кирилл счел неприемлемым для Церкви и отверг сделанное ему предложение, однако сам факт переговоров с властью иерарха, являвшегося одним из наиболее непримиримых противников политики Митрополита Сергия, достаточно характерен.

Что же касается последнего, то он согласился принять выдвинутое Тучковым условие, расценив ситуацию как безвыходную. Можно попытаться представить себе ход рассуждений Митрополита Сергия. Избрание катакомбного пути означало бы беспрецедентное в истории России сужение церковной ограды, оставление без духовного окормления громадного большинства народа; подчинение открыто богоборческой власти — удержание этого большинства, но ценой сужения и в значительной мере профанации самого христианства (отказ от социальной активности Церкви, от активной христианской проповеди и др.). Так в новых, немыслимых прежде условиях существования Церкви, перед ней возникла старая дилемма: более совершенное христианство для немногих или менее совершенное — для всех.

Существует извечная противоположность между двумя типами христианской, да и всякой человеческой деятельности, которую можно определить, как противоположность между устремлениями к количеству и качеству, к широте и глубине. Деятельность, направленная вширь — это стремление приобщить к истине возможно большее число людей (христианское миссионерство, проповедь, популяризация, апологетика и др.). Устремление к глубине — это бережное хранение сокровищ Церкви, тщательное изучение, творческое освоение и дальнейшее развитие завещанной Отцами богословской мысли, постоянное продумывание основ христианского вероучения — словом, деятельность, направленная на укрепление самого фундамента Церкви, на углубление кладезя христианской мудрости, из которого черпают все. В нормальных условиях жизни Церкви указанная противоположность, порой доходящая до противопоставления «религии простецов» и «религии ученых», в целом разрешается благодаря наличию разных призваний у различных церковных деятелей; в условиях коммунистической диктатуры каждый из этих путей оказывался жертвенным: путь подполья и катакомб непосредственно вел в ГУЛаг, путь сотрудничества с властью означал принесение в жертву своего доброго имени.

Озабоченный тем, чтобы не оставить на произвол судьбы громадное православное большинство России, Митрополит Сергий избирает путь подчинения и уступок — ради возможности страждущему народу. нести христианство, возможности, допущенной большевиками лишь нехотя и скрепя сердце. Это была ставка на длительную оборону в надежде на постепенное перерождение власти в какие-то неведомые сроки, установка на безынициативную окопную войну без перехода к активным действиям, на безмолвное осуждение как единственное средство выразить отношение к творимым властями злодействам, на христианские речи полузагражденными устами и в дозволенных размерах. Но не будем забывать, что долгие годы в нашей стране и такие речи ценились на вес золота: каждый глоток воздуха был дорог задыхающимся в атмосфере коммунистической бесчеловечности, и простая возможность с улиц, увешанных лживыми транспорантами и лозунгами, зайти в храм и открыто, не таясь, перекрестить лоб, увидеть скорбный лик Христа и ощутить Божественное присутствие — была бесценным благом для страждущих душ.

Деформированной и больной представляется сейчас жизнь Церкви в годы сталинизма, но все же это несомненно была церковная жизнь. Церковь, отъединенная от общественной и государственной жизни, не могла протестовать против экономических, военных и иных авантюр правительства — но она оставалась с человеком в онтологически более глубоких слоях бытия, связанных с радостями и горестями, жизнью и смертью. Да, общественная благотворительность была запрещена, но никто не мог запретить верующему добрые дела, которых требовала от него его совесть. Запрещалась открытая проповедь, но тайная — никогда не прекращалась. Да, с амвона священник не мог обличать атеистов, но у паствы не могло быть сомнений в его к ним отношении; а безыскусные «пересказы» евангельских событий простоватыми батюшками не переставали трогать до слез тех, кто способен был услышать в них глаголы Вечной Жизни. Ведь в Церкви главное — не подверженная никаким искажениям Личность самого Христа; и покуда Церковь содержит его целокупный Образ, она неодолима, каким бы деформациям ни подвергались церковные институты.

Для многих православных объективному и сочувственному отношению к Митрополиту Сергию препятствует та мысль, что, входя в его заботы, оправдывая его образ действий, они как бы предают мучеников за веру, не сми-

ривших перед безбожным режимом и открыто вступивших в борьбу с ним — достаточно вспомнить о горячем, проникнутом нелицемерной заботой о благе Церкви письме архиепископа Угличского Серафима (Самойловича), письме соловецких епископов и множестве подобных документов, а также о трагических судьбах их авторов. Но правда Божия отнюдь не выражается «законом исключенного третьего»: из двух противоборствующих и казалось бы непримиримых сторон правы могут быть обе (конечно, если речь не идет об истинах веры). История Церкви предоставляет тому множество свидетельств.

Вспомним знаменитый спор начала XVI века между иосифлянами и нестяжателями — Церковь признала по-своему правыми и тех, и других, причислив к лику святых главных представителей каждой стороны — преподобных Иосифа Волоцкого и Нила Сорского. Менее известен эпизод из жизни великого исповедника Христова преподобного Феодора Студита, когда он, настоятель скромного провинциального монастыря, прерывает общение и отлучает от причастия Византийского императора Константина VI — за то самое, что впоследствии много раз повторил на Руси Иоанн Грозный: за насильственное пострижение в монашество своей законной супруги и вступление в новый бесчинный брак. Что же касается Константинопольского Патриарха Тарасия, то он, хотя и отказался совершить это венчание, однако не подверг наказанию ни царя, ни совершителя брака эконома Иосифа — ввиду угрозы императора восстановить в Церкви иконоборческое гонение. Церковь признала высшую правду в действиях и исповедника-игумена, и «коллаборациониста»—Патриарха, причислив и того, и другого к лику святых. Вот как комментирует различие их поведения в этом эпизоде известный церковный писатель начала века М. А. Новоселов [10]: «Несомненно, героем этой церковно-исторической драмы, разыгравшейся в Византии, является преподобный Феодор, возбудивший в недрах Церкви моральное движение, но блестящая роль игумена студийского не должна закрывать от наших глаз неяркого, но, может быть, не менее трудного подвига Патриарха Константинопольского, взявшего на себя всю тяжесть подрывавшей, вероятно, к нему доверие многих верующих примирительной, «икономической» политики, и взявшего, приметьте это, не из-за страха за себя, не из угодничества перед властью, а ради ограждения множества чад Церкви от величайших испытаний. Не видна ли и за Святейшим Патриархом Тарасием, и за преподобным Феодором Студитом направляющая все это дело рука Господня, которая уступчивостью Патриарха сохранила тишину Церкви, а дерзновением инока лишила покоя преступного царя и очистила атмосферу Церкви от нравственной заразы, внесенной в нее императором?!» [11].

Трагичность личности и дела Митрополита Сергия заключались, главным образом, в том, что в тоталитарном государстве Церковь может существовать только как государственная Церковь. Поэтому над всем церковным клиром нависло тяжкое (и не всегда безосновательное) подозрение в коллаборационизме, в народе нашедшее отражение в презрительных выражениях «коммунистические попы», «гэбэшный батюшка» и так далее. На самого же Митрополита Сергия пала мрачная тень зловещей фигуры Сталина. Последний рассматривал отказ признать своего «ставленника» (каким Сталин, без сомнения, считал Митрополита Сергия), как покушение на собственную власть; но пролитая им кровь «непоминающих» частью легла и на самого Митрополита Сергия. Хотя сталинские казни отнюдь не носили выраженного религиозного характера — они были звеном общегосударственной политики устрашения террором — тем не менее, когда в основной своей массе «непоминающие» епископы и священники оказались в лагерях, часть вины за это легла и на Митрополита Сергия, осудившего их церковно: в этом некоторые стали видеть чуть ли не средневековый инквизиционный прием и сотрудничество Митрополита Сергия со сталинско-бериевскими душегубами, руками которых он якобы убирал неугодных ему людей...

Конечно, так относились к Митрополиту Сергию далеко не все. Даже среди русских эмигрантов — несмотря на общую ненависть к большевикам — находились сочувствующие его делу, понимающие вынужденность многих его шагов и верящие в оправданность приносимых им жертв. Одним из таких людей был нынешний митрополит Сурожский Антоний, который семнадцати лет выбрал Патриаршую Церковь, не желая отделяться от Церкви-Мученицы. Можно назвать еще имена выдающегося православного богослова Владимира Николаевича Лосского и его отца, крупного русского философа Николая Онуфриевича Лосского. Последний, хотя и критиковал некоторые действия Митрополита Сергия, в целом твердо стоял на его стороне и защищал от злобных нападок эмигрантов, которые «не способны оценить великие заслуги Митрополита Сергия, которому удалось, несмотря на сатанинскую ненависть большевиков к религии, сохранить громадную церковную организацию и, следовательно, предохранить русский народ от двух тяжких бедствий — от полного безверия и от патологических форм сектантского мистицизма... сохранение церковной организации в России достигается путем мученического пожертвования своим добрым именем вследствие компромиссов с советской властью» [12].

Тем не менее, до конца своей жизни Митрополит Сергий представлял собой личность глубоко трагическую. Принесенные им жертвы были велики, а результаты, по видимости, незначительны. Жестокие репрессии против Церкви в глазах многих представлялись крахом Сергиевой политики умиротворения тирана. Будучи всю свою жизнь борцом с юридическими концепциями в русском богословии, он по иронии судьбы много способствовал бюрократизации и «юридизации» Церкви как учреждения, усилению в ней формально-административных начал в ущерб началам братства и любви.

И все же усилия и жертвы Митрополита Сергия не были напрасными — из дня сегодняшнего это видно уже вполне отчетливо. Когда, подчиняясь мировому закону самоисчерпания зла, коммунистическая идеология стала понемногу ослаблять свои позиции, с несомненностью обнаружилось, что церковный организм, хотя и одержимый многими недугами, выстоял, христианская вера не погибла — об этом ярче всего свидетельствует повсеместно наблюдающийся ныне религиозный подъем. И каждый тяжелыми компромиссами сохраненный храм служит теперь источником для нового возрождения христианства, является духовным плацдармом на еще в значительной мере неприятельской и враждебной территории, опираясь на который Христово дело будет крепнуть и распространяться вширь. И в грядущем оздоровлении Русской Православной Церкви, как и всей России в целом, расслышим мы, наконец, примиряющее *ныне отпущаеши* Первоиерарху самой тяжелой годины русской истории...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Юридическая доктрина в богословии — совокупность концепций, вносящих в отношения между Богом и человеком и в отношения между Лицами Святой Троицы недопустимый правовой оттенок; наиболее ярким выражением юридической доктрины является понимание искупительного подвига Христа как «удовлетворение Божественной Правде», умилостивление оскорбленного Адамовым грехом Бога Отца через принесенную Ему «сатисфакцию» — Жертву Его Сына.
2. Записки Петербургских Религиозно-философских Собраний 1902—1903 гг. СПб., 1906, с. 245—246.
3. Например: Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви 1917—1945. Париж, с. 114 и др.
4. Известия, 29 июля 1927 года.
5. Крахмальникова З. Горькие плоды сладкого плена.
6. «Вы пьете сатанинскую кровь, ваши Таинства оскверняют, после них необходимо очищение»,— заявляли в не столь уж отдаленном прошлом некоторые представители карловацкой иерархии и требовали перекрещивания для переходящих к ним из Патриаршей Церкви (устное свидетельство Митрополита Сурожского Антония (Блума)).
7. Цит. по кн.: Фаррар Ф. В. Жизнь и труды свв. Отцов и Учителей Церкви. СПб., 198., с. 160.
8. Протоиерей Владимир (Воробьев).— Церковные ведомости, 1918, 11—12.
9. Крестный путь преосвященного Афанасия Сахарова (1887—1962).— Вестник РСХД, 107, 1973, с. 187.
10. См.: Полищук Е. С. М. А. Новоселов и его «Письма к друзьям».— Журнал Московский Патриархии, 1991, № 11.
11. Новоселов М. А. Письма к друзьям. Письмо 13-е (рукопись).
12. Лосский Н. О. Воспоминания. Мюнхен, 1968, с. 267.

Е. С. ПОЛИЩУК

О Декларации Митрополита Сергия

История Русской Православной Церкви советского периода привлекает к себе пристальное внимание наших современников в стране и за рубежом. Широко обсуждается, в частности, Декларация Митрополита Сергия (Страгородского). Печать изобилует сочинениями малокомпетентных авторов, «ничтоже сумняшеся» пытающихся вершить суд истории, не дав себе труда погрузиться в непредвзятое изучение вопроса. Средства же массовой информации, нередко будучи очень отзывчивы на все, что представляется им «злобой дня», к несчастью, зачастую совсем не разборчивы в выборе авторов. В результате безграмотные толкования или комментарии безответственных лиц, зарабатывающих себе на хлеб эксплуатацией журналистики, приносят очевидный вред доверчивым и малосведущим в вопросах церковной жизни читателям. Благодарение Богу, у большинства верующих людей давно выработался иммунитет и давно сформировалась способность отделять пшеницу от плевел.

Игумен Иннокентий (Павлов), серьезно занимающийся проблемами новейшей истории Русской Церкви, не счел для себя возможным в свое время вступить в дискуссию с неким М. Поздняевым, опубликовавшим свой безграмотный опус на страницах «Независимой газеты» от 17 сентября 1991 года. Солидаризуясь со многими идеями и основными выводами статьи В. Борисова, В. Живова и Д. Шаховского, поместившими в той же газете от 15 октября 1991 года отклик на публикацию М. Поздняева, игумен Иннокентий считает своим долгом привлечь внимание авторов статьи и наших читателей к допущенным ими неточностям.

Говоря о Декларации Митрополита Сергия от 1927 года, В. Борисов, В. Живов и Д. Шаховской пишут: «В ней (то есть Декларации.— *И. И.*) митрополит объявлял, что «радости и успехи» ком-

мунистического режима должны быть радостями и успехами Русской Церкви. Эта декларация действительно привела к расколу Русской Церкви и не привнесла в положение Церкви той относительной стабильности, на которую, видимо, рассчитывал Сергий: перед войной весь епископат Русской Церкви — как сергианцы, так и непоминающие — находился в тюрьме или ссылке, за исключением четырех архиереев во главе с самим митрополитом Сергием».

Очевидно, авторам не знаком подлинный текст этой Декларации, что неудивительно, учитывая, что после публикации в «Известиях» в августе 1927 года она была опубликована полностью только в уже многими забытом сборнике «Патриарх Сергий и его духовное наследство» (М., 1947), да в выпущенной в 1977 году малым тиражом издательством YMCA-Press книге Л. Регельсона «Трагедия Русской Церкви, 1917—1945».

Modus vivendi Церкви в государстве, то есть структуре, внешне оформляющей жизнь общества, в котором суждено жить и чадам церковным, находит свое решение и в известных словах Господа Иисуса Христа: *отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу* (Мф. 22, 21; Мк. 12, 17; Лк. 20, 25) — и в развернутом учении апостола Павла (см.: Рим. 13, 1—7), на которое и ссылается Митрополит Сергий в своей Декларации. Проблема состояла в том, что характер государства в России изменился. Почему и как это произошло — это тема особого разговора. Но факт остается фактом. Вместо симфонии с Церковью, в которой государство на Руси пребывало в течение девяти с лишним веков, новая власть провозглашает борьбу с «религиозным дурманом» и, избирая в качестве правовой основы классовые ценности, провозглашает «свободу совести». Таким образом, это была уже не просто борьба с чуждой для данного государства мировоззренческой доктриной (как это было в Римской Империи в I — начале IV в.), но, с одной стороны, «освобождение совести трудящихся», а с другой — «пресечение происков классово чуждых элементов».

Каков же может быть modus vivendi для Церкви в данной ситуации? Во-первых, это сохранение существа ее догматов (в противном случае она перестала бы быть сама собой), а во-вторых, это лояльность наличной гражданской власти, дабы насколько возможно снять политические обвинения, закладывавшиеся в «юридическое» основание преследований. Этому в период 1919—1927 годов были посвящены известные церковным историкам документы (выступления Святейшего Патриарха Тихона и святителя Вениамина Петроградского, документы, составлявшиеся с участием архиепископа Илариона и митрополита Петра, наконец, знаменитое обращение «К Правительству СССР» епископов, находившихся в Соловецком лагере особого назначения, и др.).

Интересующая нас Декларация (ее официальное название «Послание к пастырям и пастве») является завершающим звеном в этой цепи. История ее создания вкратце такова. Еще перед Святейшим Патриархом Тихоном начиная с лета 1923 года встал вопрос о юридическом признании возглавляемого им Высшего церковного управления, что обеспечивало бы modus vivendi Русской Церкви в Советском государстве. Первоначально для этого от него требовали пойти на компромисс с дискредитировавшими себя в глазах церковного народа раскольниками-обновленцами, верхушка которых поддерживалась ГПУ и выполняла его социальные и политические заказы. Однако Патриархом и единомысленными с ним епископами была проявлена твердость, и от идеи компромисса заправлявший тогда в ГПУ церковными делами Е. Тучков сделал тактическое отступление. Патриарху был предложен другой вариант, могущий обеспечить его «регистрацию», то есть официальное признание в качестве возглавителя церковного управления,— это выпуск особой декларации, в которой бы решительно заявлялось о его лояльности советской власти и выражалось бы требование такой же лояльности ко всему духовенству, признавшему его своим духовным возглавителем. Такой документ был составлен митрополитом Крутицким Петром, впоследствии Патриаршим Местоблюстителем, и подписан Патриархом за несколько часов до его кончины, почему в истории он и получил название «Завещания Патриарха Тихона». Правда, кончина святителя Тихона вновь породила у обновленцев и их покровителей надежду прибрать к рукам Русскую Церковь. Ради этого они даже решили созвать внеочередной «Поместный Собор» осенью 1925 года. Но митрополит Петр занял в связи с этим твердую позицию, выраженную в Послании от 15/28 июля 1925 года, получив при этом поддержку сохранивших верность каноническим началам в Церкви епископата, клира и народа. Этот провал обновленцев фактически превратил их «Собор» в трибуну для сфабрикованных политических доносов против Патриаршего Местоблюстителя, формально явившихся затем поводом для его ареста в декабре 1925 года. Впоследствии Е. Тучков пытался дезорганизовать церковную жизнь, провоцируя расколы среди «тихоновцев», во всяком случае к идее воссоединения их с обновленцами «органы» больше не прибегали. Однако проблема «регистрации» временного органа Высшего церковного управления Русской Православной Церкви (о немедленном созыве Поместного Собора Е. Тучков и стоявшее за ним советское руководство и говорить не хотели) осталась. Теперь решать ее пришлось вставшему во главе этого управления, согласно распоряжению Митрополита Петра, в качестве его заместителя, Митрополиту Нижегородскому Сергию. От него тоже потребовали соответствующую декларацию, проект которой и был составлен в 1926 году. Основные идеи ее сводились к тому, что чада Русской Церкви, живущие в СССР, являются его лояльными гражданами, поскольку это

проистекает из основанного на Священном Писании учения их веры, при этом в области последней, то есть в своем мировоззрении, они не допускают никаких компромиссов. Этот документ, получивший известность благодаря публикации в русской зарубежной печати, в СССР так и не увидел света, если не считать церковного самиздата (в упоминавшемся сборнике приводятся две, впрочем, довольно яркие выдержки из него без указания источника). Затем Митрополит Сергий оказался на восемь месяцев в изоляции. Понятно, что при этом внимание «органов» было к нему усиленным. Другое дело, что и обновленчество к этому времени переживало резкий спад, и расколы в среде «тихоновцев» потерпели крах. Таким образом, с Митрополитом Сергием приходилось считаться как с реальным возглавителем реальной церковной организации. Очевидно, что тогда и удалось прийти к нелегкому соглашению, определившему modus vivendi Русской Церкви в период нараставшей сталинской диктатуры. Видимым его выражением и стала Декларация от 16/29 июля 1927 года.

По существу, в ней не было ничего принципиально нового в сравнении с тем, что мы встречаем в документах Святейшего Патриарха Тихона в период 1923—1925 годов или же в проекте Декларации самого Митрополита Сергия 1926 года. Единственное, на что пришлось пойти ее автору (по стилистическим особенностям видно, что Митрополит Сергий писал ее сам, хотя в период с мая по конец июля 1925 года он обсуждал ее по крайней мере с членами образованного при нем Временного Патриаршего Священного Синода, от имени которого она была выпущена), так это на сокращение «бескомпромиссной», или мировоззренческой, ее части, хотя она, конечно же, там осталась и «имеющие уши» ее услышали.

Теперь позволю себе процитировать то место Декларации, где как раз и заявляется мировоззренческая бескомпромиссность и которое при этом в обывательском сознании того времени и претерпело ту деформацию, что и нашла отражение у авторов письма.

Итак, Митрополит Сергий пишет: «Нам нужно не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к советской власти, могут быть не только равнодушные к Православию люди, не только изменники ему, но самые ревностные его приверженцы, для которых оно дорого как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом. Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи».

Собственно говоря, здесь подтверждается высказанная Митрополитом Сергием еще в проекте Декларации 1926 года мысль, что «православный христианин может быть достойным гражданином любого государства, в том числе и советского». При этом, как и прежде, отмечается, что православная вера дорога ему «как истина и жизнь», то есть мировоззренческий компромисс с кем бы то ни было здесь невозможен.

А что касается радостей и успехов родины, то упоминание о них вовсе не означает какой-либо идентификации Церкви с господствовавшим в это время в стране режимом. Во всяком случае, любому непредвзятому человеку это очевидно. Ведь не вызывает же никаких нареканий у православных, когда Всесвятейший Вселенский Патриарх при своей интронизации среди прочего обычно заявляет, что «высшие интересы Турецкой Республики (то есть той же его гражданской родины) будут составлять особый предмет его заботы». Так и здесь речь шла о заботе гражданина о благополучии своего земного отечества без какой бы то ни было политической или идеологической подоплеки. Другое дело, что, пребывая в духовном трезвении, Митрополит Сергий сознавал, что прежняя Россия ушла безвозвратно, что Родина теперь — это тот самый Советский Союз, свидетелями развала которого мы все теперь являемся.

Так что, оценивая Декларацию 1927 года, я бы не спешил, как это делают иные церковные деятели Московского Патриархата, открещиваясь от нее в угоду меняющимся общественным настроениям, заявлять, что она «нас ничем не связывает». Лично меня она связывает узами церковного Предания, в русле которого она выдержана, так же точно, как связывают меня с ним, например, Апологии святого мученика Иустина-Философа.

Перейдем ко второй неточности.

Утверждение, что Декларация 1927 года «привела к расколу Русской Церкви», исторически несостоятельно, хотя многим кажется, что это действительно так. Если мы обратимся к источникам, связанным с историей отечественной церковной оппозиции Митрополиту Сергию, то увидим, что Декларация нигде не фигурирует как непосредственная причина отхода от него. Да этого и не могло быть. Был бы тогда Местоблюстителем любой из трех назначенных Патриархом Тихоном митрополитов — Петр, Агафангел или Кирилл — или же Заместителем тот же митрополит Иосиф, явившийся фактическим лидером оппозиции Сергию, им бы пришлось также выступать с аналогичной декларацией. Возможно, в литературном отношении она могла оказаться и более удачной, но суть ее была бы такой же.

Так что же тогда вызвало с осени 1927 года серию отходов от Митрополита Сергия в течение последующих трех лет? Замечу при этом, что «непоминающими» оказались 37 епископов из более чем 150, находившихся в СССР. Соотношение же клириков и мирян «непоминающих» и «сергиан» окажется в еще более убедительной пропорции. Это, конечно, вовсе не означает, что последние были в восторге от Декларации 1927 года. Просто необходимость ее написания Митрополитом Сер-

гием в том виде, в котором она появилась, была достаточно очевидной.

В одном из недавних соборных документов Московского Патриархата как на причину отхода от Заместителя Патриаршего Местоблюстителя было указано на «непонимание линии Митрополита Сергия в вопросах церковного управления, которая тогда, по его искреннему убеждению, была единственно возможной».

Постараюсь вкратце расшифровать, о чем здесь идет речь. Условием, при котором Митрополит Сергий получал право гражданства для Высшего церковного управления, было обязательство согласовывать с соответствующими советскими органами все назначения и перемещения епископата и клира. Именно это и было расценено тогдашними оппозиционерами и нынешними критиками Митрополита Сергия как «недопустимый компромисс», как «отдача Божия кесарю» и так далее.

Но так ли? Попробуем ответить на этот вопрос, тем более что ответ на него важен и для уяснения совсем недавней ситуации в Русской Православной Церкви, деятели которой и вчерашними ветеранами идеологического фронта, и нынешними духовными потомками древнего любителя наготы отчей из церковной (или околоцерковной) среды обвиняются теперь не просто даже в связях, а чуть ли не в «срастании» с КГБ.

Как известно, в оппозицию к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя первым встал митрополит Ленинградский Иосиф, назначенный на свою кафедру в 1926 году Митрополитом Сергием, но так и не смогший ее занять из-за противодействия властей. В сентябре 1927 года Митрополит Сергий смог добиться возможности назначить его в Одессу, то есть опять же на одну из самых заметных архиерейских кафедр в Русской Церкви. Однако Иосиф не принял этого назначения (он проживал тогда в Ростове Великом), объявив его «противоканоническим, недобросовестным». Вскоре у митрополита Иосифа нашлись сторонники как в Ярославской епархии (некоторое время к ним принадлежал и митрополит Ярославский Агафангел, скончавшийся в 1928 году), так и в Ленинграде и в других местах. Иные, правда, потом примирились с Митрополитом Сергием и принимали от него назначения, другие же оставались на своей позиции до конца.

Оппозиционеры обвиняли Митрополита Сергия в основном по двум пунктам: первое — превышение власти (они полагали, что Патриарший Местоблюститель митрополит Петр поручал ему только вести текущие дела, а не передавал все права Предстоятеля Русской Церкви); второе, и главное, что он изменил линии Патриарха Тихона и его Местоблюстителя, приняв те условия легализации Высшего церковного управления, которые теми принципиально отвергались. Существенным здесь является как раз второй пункт.

Действительно, и Патриарх Тихон (хотя и не без колебаний), и митрополит Петр старались при готовности декларировать свою лояльность советской власти, максимально сохраняя внутреннюю свободу Церкви. Но это субъективное стремление, как правило, разбивалось об объективную реальность бытия. Так что отличавшемуся неизменным чувством юмора Патриарху Тихону приходилось в 1924 году шутить: «Я назначаю архиерея на юг, а власти отправляют его на север». Для Митрополита Сергия в этой ситуации было очевидным, что «плетью обуха не перешибешь». Принятие им известного условия для получения пресловутой «регистрации» хотя бы давало шанс заполнить архиерейские кафедры. Во всяком случае, этот компромисс не затрагивал существа веры, а кроме того, в нем выразилось доверие Заместителя Патриаршего Местоблюстителя к русскому епископату, который к тому времени, казалось, избавился от всех нестойких элементов, ранее отпадших либо в обновленчество, либо в григорианский раскол.

Никто не спорит с тем, что практика вмешательства государства во внутренние дела Церкви порочна. Однако она существует и в странах, которые признаются демократическими. Так, в уже упоминавшейся Турции гражданская власть предъявляет определенные требования имеющему пребывание на ее территории Вселенскому (или Константинопольскому) Патриарху, причем в таком существенном для него вопросе, как выборы Патриарха. Мало того, что кандидаты в Патриархи должны быть турецкими гражданами (при том, что не менее 95 % клира и паствы Константинопольского Партриархата находятся вне Турции), список кандидатов должен предварительно представляться турецкому правительству, которое может исключить из него любого неугодного ей епископа. И эту практику приходится терпеть.

Приведу и другой пример вмешательства государства во внутрицерковные дела, на этот раз уже во Франции. (Князь Д. М. Шаховской мог бы рассказать об этом лучше меня.) Так, туда не может (и, насколько я понимаю, и не сможет) въехать епископ, управляющий Корсунской епархией (объединяющей приходы Московского Патриархата во Франции), поскольку его кандидатура не была заранее согласована с Министерством внешних сношений.

Но вернемся к ситуации, в которой оказалась Русская Церковь в конце 20-х — 30-е годы. Оправдались ли надежды Митрополита Сергия в отношении русского епископата? В основном да. Поскольку само служение Церкви в то время означало подвижничество, как правило оканчивавшееся мученичеством.

Авторы письма пишут: «Та часть Церкви, которая отвергла декларацию, избрала путь мученичества, путь Церкви гонимой, которая возрастает и укрепляется мученической кровью и бесстрашным свидетельством своей веры». И здесь они опять повторяют расхожее заблуждение, будто бы отход от Митрополита Сергия обрек оппози-

ционеров на страдания. Если мы обратимся к фактам, приведенным в книге Л. Регельсона, и посмотрим динамику репрессий против православного духовенства в 30-е годы, то увидим, что ревностные сторонники Митрополита Сергия подвергались гонениям не с меньшей интенсивностью, чем «непоминающие».

Уважаемые авторы письма допускают еще одну фактическую неточность, утверждая, что «перед войной весь епископат Русской Церкви — как сергианцы, так и непоминающие — находились в тюрьме или ссылке, за исключением четырех архиереев во главе с самим Митрополитом Сергием».

Дело в том, что в тюрьмах и ссылках тогда оказалась лишь малая часть епископата Русской Церкви. Большинство же к 1939 году было «ликвидировано».

Также исторически некорректно и другое утверждение авторов. «...Вопрос о мучениках, пострадавших за веру,— пишут они,— встал как основная реальность церковной жизни, и отречение от них митрополита Сергия, заявившего, что в Советском Союзе нет преследований за веру, стало одним из самых горьких и непереносимых для совести верующих событий в послереволюционной церковной истории».

Очевидно, здесь имеются в виду два интервью, а точнее, заявления, сделанные от лица Митрополита Сергия (одно из них появилось также за подписями и некоторых членов Временного Патриаршего Священного Синода) в феврале 1930 года. Конечно, будучи вырванными из реального исторического контекста, эти документы производят странное впечатление. И я согласен с тем, что теперь для людей неискушенных они могут подать повод к соблазну. Однако попробуем восстановить этот самый контекст событий страшного для Русской Церкви 1930 года, чтобы иметь правильное представление о поступках Митрополита Сергия.

Беспримерные гонения на Русскую Церковь и вообще на религии в СССР, которые достигли невиданных масштабов в 1930 году на фоне развернувшейся коллективизации, вызвали довольно бурную реакцию на Западе. Особенно энергичная позиция была в связи с этим занята Римским Папой Пием XI. В советской печати того времени это преподносилось как призыв Папы к «мировому империализму» выступить с крестовым походом против Советского Союза. Другие религиозные лидеры Европы и Америки также не остались в стороне и, таким образом, и без того неприглядный имидж СССР в глазах западной общественности оказался уже совсем неприличным. Это, как и ряд внутренних факторов, связанных с коллективизацией, побудило сталинское руководство, с одной стороны, на непродолжительное время несколько притормозить «головокружение от успехов» на идеологическом фронте, а с другой — развернуть крикливую контрпропагандистскую кампанию, в которой важное место должны были занять заявления официальных лидеров различных исповеданий в СССР о том, что религия в стране пользуется свободой. Так что Митрополит Сергий оказался здесь не одинок, деля горькую участь с Грузинским и Армянским Католикосами, лидерами ислама, иудаизма. При этом церковные историки знают, как повел себя фактический Предстоятель Русской Церкви в этой ситуации. За несколько дней до того, как давать эти злополучные интервью (собственно, никаких интервью и не было, просто сначала советским, а затем иностранным журналистам были переданы тексты «ответов» на заранее поставленные «вопросы»), Митрополит Сергий направил памятную записку председателю Комиссии по делам религиозных культов ВЦИК П. Г. Смидовичу, в которой содержались конкретные просьбы, выполнение которых со стороны советского руководства фактически означало бы прекращение гонений на Церковь. Опытный и мудрый Митрополит Сергий, несомненно, отдавал себе отчет в том, что этой запиской он участь Русской Церкви не изменит. Важным здесь было другое. Содержание этой записки вскоре стало известно на Западе и поставило, таким образом, в правильную проекцию восприятие последующего заявления «об отсутствии гонений на религию в СССР». Оставлю при этом в стороне вопрос о личном мужестве Митрополита Сергия, прекрасно сознававшего, чего ему все это может стоить.

Если же говорить о реальном отношении Митрополита Сергия, а затем его преемника Патриарха Алексия I к страдальцам за веру, то опять нужно обратиться к фактам. Так вот окажется, что они не отворачивались от исповедников. И когда во время или после войны тот или иной епископ или клирик, возвращавшийся из заключения, обращался к ним, то он получал и теплый прием, и назначение. Можно в связи с этим упомянуть Преосвященного Мануила (Лемешевского), с небольшими перерывами пребывавшего в узах с 1924 по 1944 год, а затем, уже в бытность его епископом Чкаловским (Оренбургским), отправленного в 1949 году в лагерь и вновь получившего назначение на кафедру в 1956 году, после освобождения. (Скончался в 1963 году митрополитом Куйбышевским.) По тюремному стажу с ним идет в сравнение лишь «непоминающий» епископ Афанасий (Сахаров) — почти тридцать лет, до 1955 года († 1962). Когда в 1956 году он был обнаружен в доме для инвалидов, Патриарх Алексий I также принял в нем живое участие и не дал ему назначения на кафедру лишь в силу его физической немощи. Десятки священников и епископов попадали в лагеря и после войны. Чаще всего лишь за то, что, оказавшись в зоне оккупации, честно исполняли свой пастырский долг. Можно назвать имена двух замечательных иерархов — митрополита Алма-Атинского Иосифа († 1976) и архиепископа Чебоксарского Вениамина

(† 1977), прошедших с середины 40-х до середины 50-х годов все круги лагерного ада. И затем, несмотря на то что на них было клеймо «изменников Родины», Патриарх Алексий I постарался дать им назначение. Можно было бы назвать имена и многих клириков, некоторые из которых еще живы, судьба которых сложилась аналогичным образом. Я уже не касаюсь здесь такого момента, что новые русские мученики продолжали жить в мистической памяти Церкви, и только Бог — свидетель тех молитв, которые в связи с этим безмолвно совершались по всей стране.

Заканчивая этот обзор, я все же дерзнул бы назвать ту цену, которую неизбежно пришлось заплатить Русской Церкви, независимо даже от личной воли Митрополита Сергия, за пресловутый modus vivendi в Советском государстве. Эта цена стала очевидной, когда в послевоенное время Церковь вновь поднялась на ноги. Еще более дает она себя знать сейчас. И состоит эта цена в постепенной деградации, если хотите, профессионального уровня служителей Церкви. Тотальный контроль за церковными кадрами со стороны репрессивного аппарата и дозировка дозволенного в церковной жизни и богословском образовании сделали здесь свое губительное дело. Этим, впрочем, я вовсе не хочу сказать, что ситуация, тем более в нынешних условиях, безнадежна. Так же как не хочу бросить тень на тех многих морально незапятнанных клириков и епископов, которые несли свое служение Церкви все эти тягостные годы. Более того, напомню, что среди церковного руководства появлялись тогда такие яркие личности, как митрополит Николай (Ярушевич; † 1961) и митрополит Никодим (Ротов; † 1978). Конечно, можно сказать, что и они по человечески не были лишены слабостей и им приходилось совершать ложные шаги. Но важно, что себя они отдавали Церкви, и евангельская максима *отвергнуться себе* была для них не просто словами, которые они обычно слышали во время облачения в священные ризы перед совершением литургии. Другое дело, что слишком узким оказался круг церковных деятелей, на которых они реально могли опереться во всем том полезном, что в тех условиях они делали для Церкви.

Игумен ИННОКЕНТИЙ (Павлов)

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

Схиархимандрит ИОАНН (Маслов)

29 июля 1991 года окончил свой жизненный путь духовник Успенского Жировицкого монастыря схиархимандрит Иоанн (в миру Иван Сергеевич Маслов).

Он родился 6 января 1932 года в деревне Потаповка Глуховского района Сумской области в благочестивой крестьянской семье. Мальчика воспитывала набожная и строгая мать — Ольга Савельевна (в монашестве Нина). Отец, Сергей Маслов, погиб во время Великой Отечественной войны. В 1950 году Иван был призван на службу в армию, где он тяжело заболел и из армии вернулся инвалидом.

В 1955 году юноша поступил в известную строгостью устава Глинскую пустынь, где под руководством замечательных старцев проходил подвиги иноческого жития. Здесь молодой инок особенно сблизился с настоятелем обители схиархимандритом Серафимом (Амелиным) и схиархимандритом Андроником (Лукашем), с которым поддерживал духовную связь и искреннюю дружбу до самой кончины великого старца в 1974 году.

Послушник Иван Маслов в 1957 году был пострижен в монашество с именем Иоанн в честь святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Новоначальному иноку пришлось трудиться на различных монастырских послушаниях: выполнять тяжелую физическую работу в столярной мастерской, попечительствовать над больными, нести послушание на клиросе. Везде молодой монах проявлял редкое самоотвержение и полную преданность воле Божией, чем снискал любовь и уважение монастырского братства. В его послужном списке говорится, что «монах Иоанн отличается исключительным смирением и кротостью, несмотря на свою болезненность он весьма исполнителен в послушаниях». Монах

Иоанн отличался не по летам мудростью и духовной опытностью, что было замечено монастырским начальством, и настоятель обители благословил молодому иноку отвечать на многочисленные письма богомольцев, обращавшихся за духовными наставлениями.

В 1961 году Глинская пустынь была закрыта, и по благословению старцев монах Иоанн был направлен на учебу в Московскую Духовную Семинарию. 4 апреля 1962 года в Богоявленском патриаршем соборе он был рукоположен во иеродиакона, а 31 марта 1963 года — во иеромонаха. В 1965 году он поступил в Московскую Духовную Академию. В годы учения отец Иоанн был назначен ризничим Покровского академического храма, в апреле 1967 года возведен в сан игумена. В 1969 году он окончил МДА со степенью кандидата богословия за сочинение «Иеросхимонах Амвросий Оптинский (Гренков) и его эпистолярное наследие».

После окончания Академии отец Иоанн был оставлен профессорским стипендиатом, а затем назначен преподавателем пастырского богословия и практического руководства для пастырей. В декабре 1972 года утвержден в звании доцента Академии, в 1973 году возведен в сан архимандрита. С 1974 года архимандрит Иоанн преподавал в Семинарии литургику. Плодотворной была его преподавательская деятельность: составлен курс лекций по пастырскому богословию, конспект по литургике, а также дополнение к этому конспекту, содержащее ценные указания практического характера. Ревностно относился отец Иоанн и к проповеданию слова Божия. Его пастырские наставления были достоянием не только учащихся и прихожан академического храма.

В православной переодической печати: «Журнале Московской Патриархии», «Богословских трудах», журналах «Голос Православия» Среднеевропейского Экзархата, «Тугодник» и «Церковный вестник» Польской Автокефальной Православной Церкви, «Православный вісник» Украинской Православной Церкви начиная с 1974 года было опубликовано около пятидесяти проповедей и научных работ архимандрита Иоанна.

Итогом его ученых трудов в Академии явилась диссертация «Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении», за которую ему присуждена ученая степень магистра богословия. Лучшей характеристикой как самого труда, так и его автора могут служить слова одного из оппонентов, сказавшего, что диссертация отображает глубины православного церковного сознания и является результатом работы не только зрелого богослова, но и человека-христианина, глубоко воспринявшего и внутренне пережившего творческое наследие святого отца[1].

Труды наставника Духовных школ были по достоинству оценены священноначалием. Архимандрит Иоанн награжден Патриаршей грамотой, орденом Преподобного Сергия Радонежского III степени, удостоен права служения Божественной литургии с открытыми царскими вратами до «Отче наш», награжден вторым крестом с украшениями. Почти 25 лет трудился почивший наставник в Московских Духовных школах. За эти годы среди членов большой академической семьи он снискал всеобщее уважение и авторитет как отзывчивый коллега, опытный наставник и ревностный пастырь.

В 1985 году архимандрит Иоанн назначен духовником Успенского Жировицкого монастыря. Добрая жизнь и духовная опытность пастыря сразу привлекли к нему сердца верующих. Он оказывал благотворное влияние на братию и сестер обители, исполняя послушание духовника с большой любовью.

Благодаря его мудрым советам и руководству в короткое время были благоустроены многие стороны жизни монастыря. И здесь, на новом послушании, священноначалие по достоинству оценило труды служителя Христова, наградив в 1987 году ко дню Святой Пасхи архимандрита Иоанна орденом Преподобного Сергия II степени, а через год Патриаршим крестом.

Деятельность духовного старца никогда не ограничивалась церковной сферой. При встрече с каждым человеком он стремился посеять в его сердце семена веры и благочестия, заставлял задуматься над смыслом жизни и грядущей участью души. Искренность, чистота и любвеобильность его сердца неизменно находили отклик со стороны лиц, с ним общавшихся. Известность отца Иоанна стала шириться и в светских кругах. Глубина суждений, ясность изложения таин духовной жизни привлекли к его творчеству внимание различных издательств. Газета «Мегаполис-Континент» в 1991 году опубликовала серию статей почившего: «Тайны жизни и смерти»[2], «Так постились на Руси...»[3], «Не поднимет народ на народ меча...»[4].

Отец Иоанн был большим молитвенником и имел дар Иисусовой молитвы. Она была дыханием его сердца. Духовная опытность и прозорливость старца влекли к нему сердца всех ищущих спасения и Жизни Вечной. В бытность его наставником Московских Духовных школ у дверей ризницы, которой заведовал отец Иоанн, всегда можно было видеть учащихся, сотрудников, прихожан храма, ждущих наставлений. В Успенском Жировицком монастыре не проходило и дня, чтобы кто-нибудь из насельниц обители и приезжавших из разных концов страны духовных чад старца не получал его наставлений. В женской общине Жировицкого монастыря

хранится письмо почившего митрополита Ленинградского и Новгородского Антония (Мельникова; † 1986) к инокиням обители, в котором Владыка советует плодотворнее использовать наставления отца Иоанна, так как он пробудет у них недолго. Эти слова оказались пророческими.

С августа 1990 года тяжелая предсмертная болезнь стала для ревностного труженика Христова жизненной Голгофой, увенчавшей крестный путь его земного странствования. В последнем земном испытании как никогда ярко проявилось богатство его добродетелей и красота души. Изнемогая почти от ежедневных сердечных приступов, он по-прежнему не оставлял без окормления своих духовных чад: одних принимал лично, на одре, другим отвечал письменно. Тем, кто пытался оградить больного от посетителей и их вопросов, духовник обители нередко говорил: «Я ради этого и живу». В одной из своих последних работ он писал: «Любить добро, плакать с плачущими, радоваться с радующимися — вот в чем духовная красота!»[5] Несмотря на недуг, схиархимандрит Иоанн завершил свой многолетний ученый труд — докторскую диссертацию, которую ему не суждено было защитить.

В понедельник 29 июля в 9 часов утра отец Иоанн причастился животворящих Христовых Таин, а через полчаса мирно отошел в Вечную Жизнь.

Сразу же после его кончины священноиноки начали непрерывное чтение Евангелия, служились панихиды. 30 июля гроб с телом схиархимандрита Иоанна был поставлен в Духовской церкви Троице-Сергиевой Лавры. Вечером собором священнослужителей был отслужен парастас, а ночью продолжалось чтение Евангелия. Духовные дети, приехавшие из разных городов страны, неотступно окружали гроб дорогого батюшки, испрашивая последнее благословение и молитв.

Утром 31 июля архимандрит Елевферий (Диденко) (в то время наместник Киево-Печерской Лавры) с собором священнослужителей совершил Божественную литургию и отпевание почившего. После отпевания надгробное слово произнесли преподаватель Московской Духовной Семинарии протоиерей Владимир Кучерявый, который рассказал о великом даре почившего пробуждать человеческие души от грехового сна, и заместитель председателя Издательского отдела Московского Патриархата архимандрит Иннокентий (Просвирнин). Он отметил, что почивший был большим молитвенником и, несомненно, его молитвенное предстательство пред Богом не прекратится и после отшествия в мир иной.

Панихиды на могиле старца, совершаемые в течение сорока дней при большом стечении молящихся, стали живым свидетельством того, что он не умер для своих чад, но сопричислен к тем, о которых сказано в Откровении: *Блаженны мертвые, умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними* (Откр. 14, 13).

6 сентября в сороковой день по преставлении схиархимандрита Иоанна в Успенском соборе Троице-Сергиевой Лавры была совершена заупокойная литургия, а затем собором духовенства, съехавшегося почтить память старца, отслужена панихида.

Душевный мир, светлые и возвышенные чувства уносили от места упокоения старца те, кто пришел в этот день почтить его память.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Журнал Московский Патриархии, 1983, № 6, с. 22.
[2] Мегаполис-Континент, 1991, № 16, с. 9.
[3] Там же, № 24, с. 7.
[4] Там же, № 31, с. 12.
[5] Там же, № 16, с. 10.

Игумен Феодосий (Бильченко), протоиерей Владимир КУЧЕРЯВЫЙ

ЦЕРКОВНОЕ ПРАВО

Роль мирян в управлении церковным имуществом с точки зрения канонов Древней Вселенской Церкви

(историко-канонический очерк)

Вопрос о роли мирян в управлении церковным имуществом, подлежащий нашему исследованию, настойчиво выдвигается современной русской церковной жизнью в связи с назревающими реформами строя церковного управления, и в частности с реформированием прихода, и до последнего времени служит предметом ученых исследований, публицистических статей, предсоборных совещаний. Быть объективными выразителями мнения *Древней Вселенской Церкви* по этому вопросу составит нашу задачу: мы ставим себе целью вслушаться, без всяких предвзятых тенденций, в *голоса канонов* Древней Вселенской Церкви, которая отзывалась, в лице святых соборов и отцов, на все запросы своей еще в то время юной и не во всех деталях внешне и внутренне организованной жизни.

Предварительно несколькими штрихами мы нарисуем путь возникновения и первоначального увеличения церковных имуществ, урегулирование которых и входило в сферу забот отцов Древней Церкви.

I

Необычайный религиозный подъем, испытываемый верующими в первые времена по Вознесении Господа, высокий дух христианской любви, проникавший их взаимные отношения, побуждали многих из них продавать свои движимые и недвижимые имущества, с тем чтобы вырученные от этого деньги принести к ногам апостолов в полное их распоряжение[1]. С такой щедростью верующие несли к апостолам, а затем и к их преемникам, епископам, свое достояние; таким обильным потоком лились их пожертвования, что у служителей Церкви открылась возможность не только отправлять богослужение с должным благолепием, но и снабжать клириков всем необходимым и оказывать посильную помощь бедным и убогим, находившимся в их общинах. И вот часть приношений отделялась для Таинства Евхаристии, остальное делилось между клириками и бедными. Распределение производилось апостолами, позже — епископами[2]. В начале своей жизни Церковь владела по преимуществу движимой собственностью, которую составляли деньги, плоды, вино, масло, одежда для бедных[3]. Недвижимое имущество могло быть отнято при всяком новом гонении, и потому Церковь не стремилась к его приобретению, хотя и имела недвижимости, по свидетельству церковных историков, уже в III веке. Еще со II века многие богатые и знатные фамилии, по обращении своем в христианство, приносили в дар Церкви богатые участки земли и другую недвижимость. Когда в начале IV века христианство сделалось господствующей религией, когда Церковь получила в государстве официальное положение с правом владеть всякого рода имуществами, церковные имущества особенно интенсивно стали умножаться, чему много содействовало и государство своими дарами; повсюду воздвигались храмы, возводились церковные постройки и пр. Такова вкратце история первоначального возникновения церковных имуществ, под именем которых, по канонам Древней Церкви, безраздельно считались имущества, предназначенные и на храм, и на содержание клира, и на благотворительные цели[4].

В естественной связи с историей их возникновения и увеличения в первые века христианской эры стоит вопрос о том, какие принципы проводила Древняя Церковь в своих канонах относительно собственника этого имущества, или, употребим современный юридический термин, субъекта права церковной собственности; относительно управления церковным имуществом и, в частности, органов этого управления. Первый вопрос, о субъекте, не имеет центрального места в рамках нашей темы, посвященной исследованию об управлении церковным имуществом: он имеет лишь вводное значение, и потому о нем скажем кратко. Кто должен быть признан собственником церковного имущества с точки зрения древнеканонических источников? На этот вопрос, имеющий большое многообразие решений (с различных точек зрения) в канонической литературе, особенно западной[5], древнеканонический кодекс не дает определенного ответа: он называет церковное имущество «принадлежащим Богу» (τὰ τοῦ Θεοῦ)[6], «имением Господним» (τὰ πράγματα Κυριακά)[7], «стяжанием Господним» (Δεσποτικὰ πράγματα)[8]. Эти выражения говорят о назначении имущества для прославления (в широком смысле) имени Божия как для вечной цели видимой Церкви; но они не говорят о Боге как обладателе этих имуществ: неестественно представлять Бога невидимым их владельцем[9]. Не может быть признан собственником принесенного в дар Церкви и жертвователь: об этом ясно свидетельствует 1-е правило Двукратного Собора[10]. Оно прямо осуждает посягательство на обладание посвященным Богу имуществом — со стороны жертвователей этого имущества и строителей храмов и монастырей. Это правило говорит с осуждением о тех, которые, пожертвовав монастырям свои усадьбы и имения, «пишут себя» владельцами пожертвованного: «не стыдятся они усвоять себе ту же власть и после пожертвования, какую не возбранялось им иметь прежде», «попускают себе властвование над тем, что однажды уже посвятили Богу». В своих заключительных строках 1-й канон Двукратного Собора высказывает и мотивы для такого осуждения: «...ибо аще не может кто-либо быти обладателем того, что подарил человеку, то как может быть попущено кому восхищати обладание тем, что он посвящает и приносит Богу»; было бы противоречием, если бы жертвователь, «отчуждивши» свое право собственности другому субъекту, продолжал оставаться собственником пожертвованного[11].

Субъектом собственности в церковном имуществе, которое, как мы сказали, стоит в прямой и тесной связи с вечным великим делом видимой, Воинствующей на земле Церкви и потому носит характер вечности, бессмертия относительно своего владения и управления, должна служить, согласно идее канонов, Церковь[12], или, точнее, упомянутая вечная цель видимой Церкви — прославление имени Божия; это — субъект идеального характера. Реальным субъектом, фактическим обладателем церковного имущества являются видимые носители и выполнители этой цели — храм и церковные учреждения: монастыри и пр.[13]

Какие же нормы устанавливают древние каноны для управления «имением Господним»? Каковы органы управления церковным имуществом, допустимо ли участие мирян в этом управлении с канонической точ-

ки зрения? Итак, мы подошли к разрешению нашей задачи. В первых строках нашего ответа на поставленный вопрос мы скажем об управлении церковным достоянием в первенствующей Церкви; затем, опираясь на свидетельства древних канонов, о нормах управления в эпоху Вселенских и Поместных Соборов, эпоху образования канонического кодекса.

II

Откроем страницу из истории первоначальной Иерусалимской Церкви. Заведование первыми церковными доходами (из начатков плодов и других приношений) и расходами было сосредоточено в руках апостолов[14]. Но призванные учить все языки, желая всецело отдать себя на служение Евангелию, апостолы отказываются, ради своего призвания, от личного распоряжения церковным имуществом и поручают заведование этим и благотворительностью семи мужам, которых, по предложению апостолов, верующие избрали из своей среды; эти мужи были поставлены на свое служение через апостольское руковозложение[15]. Они оставались под непосредственным надзором апостолов и являлись, таким образом, лишь как бы помощниками апостолов в деле управления имуществами[16]. Участие мирян в управлении церковным имуществом в апостольские времена выражалось единственно в том, что через них отправлялись пожертвования к месту своего назначения[17].

Место апостолов заступили, в качестве их преемников, епископы, к которым, по естественному порядку, перешло право распоряжения церковной собственностью.

Если апостолы были призваны проповедовать Евангелие по всей земле (и ради этого служения, как мы сказали, не брали на себя дела управления церковным имуществом), то епископы — их преемники — получали уже назначение к известной кафедре, которую им, по апостольским правилам, «непозволительно (было) оставляти и во иную переходити»[18]. При таких условиях, в связи с авторитетом их как истинных преемников апостолов, естественно возникали и крепли тесные отношения между епископом и управляемой им Церковью, для которой свой епископ становился в полном смысле слова отцом и управителем всего, что ее касалось[19]. «Как во епископе,— говорит епископ Никодим,— сосредоточивалось каждое священное и строго церковное дело его Церкви, так совсем естественно, и ради *необходимого* единства, должно было зависеть лично от него и экономическое управление данной Церкви»[20], и это тем более, что церковные имущества в первые века были вообще немногочисленны, управление ими не могло быть затруднительным для епископа, а то совершенное доверие, которое питали пасомые к своим пастырям, и общая строгость нравов не давали места каким бы то ни было подозрениям по отношению к епископам в этом управлении.

Санкцией такого нормально сложившегося отношения епископа к своей Церкви и его значения для нее и служило прежде всего 38-е апостольское правило. Оно предоставляет епископу власть свободного распоряжения всем церковно-имущественным достоянием «по его усмотрению»[21], освобождая его от отчета в этом управлении кому-либо, кроме Бога и своей совести[22]: «епископ да имеет попечение (ἐχέτω τὴν φροντίδα) о всех церковных вещах (πάντων τῶν Ἐκκλησιαστικῶν πράγμάτων) и оными да распоряжает (διοικεῖτω), яко Богу назирающу», то есть как бы пред лицом всевидящего Бога, ибо «каждый из епископов,— говорит во 2-м правиле святитель Кирилл Александрийский,— за свое время даст отчет Судии всех». У предстоятеля Церкви никто, следовательно, не имел права потребовать отчета в том, куда и как он распределяет приношения верных. Дальнейшие слова цитируемого апостольского правила указывают границы этой свободы епископа в управлении церковной собственностью: ими узаконяется неприкосновенность собственности Церкви[23]; епископу «воспрещено «присваивать что-либо из оных (церковных вещей), дарить своим родственникам что-либо «принадлежащее Богу» (τὰ τοῦ θεοῦ). Ему предоставляется право оказывать помощь своим *бедным* родственникам наравне с прочими бедными, так как церковное имущество должно быть, вообще, уделяемо и бедным»[24], но под предлогом раздачи бедным воспрещается *продавать* то, что принадлежит Церкви: «удовлетворять» и себя и бедных надлежит из доходов[25]. Эти замечания нисколько не колеблют полной безотчетности епископа в деле управления церковным имуществом.

Для мирян, по 38-му апостольскому правилу, нет никакого места в сфере этого управления: один епископ является носителем всей полноты власти управления.

Правила 40-е апостольское и 24-е Антиохийского Собора проводят принцип отделения личной собственности епископа от собственности кафедры, находящейся в его распоряжении: эти правила предписывают епископу, имеющему собственное «имение», делать «известным» — как его, так и «Господне» (τα' Κυριακα) — пресвитером и диаконам, состоявшим при нем[26]; эта мера имела целью предотвратить все недоразумения в случае смерти епископа или оставления им кафедры[27], а также те злоупотребления, какие могли возникнуть со стороны недостойных епископов. «Это не есть, однако,— говорит иеромонах Михаил[28] — контроль клира над епископским управлением: клир только «свидетель добросовестного управления» епископа над «стяжа-

нием Церкви». Мы опять не находим упоминания хотя бы о пассивном (в смысле осведомленности о состоянии имущества) участии мирян в управлении церковным имуществом, хотя к упоминанию был бы прямой повод, если бы это участие имело место; церковная собственность должна быть известной только клиру, но не мирянам.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Деян. 4, 34 и сл.; 5, 1—4. Об этом можно читать, например, у протоиерея о. *Александра Горского* «История Евангельской Церкви Апостольской» (М., 1883, с. 673 сл.); у *Н. Заозерского* «Право Православной Русской Церкви как предмет специальной юридической науки» (М., 1888, с. 60 сл.) и у других.

[2] Подробнее об этом см.: Συνοδικόν sive Pandectae canonum ecclesiae graecae: G. Beveregii annotationes. Oxonii, 1672, p. 126; Епископ *Никодим*. Православно церковное право. Мостар, 1902, с. 560; *Richter A.* Lehrbuch des Kirchenrechts. Leipzig,1867, s. 955 sgg.; *Helle H.* Das kirchliche Vermögen von der ältesten Zeit bis auf Constantin den Grossen. Padeborn, 1876, ss. 7 sgg.; *А. Иоанн.* Опыт курса церковного законоведения. Т. 1. СПб., с. 142—2, 419; *Andre.* Cours alphabétique de droit canon. T. 1. 1844, p. 307.

[3] См., например, 3-е и 4-е апостольские правила.

[4] 41-е, 59-е апостольские правила; 25-е правило Антиохийского Собора. См. у проф. *И. Бердникова* «Акты предсоборного присутствия» (Церковный вестник, 1907, № 2, с. 308).

Детально исследованную историю церковных имуществ в первые века дает *П. Лашкарев*: «Отношение Римского государства к религии вообще и к христианству в особенности до Константина Великого включительно». Киев, 1876, 76 сл.; Перевод с нем. *И. Троицкого*: «Церковные имущества до Юстиниана I», «Христианские чтения», 1866, ч. 1. См. также в статье *В. Ковалевского*: «Имеют ли основания притязания мирян на управление церковным имуществом?». «Вера и разум», 1887, т. 1.

[5] См., например, у Walter'a: Lehrbuch des Kirchenrechts aller christiichen Confessionen. Bonn, 1886, s. 469; I. Schulte: Das katholische Kirchenrecht. 2 Th. Giessen, 1856, s. 477 и др.; у *И. Бердникова*: Курс церковного права. Казань, 1888, с. 454 и др.

[6] 38-е апостольское правило.

[7] 40-е апостольское правило.

[8] 41-е правило Карфагенского Собора.

[9] Ср.: *Н. Суворов*. Учебник церковного права. М., 1902, с. 430. *В. Ковалевский*. Цит. соч., с. 852.

[10] Ср. 24, 49, 13 правило IV Вселенского Собора.

[11] Святые Иустин и Киприан Карфагенский свидетельствуют, что церковные имущества в их время имели характер именно *церковных*, но не общинных имуществ, и что распоряжение имуществами было предоставлено настоятелям церквей (Материалы к предстоящему Собору. «Церковный вестник», 1906, № 2).

[12] См., например, в 38-м апостольском правиле: «τά τῆς Ἐκκλησίας» = принадлежащее Церкви. Ср. 35-е правило VI Вселенского Собора; 15-е правило Анкирского Собора, 24-е и 25-е правило Антиохийского Собора, 11-е — Феофила Александрийского.

[13] См., например, Cod. Just. lib. I, tit. II, 1; lib. I, tit. II, 26, §§ 1 и 2. Instit. Just lib. 2, tit, 1; Dig. 1 tit. VIII, c. VI, § 2 и др. Ср.: *Н. Заозерский*. Что есть православный приход и чем он должен быть? «Богословский вестник», 1911, № 12, с. 664. *И. Бердников*. «Сепаратный проект положения о православном русском приходе». «Церковные ведомости», 1907, № 2, с. 2. *А. С. Павлов*. «Курс церковного права». Сергиева Лавра, 1902, с. 445 и др. Принятая большинством голосов общим предсоборным присутствием *формула IV отдела предсоборного* присутствия 1906 г. гласит: «Православная Церковь Российская является собственником всего церковного, причтового и приходского имущества».

[14] Деяния 4, 34 сл.; 1 Кор. 16, 2—3. См. *Никодим* еп. «Правила Православной Церкви с толкованиями». Пер. с сербского. Ч. I. СПб., 1912, с. 106 сл.

[15] Деяния 6, 1—6. См. о них у Helle, op. cit., 43 и у др. «Эти мужи, говорит *Н. Соколов*, были прототипами церковных экономов позднейшего времени». («О составе епископского управления в Древней Церкви». Пр. Об. 1870, II, 470.) Ср. иеромонах *Михаил*. «Законодательство римских — византийских императоров о внешних правах Церкви». Казань, 1901, с. 125. При Игнатии Богоносце и Поликарпе Смирнском, мужах апостольских, диаконы и пресвитеры были призваны к соучастию (с епископами) в деле управления имуществами Церкви, но с полной подчиненностью епископу — об этом см. у *П. Соколова*, «Церковно-имущественное право в гр.-р. империи». Новгород, 1896, с. 220.

[16] Ср. 1 Тим. 3, 8—10.

[17] 2 Кор. 8, 22.

[18] 14-е апостольское правило.

[19] Ср. 4-е, 41-е апостольские правила и др.

[20] Правила. Ч. I, с. 107.

[21] Ср. 39-е, 41-е апостольские правила; 24-е, 25-е правила Антиохийского Собора, 26-е — IV Вселенского Собора, 12-е — VII-го, 2-е — Кирилла Александрийского. По 4-му апостольскому правилу, епископу было предоставлено право производить раздел приношений; раздел мог быть совершен или лично епископом, или же, иногда, по его назначению, диаконами (епископ *Никодим*: I, 51).

См. толкование *Вальсамона* на 38-е и 39-е правила.

[22] Ср. 24-е, 25-е правила Антиохийского Собора, 2-е правило Кирилла Александрийского.

[23] Ср. 40-е, 41-е апостольские правила; 24-е, 25-е — Антиохийского Собора; 10-е, 11-е — Феофила Александрийского.

[24] Толкование Зонары на 59-е апостольское правило. Ср. 25-е правило Антиохийского Собора, 11-е — Феофила Александрийского, 41-е апостольское правило.

[25] «Отчуждать же посвященное Богу непозволительно» (Matthaei monachi, sive Vlastaris, Syntagma alphabetica ВО Συνοδικον, с. 121).

Эта идея о неотчуждаемости церковных имуществ, жившая в таком виде в сознании Церкви в первые века, нашла себе более полное выражение в 12-м правиле VII Вселенского Собора, 15-е правило Антиохийского Собора, 22 и 24 — IV Вселенского Собора, 35 и 49 — VI Собора, 13 — VII Собора, 2 — Кирилла, 35 и 42-е правила Карфагенского Собора. По двум последним, епископ не мог продавать церковного имущества без самой крайней нужды, и не иначе, как по совещанию о том со своим митрополитом и несколькими другими епископами его епархии: в случаях безотлагательной необходимости и вызванной этим продажи епископ должен был после продажи представить объяснение об этом последнему Собору. См. Prof. J. Silbernage. Verfassung und gegenwärtiger Bestand. Jämmtlicher Kirchen des Orients. Landshut, 1865, s. 25 и др.

[26] «Да будет же явно принадлежащее Церкви, открыто окружающим его (епископа) пресвитерам и диаконам» (24-е правило Антиохийского Собора).

[27] Алфавитная *Синтагма* М. Властаря (в пер. И. Ильинского, с. 2).

[28] Цит. соч., с. 125.

Б. ЯРУШЕВИЧ,
(митрополит Николай; † 1961)

(Продолжение следует)

Сдано в набор 22.10.92. Подписано в печать 02.12.92. Заказ 1168. Индекс 71157

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат
Министерства печати и информации Российской Федерации
142300, г. Чехов Московской области

ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА ЛАВРА

Здесь, под спудом в Духовской церкви, погребен митрополит Филарет (Дроздов; †1867)

ИЗДАНИЕ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ